

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАЖИМОСТИ

КОГНИТИВНО-АССОЦИАТИВНАЯ СТРУКТУРА
ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

САПОГИ ДОСТОЕВСКОГО: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ
В ОНТОЛОГИИ ПИСАТЕЛЯ

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

2022 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобр-науки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Королевство Испания);

Киселёва И. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2022. — № 5. — 122 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology"
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Honored Worker of Science;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Philology" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2022. – No. 5. – 122 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Архипова И. В. Функциональный потенциал таксисных актуализаторов (на материале русских предложных девербативов)	6
Куличева Е. В. Слова с корнем -дом- как репрезентанты концепта «дом» в художественных произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой	14
Логинов А. В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости	25
Федотова Т. В., Черкашина Т. Т. Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного	32
Федорова Ю. А. Синтаксическая функция инфинитива в инфинитивно-субстантивном предложении	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алтатова Т. А. Сапоги Достоевского: художественная деталь в онтологии писателя	49
Гун Хэнсин. Философская проблематика в поэзии А. П. Бунинной	59
Колосова С. Н. Стилизовое своеобразие сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина	67
Мишин А. В., Мишина Л. А. Российское пространство и время в европейском сознании XVIII века (на материале произведений С. Г. Гмелина)	79
Садыков П. Д. Цитирование Священного писания в агиографических произведениях (на примере Жития преп. Стефана Махрицкого)	90
Халилов Р. О. Комедия В. П. Катаева «Миллион терзаний»: критико-иронический аспект	98
Цзюй Юньшэн, Лобанова Т. Н. Китайский реалистический телесериал «Я Юй Хуаньшуй»: самоискупление современного «маленького человека»	107

РЕЦЕНЗИИ

Донина Л. Н., Халикова Н. В. Развитие концепта во времени и пространстве. Рецензия на книгу: Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с.	114
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гончарова Л. М., Пануша И. С. X Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии в современном мире»	118
---	-----

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- I. Arkhipova.** Functional Potential of Taxis Actualizers (Based on the Material of Russian Prepositional Deverbatives) 6
- E. Kulicheva.** The Words with the Root -дом- as Representatives of the Concept “House” in Works of 1950–1960 F. A. Vigdorova 14
- A. Loginov.** An Interrogative Sentence as a Means of Expressing Seemingness 25
- T. Fedotova, T. Cherkashina.** Cognitive-Associative Structure of a Proper Name 32
- Yu. Fedorova.** Syntactic Function of an Infinitive in an Infinitive-Substantive Sentence 42

LITERARY STUDIES

- T. Alpatova.** Dostoyevsky’s Boots: Artistic Details in the Writer’s Ontology. 49
- Gong Hengsin.** Philosophical Problems in the Poetry of Anna Bunina 59
- S. Kolosova.** Stylistic Originality of M. E. Saltykov-Shchedrin’s Tales 67
- A. Mishin, L. Mishina.** Russian Space and Time in the European Consciousness of the 18th Century (On the Material of S. G. Gmelin’s Works) 79
- P. Sadykov.** Citation of the Holy Writing in Hagiographic Works (On the Example of the Life of Stephen Makhrishchsky) 90
- R. Khalilov.** V. P. Kataev’s Comedy “A Million Torments”: Critical and Ironical Aspect 98
- Ju Yunsheng, T. Lobanova.** I Am Yu Huanshui: The Self-Redemption of the Contemporary “Little Man” 107

REVIEWS

- Donina L. N., Khalikova N. V.** Concept Development in Time and Space. Book Review: Kolesov V. V. The Conceptual Field of Russian Consciousness. St. Petersburg, A. I. Herzen State Pedagogical University Publ., 2021. 612 p. 114

SCIENTIFIC LIFE

- L. Goncharova, I. Papusha.** X International Scientific and Practical Conference “Humanitarian Technologies in the Modern World” 118

УДК 811.112.2'36

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-6-13

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАКСИСНЫХ АКТУАЛИЗАТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПРЕДЛОЖНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ)

Архипова И. В.

Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть русские девербативы на *-ние / -ение, -тие / -ие, -к(а) / -овк(а) / -ёжк(а), -ация, -ч(а), -б(а), -ок, -ø* в роли таксисных актуализаторов.

Процедура и методы. В работе проанализированы различные девербативы, употребляемые с монотаксисными и политаксисными предлогами темпоральной и обстоятельственной семантики *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне, при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, невзирая на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от*. При проведении исследования применены следующие методы: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Результаты. Было выявлено, что при употреблении с предлогами темпоральной семантики девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В случае сочетания с предлогами обстоятельственной семантики они выступают в качестве актуализаторов секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе исследуется вопрос актуализации таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в русских высказываниях с предложными девербативами. Результаты исследования вносят некоторый вклад в теорию таксиса. Основные положения исследования могут быть использованы при преподавании теории языка и функциональной грамматики.

Ключевые слова: девербатив, монотаксисный предлог, политаксисный предлог, примарно-таксисная категориальная ситуация, секундарно-таксисная категориальная ситуация, таксисная категориальная ситуация, таксисный актуализатор, функциональный потенциал

FUNCTIONAL POTENTIAL OF TAXIS ACTUALIZERS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PREPOSITIONAL DEVERBATIVES)

I. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University

ul. Vilyuiskaya 28, Novosibirsk 630126, Russian Federation

Abstract

Aim. We consider Russian deverbatives ending in *-ние / -ение, -тие / -ие, -к(а) / -овк(а) / -ёжк(а), -ация, -ч(а), -б(а), -ок, and -ø* in the role of taxis actualizers.

Methodology. The paper analyzes various deverbatives used with monotaxis and polyaxis prepositions of temporal and adverbial semantics, such as *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне*,

при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, невзирая на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от. Use is made of such methods as hypothetical-deductive, inductive, descriptive, and classification methods, as well as the method of generalization and interpretation of linguistic material.

Results. It is found that deverbatives used with prepositions of temporal semantics actualize primary-taxis categorial situations of simultaneity, precedence and sequence. When combined with prepositions of adverbial semantics, they act as actualizers of secondary-taxis categorial situations of simultaneity.

Research implications. The paper examines the problem of actualizing taxis categorial situations of simultaneity and non-simultaneity in Russian statements with prepositional deverbatives. The obtained results make a contribution to the taxis theory and can be used in teaching language theory and functional grammar courses.

Keywords: deverbative, functional potential, taxis actualizer, monotaxis preposition, polytaxis preposition, taxis categorial situation, primary taxis categorial situation, secondary taxis, categorial situation

Введение

Проблемы таксисной категориальной семантики одновременности и разновременности и её актуализации в различных языках, в том числе в аспекте взаимодействия с категориями темпоральности и аспектуальности, освещаются в работах ряда современных отечественных лингвистов (А. В. Бондарко [2; 3], Н. Л. Кудинова [4]; В. П. Недялков, Т. А. Отаина [6], Н. А. Ляшенко [5], И. В. Архипова [1], Т. Е. Шаповалова [8]). Зарубежные лингвисты рассматривают лишь аспект и категорию аспектуальности [9; 10], а категория таксиса остаётся, как правило, вне поля их исследования.

В нашем исследовательском поле находится вопрос актуализации таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования в русских высказываниях с предложными deverbативами. В этой связи чрезвычайно важным представляется рассмотрение функционального потенциала русских предложных deverbативов, выступающих в функции таксисных актуализаторов.

Современные исследователи не затрагивают проблемы актуализации функционального потенциала русских deverbативов в речевом (синтагматическом) контексте, ограничиваясь лишь описанием их вербальных (глагольных) и аспектуальных признаков перфективности, имперфективности, дуративности и др. [7], что обуславливает актуальность рассмотрения русских предложных deverbативов в функции таксисных актуализаторов.

Функциональный потенциал deverbативных существительных

В данной работе под функциональным потенциалом deverbативных существительных следует понимать их способность к актуализации таксисных категориальных значений одновременности при условии сочетания с различными таксисными (монотаксисными, политаксисными) предложениями. Реализуя свой функциональный потенциал, deverbативы в сочетании с таксисными предложениями выступают в качестве различных таксисных актуализаторов. Среди таксисных предлогов мы выделяем монотаксисные и политаксисные предлоги. В качестве критерия разграничения монотаксисной и политаксисной функций предлогов выступает их семантика – моносемичная или полисемичная, – детерминирующая их способность маркировать один или несколько вариантов таксисных категориальных ситуаций (примарно-таксисных, секундарно-таксисных). Deverbативы в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики выступают в роли маркёров примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования или следования. Deverbативы в сочетании с другими обстоятельственными монотаксисными / политаксисными предложениями являются маркёрами различных секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности. Для примарно-таксисных категориальных ситуаций характерна однозначная репрезентация

хронологического значения одновременно, предшествования или следования в так называемом «чистом виде», т. е. без дополнительных обстоятельственных значений. Секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности характеризуются синкретизмом хронологического значения одновременности и некоторого обстоятельственного значения логической обусловленности (условия, уступки, причины, следствия и др.).

В русском языке свой функциональный потенциал реализуют акциональные, процессуальные, событийные и статальные девербативы различной аспектуальной семантики (дуративности, неопределённости, недуративности, предельности и др.). К ним относятся имена, оканчивающиеся на *-ние / -ение, -тие / -ие, -к(а) / -овк(а) / -ёжк(а), -ация, -ч(а), -б(а), -ок*, а также безаффиксные имена типа *приезд, отъезд, приход, отход, обход, досмотр, привоз, перехват, захват, розыск, развод, отлёт, прилёт, взлёт, взрыв, запрет, опрос, запрос, допрос, крик, стон, поиск, испуг* и др., например:

(1) *После приезда Наташи* всё изменилось в квартире¹;

(2) *До прибытия царя* Наталью Кирилловну не трогали²;

(3) *После прихода к власти* Саакашвили остался без работы³.

(4) *А при отъезде из Москвы* видел у Киевского другое отделение ...⁴.

(5) Это случилось *перед появлением звёзд* ...⁵.

В приведённых выше примерах (1–5) девербативы *приезд, прибытие, появление, приход, отъезд* при сочетании с монологическими темпоральными предложениями *после, до, перед* и полилогическим предложением *при* в темпоральном значении выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования.

Русские девербативы с суффиксом *-ок* характеризуются семейфактивным значением одноактности и являются актуализаторами семейфактивно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, например:

(6) *При броске пехоты в атаку* орудия сопровождения уничтожают отдельные ожившие точки на флангах и в промежутках подразделений и сопровождают пехоту колёсами⁶;

(7) Захаров *во время толчка* сидел в нужнике ...⁷.

В приведённых высказываниях (6–7) семейфактивные русские девербативы *бросок, толчок* в сочетании с монологическим темпоральным предложением *во время* и полилогическим предложением *при* в темпоральном значении выполняют функцию актуализаторов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Русские предложные девербативы как актуализаторы примарно-таксисных категориальных ситуаций

При сочетании с монологическими темпоральными предложениями семантики *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне* и полилогическим предложением *при* в темпоральном значении русские девербативы актуализируют примарно-таксисные

¹ Гроссман В. Жизнь и судьба, часть 3 (1960) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

² Толстой А. Н. Пётр Первый. Книга первая (1930) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Козловский Б., Марсагишвили И. Цветные революции. Версия 2.0 // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Работнов Н. С. Дневник (1977) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁵ Жемайтис С. Большая лагуна (1977) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁶ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4 (1941–1945) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁷ Орешников А. В. Дневник (1927) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

категориальные значения одновременно-сти, предшествования и следования, например:

(8) *Во время падения* произошла вспышка в голове ...¹.

(9) В Иерихо, *при посещении раскопок*, я совершил faux pas ...²;

(10) А осенью, *после возвращения в город*, она переедет в Москву...³.

(11) ... *до прибытия иркутских рабочих*, надежды на возобновление работ нет никакой⁴.

В приведённых примерах (8–11) русские предложные девербативы выступают в функции актуализаторов примарного таксиса одновременноности (см. предложные девербативы *во время падения*, *при посещении раскопок*), следования (см. предложный девербатив *после возвращения в город*) и предшествования (см. предложный девербатив *до прибытия иркутских рабочих*).

При употреблении с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики русские девербативы способны последовательно реализовывать свой функциональный потенциал, выступая в функции актуализаторов различных вариантов примарного таксиса. В обследованных высказываниях русского языка с предложениями *во время*, *в течение*, *после*, *перед*, *до*, *с*, *при*, *накануне* они могут актуализировать примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (полной / частичной), а также следования (строгого / нестрогого) и предшествования (строгого / нестрогого).

¹ Отзыв на сайте о летнем лагере (2003) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

² Рубин В. А. Дневники. Письма (1981) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Улицкая Л. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] Дневники. Письма (1981) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ События на Ленских приисках. По телеграфу от нашего корреспондента (04.05.1912) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

Примарно-таксисные категориальные ситуации полной одновременности актуализируются в русских высказываниях с предложными девербативами, как правило, в случае употребления монотаксисных темпоральных предлогов *во время*, *в течение* и политаксисного предлога *при*, например:

(12) Капитан *во время прощания с покойной женой* бился головой о стену⁵;

(13) *Во время развода* автотранспорт по мостам движется только в рекламных роликах⁶;

(14) *При возвращении в Россию из-за рубежа* для граждан действует ряд условий ...⁷.

Условиями актуализации категориального значения полной одновременности могут выступать темпоральная семантика монотаксисного предлога в составе предложного акционального или процессуального девербатива, а также лексическая и аспектальная семантика глагола (в частности, семантика дуративности и имперфективности).

Примарно-таксисные категориальные ситуации частичной одновременности могут быть актуализованы в высказываниях с политаксисным предлогом *с* в темпоральном значении, например:

(15) *С приходом «дельта»-штамма* выросло количество тяжёлых случаев заболевания коронавирусной инфекцией среди детей⁸;

(16) *С приездом его дочери* бюджет его доходов совершенно изменился⁹.

⁵ Астафьев В. Весёлый солдат (1987–1997) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁶ Шулаев В. Увидеть Санкт-Петербург и начать жить (2003) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁷ Росавиация разрешила вывозные рейсы из-за рубежа // Вести.ру: [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2481977> (дата обращения: 08.08.2022).

⁸ Бут З. Врачи объяснили, почему дети с коронавирусом стали чаще попадать в реанимацию // Парламентская газета: [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/vrachi-obyasnili-pochemu-deti-s-koronavirusom-stali-chashhe-popadat-v-reanimaciyu.html> (дата обращения: 08.08.2022).

⁹ Лажечников И. И. Беленькие, чёрненькие и серенькие // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

На факт актуализации примарно-таксисного категориального значения частичной одновременности могут указывать темпоральная семантика монотаксисного предлога *с*, а также лексическая и аспектуальная семантика девербативов и глаголов (в частности, акциональности, событийности, предельности, недуративности и др.) (см. примеры 14–15).

Примарно-таксисные категориальные ситуации следования (строгого / нестрогого) актуализируются в русских высказываниях с предложными девербативами с монотаксисными темпоральными предлогами *по* и *после*, например:

(17) У американских конгрессменов *после прихода в Белый дом администрации Джорджа Буша* возник ряд вопросов к России ...¹;

(18) *После возвращения домой*, летом 1961 года я выступала в одном из концертов в курортном Сочи ...².

Примарно-таксисные категориальные ситуации предшествования (строгого / нестрогого) могут быть актуализованы в высказываниях с предложными девербативами с монотаксисными темпоральными предлогами *до*, *перед*, *накануне*, например:

(19) Но ещё *до расставания с клубом* произошёл характерный эпизод³;

(20) Хотя *перед приездом в Москву* я уже пела в «Кармен» в Свердловске ...⁴;

(21) *Накануне возвращения на базу* дал об этом радиোগраму...⁵.

¹ Литовкин Д. Сроки подвига переносятся. Отечественное химоружие трудно уничтожить вовремя // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

² Архипова И. К. Музыка жизни (1996) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Крон А. Капитан дальнего плавания (1983) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Архипова И. К. Музыка жизни (1996) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁵ Крон А. Капитан дальнего плавания (1983) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

Русские предложные девербативы как актуализаторы секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности

При условии сочетания с политаксисными и монотаксисными предлогами обстоятельственной семантики (модальной, каузальной, concessивной, инструментальной, кондициональной и др.) русские предложные девербативы реализуют свой функциональный потенциал, выступая в качестве актуализаторов различных разновидностей секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности. Маркёром той или иной разновидности секундарно-таксисной категориальной ситуации выступает моносемичный или полисемичный таксисный предлог (см. предлоги обстоятельственной семантики *под*, *при*, *вопреки*, *несмотря на*, *невзирая на*, *в силу*, *благодаря*, *ради*, *для*, *из-за*, *от*, *вследствие*).

Русские девербативы различной лексической и аспектуальной семантики (статальной, акциональной, процессуальной, дуративной, недуративной, итеративной / неитеративной и др.) (см. имена *бормотание*, *стоны*, *рёв*) при их употреблении с монотаксисным обстоятельным предлогом модальной семантики *под* выступают в функции актуализаторов модально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, в частности, итеративно-модально-таксисной (при наличии словообразовательно-итеративного девербатива *стоны*, см. пример 22) и дистрибутивно-модально-таксисной (в случае дистрибутивной множественности субъектных актантов глагольных действий, см. пример 23):

(22) ... крутили головами *под бормотание Кашипиловского*⁶;

(23) ... *под стоны и рёв гитар* несутся речовки ...⁷.

⁶ Беседовала Наталья Гранина. «Мы стали жадными и подозрительными» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁷ Макс Хаген. Лу и Лулу // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

Аффиксальные девербативы на *-ние*, в частности, *запрещение*, *использование*, в русских высказываниях с моноксисными предложениями консекutivoй и концессивной семантики *вследствие*, *несмотря на* актуализируют консекutivo-таксисную и концессивно-таксисную категориальные ситуации одновременности, например:

(24) *Вследствие запрещения коменданта Софии, полковника Атаносова, упоминать о взрыве, газеты поместили отчёт о бале, как будто бы на нём ничего особенного не произошло*¹;

(25) *Вторая турецкая контратака, произведённая в ночь на 4 мая, также была неудачна, несмотря на использование всех резервов*².

В приведённых примерах (24–25) русские предложные девербативы выступают в качестве актуализаторов консекutivo-таксисной и концессивно-таксисной категориальных ситуаций одновременности.

В следующих русских высказываниях с аффиксальными девербативами *появление*, *изучение*, *применение*, употребляемыми с моноксисными предложениями каузальной и финальной семантики *из-за*, *благодаря*, *для*, актуализованы каузально-таксисные и финально-таксисные категориальные ситуации одновременности:

(26) *Из-за появления новых возможностей у истребителя, было принято решение упростить управление*³;

(27) *Благодаря изучению этого моря на глубинных аппаратах установлено, что оно размещается в тектонической трещине ...*⁴;

(28) *Для применения 10 таких боеприпасов ... использовалась авиационная кассета СБУ-97*⁵.

В приведённых примерах (26–28) предложные девербативы выступают в качестве актуализаторов каузального и финального таксиса одновременности.

При употреблении с таксисными предложениями обстоятельственной семантики *при*, *под*, *для*, *ради*, *вопреки*, *несмотря на*, *невзирая на*, *вследствие*, *в силу*, *благодаря*, *из-за*, *от* русские предложные девербативы способны выступать в качестве актуализаторов различных вариантов секундарного таксиса одновременности, например:

(29) *Под шум в ушах шли на ум невесёлые мысли*⁶;

(30) *Для изучения деятельности хакеров применялась методология «опыта потока»*⁷;

(31) *С целью рассмотрения гражданских и административных дел в первой инстанции функционируют две соответствующие коллегии*⁸;

(32) *Профиля железной дороги всё ещё не получили, несмотря на обещания путейца*⁹;

(33) *Лаборатории организовать не удалось вследствие запрета пожарникам оказывать КСЭ помощь вертолётами*¹⁰;

(34) *При ближайшем рассмотрении выявляются два аспекта проблемы...*¹¹.

¹ Взрыв адской машины в Софии (17.02.1915) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

² Коленковский А. К. Дарданелльская операция (1930) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Форум: Звёздные войны: АИ-корабли (2011) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Скарлато Г. П. Удивительная планета Земля. География: тайны и открытия (1997) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁵ Соколов А. Балканская «дуэль» (2003) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁶ Крейд В. Георгий Иванов в Йере (1997) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁷ Войсунский А. Е., Смылова О. В. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁸ Судебная система // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁹ Классон Р. Э. Дневник (1900) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁰ Вронский Б. И. Дневник (1975) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

¹¹ Корепанов К. К вопросу о богословском содержании понятия «святость» в Священном Писании Ветхого Завета // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

В приведённых выше высказываниях (29–34) русские предложные девербативы в сочетании с моноксисными и политаксисными обстоятельственными предложениями *под, для, с целью, несмотря на, вследствие, при*, выступающими в модальном, финальном, concessивном, consecutivoном и кондициональном значениях, выполняют функцию актуализаторов модального, финального, concessивного, consecutivoного и кондиционального таксиса одновременности.

Заключение

Русские девербативы различной лексической, словообразовательной и аспектуальной семантики способны реализовывать свой функциональный потенциал при условии их сочетания с моноксисными и политаксисными темпоральными, модальными, каузальными, финальными, concessивными и другими предложениями, выступая при этом в качестве актуализаторов при-

марного и секундарного таксиса одновременности и разновременности.

При сочетании с моноксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *во время, в течение, после, перед, до, с, по, накануне, при* русские девербативы выполняют функцию актуализаторов примарного таксиса одновременности и разновременности. При употреблении с политаксисным предложением *при* в кондициональном значении и моноксисными предложениями модальной, concessивной, consecutivoной, каузальной и финальной семантики *под, вопреки, несмотря на, невзирая на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от, ради, с целью, в целях, для* русские девербативы выступают в качестве актуализаторов модально-таксисных, кондиционально-таксисных, concessивно-таксисных, consecutivoно-таксисных, каузально-таксисных и финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. 173 с.
2. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
3. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: ЯСК, 2017. 333 с.
4. Кудинова Н. Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5. С. 73–79.
5. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в русском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках / Н. Г. Склярова, А. В. Николаева, К. Н. Симонова, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. С. 229–245.
6. Недялков В. П., Отаина Т. А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296–319.
7. Пчелинцева Е. Э. Аспектуальные признаки в русских отглагольных именах действия: подходы и классификации // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2016. № 1 (51). С. 108–119.
8. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания. М.: МГОУ, 2020. 167 с.
9. Biskup M. Aktionsart oder Verbalcharakter? Einige Bemerkungen zur Klassifizierung der Aktionsarten im Deutschen // Tendenzen in der deutschen Wortbildung – diachron und synchron. 2017. Band I. S. 65–75.
10. Klimonov W. D. Semantische und pragmatische Parameter der Aspektualität im Russischen und im Deutschen // Beiträge zu einer russisch-deutschen kontrastiven Grammatik / eds. W. Gladrow, R. Hammel. Berne: Peter Lang, 2001. S. 151–168.

REFERENCES

1. Arhipova I. V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [The Category of Taxis in Languages with Different Structures]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2020. 173 p.
2. Bondarko A. V. [General Characteristics of Semantics and Structure of the Taxis Field]. In: Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 234–242.
3. Bondarko A. V. *Glagoľ'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Verbal Categories in the System of Functional Grammar]. Moscow, YASK Publ., 2017. 333 p.
4. Kudinova N. L. [Realization of Taxis Semantics of Simultaneity by Means of Dependent Taxis in Russian and English]. In: *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2018, no. 5, pp. 73–79.
5. Lyashenko N. A. [Functional-Semantic Field of Taxis in Russian]. In: Sklyarova N. G., Nikolaeva A. V., Simonova K. N., Lyashenko N. A., Molchanova S. E. *Funktsional'no-semanticheskie polya raznykh tipov v angliiskom i russkom yazykakh* [Functional-Semantic Fields of Different Types in English and Russian Languages]. Rostov-on-Don, Fund for Science and Education Publ., 2019, pp. 229–245.
6. Nedyalkov V. P., Otaina T. A. [Typological and Comparative Aspects of Dependent Taxis (On the Basis of the Nivkh Language in Comparison with Russian)]. In: Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 296–319.
7. Pchelintseva E. E. [Aspectual Features in Russian Verbal Names of Action: Approaches and Classifications]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2016, no. 1 (51), pp. 108–119.
8. Shapovalova T. E. *Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya* [Temporal Semantics of Poetic Utterance]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2020. 167 p.
9. Biskup M. Aktionsart oder Verbalcharakter? Einige Bemerkungen zur Klassifizierung der Aktionsarten im Deutschen. In: *Tendenzen in der deutschen Wortbildung – diachron und synchron*, 2017, b. I, pp. 65–75.
10. Klimonov W. D. Semantische und pragmatische Parameter der Aspektualität im Russischen und im Deutschen. In: Gladrow W., Hammel R., eds. *Beiträge zu einer russisch-deutschen kontrastiven Grammatik*. Berne, Peter Lang, 2001. S. 151–168.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: irarch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University,
e-mail: irarch@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипова И. В. Функциональный потенциал таксисных актуализаторов (на материале русских предложных девербативов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-6-13

FOR CITATION

Arkhipova I. V. Functional Potential of Taxis Actualizers (Based on the Material of Russian Prepositional Deverbatives). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-6-13

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-14-24

СЛОВА С КОРНЕМ *-ДОМ-* КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1950–1960 ГГ. Ф. А. ВИГДОРОВОЙ

Куличева Е. В.*Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить роль слов с корнем *-дом-* в художественных текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой.

Процедура и методы. В работе установлена частотность употребления Ф. А. Вигдоровой слов с корнем *-дом-*; рассмотрены их лексикографические характеристики; проанализировано гнездо слов с корнем *-дом-*; выявлены особенности семантического объёма однокоренных слов; показана широкая семантика лексемы *дом*. Применены методы исследования: лингвистическое наблюдение, описание, интерпретация, статистический подсчёт, элементы компонентного анализа.

Результаты. В исследовании представлен анализ слов с корнем *-дом-* в художественных текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой. Характеризуются состав, особенности синтагматики, прагматика использования единиц в произведениях. Установлено, что исследованные единицы, выступающие в качестве узуальных экспликаторов концепта «дом», отражают ценностные установки писательницы, культурно-исторические реалии эпохи, ментальность русского народа, духовную, образовательную, воспитательную, профессиональную, социальную сферы жизни в текстах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научная новизна работы обусловлена впервые выявленными особенностями семантического объёма лексем с корнем *-дом-* в художественных текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой. Итоги работы позволяют расширить представление о специфике мировосприятия Ф. А. Вигдоровой как языковой личности, об особенностях её концептосферы. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке лекций, практических занятий по стилистике, лингвистической семантике, лингвокультурологии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: идиостиль, концепт «дом», лексема, слова с корнем *-дом-*, язык произведений Ф. А. Вигдоровой

WORDS WITH THE ROOT *-DOM-* AS REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT OF “HOUSE” IN F. A. VIGDOROVA’S WORKS WRITTEN IN 1950–1960

E. Kulicheva*An independent researcher, Moscow, Russia*

Abstract

Aim. The role of words with the root *-dom-* is identified in literary texts written by F. A. Vigdorova in the 1950s–1960s.

Methodology. The paper establishes the frequency of F. A. Vigdorova’s usage of words with the root *-дом-* and examines their lexicographic characteristics. The nest of words with the root *-дом-* is analyzed, and the features of the semantic volume of lexemes with the root *-дом-* are revealed. It is shown that the lexeme *дом* has broad semantics. Use is made of the following research methods: linguistic observation, description, interpretation, statistical calculation, and elements of component analysis.

Results. Some features of the semantic volume of the lexeme with the root *-дом-* are identified for the first time in F. A. Vigdorova’s literary texts of 1950–1960. The obtained results allow one to expand the idea about the specifics of F. A. Vigdorova’s worldview as a linguistic personality, and about the features

of her conceptual sphere. The results of the research can be used in lectures and practical classes on stylistics, linguistic semantics, and linguoculturology in higher educational institutions.

Keywords: idiostyle, concept of “home”, lexeme, words with the root -дом-, language of F. A. Vigdorova's works

Введение

Рассмотреть роль концепта «дом» в прозе 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой – цель данной работы. В связи с указанной целью определяем следующие задачи: установление частотности употребления лексемы *дом*; рассмотрение лексикографических данных в отношении исследуемых слов; анализ слов с корнем -дом- в текстах; определение особенностей семантического объёма лексем с корнем -дом-.

В работе впервые проанализированы особенности семантического объёма лексем с корнем -дом- в произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой, в чём заключается новизна работы.

Применены следующие методы исследования: описательно-аналитический, предусматривающий наблюдение анализируемых явлений в конкретных речевых условиях, систематизацию и обобщение функционирующих в языке Ф. А. Вигдоровой единиц; элементы стилистико-функционально-контекстологического метода применялись при выявлении закономерностей отбора и использования писательницей языковых средств; метод интерпретации, статистического подсчёта; элементы компонентного анализа применялись при определении семантического объёма единиц в текстах, а также при представлении их словообразовательной структуры. Метод когнитивной лингвистики – лингвокультурологический – применялся при оценке национальной самобытности характеристик автора, построенных с использованием лексики общенациональных ресурсов.

О концепте «дом» писали многие отечественные учёные (более 110 работ за последние годы, по данным НЭБ eLibrary [10, с. 147]): С. А. Тимощенко (2007) [15]; Л. А. Базылова (2009) [1]; Д. Р. Валеева

(2010) [2]; Б. Г. Глозман (2010) [3]; В. В. Мороз, С. Н. Рымарович (2014) [12]; О. В. Ланская (2015) [9]; Т. С. Мясникова (2017) [13]; Е. Н. Соколова (2018) [14]; Л. И. Коновалова (2018) [8]; О. В. Тиунова (2019) [16]; А. В. Шаколо (2020) [17]; Л. Р. Шмигельская, Н. А. Сегал (2020) [18]; М. В. Зимина, А. С. Байкова (2021) [4]; Б. Б. Ильин (2021) [5]; А. А. Ключева (2022) [6]; М. В. Логинова, Н. И. Прохорова (2022) [11] и др. Данные труды послужили теоретической базой исследования.

Частота использования слов с корнем -дом- в текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой

Слово *дом* составляет основу ценностного ядра ментально-лингвального комплекса языковой личности Ф. А. Вигдоровой, на что указывает высокая частота использования единицы.

Лексемы с корнем -дом-, зафиксированные нами в произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой, многочисленны. Так, в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица», в трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» отмечаем 655 употреблений словоформ лексемы *дом*, в том числе в составе устойчивых словосочетаний номинативного типа: *детский дом* – 112, *режимный дом* – 5, *дом для умственно отсталых детей* – 2, *дом для трудных* – 9, *совет детского дома* – 9, *совет дома* – 19, *дом для одарённых детей* – 1, *Дом кино* – 9, *родильный дом* – 8, *Дом пионеров* – 2, *Дом офицеров* – 4; *Дом союзов* – 1; гапакс *надомница*, субстантивированное одушевлённое существительное *домовой* – 1; 91 употребление словоформ сложносокращённого существительного *детдом*, в том числе в составе словосочетаний: *детдом для трудных* – 2, *режимный детдом* – 1, *спецдом* – 1, имя существительное *детдомовицы* – 1; *управдом* – 4; 21 словоформа имени прилагательного *домашний*, имя прилагательное *детдомов-*

ский – 9, гапакс *домовой*; 224 употребления наречия *домой*, 159 употреблений наречия *дома*, 2 употребления слова *по-домашнему*, 4 употребления *на дом*, 2 – *на дому*.

Частотность слов с корнем *-дом-* в произведениях связана с прагматической установкой писательницы: показать определяющую роль дома в духовном, нравственном становлении и развитии человека, в формировании его мировоззрения, личностных, социокультурных, профессиональных установок, охарактеризовать основные функции дома (защита, тепло, уют, поддержка), подчеркнуть широкую семантику данной языковой единицы, обусловленную спецификой её индивидуальной концептуализации в русской концептосфере.

Роль слова *дом* в идиостиле Ф. А. Вигдоровой

Конкорданс единицы *дом* в художественных текстах таков: *дом с башней*; *проснётся дом*; *просторный дом*, *деревянный дом*; *наш дом* и др.

В произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой слово *дом* использовано в основных узуальных значениях с актуальными дифференциальными семами: ‘здание, строение, предназначенное для жилья’ (*На окраине стоял бревенчатый просторный дом¹*); ‘здание, предназначенное для размещения различных учреждений’, в том числе: ‘медицинских учреждений’ (*родильный дом²*), ‘образовательных и воспитательных учреждений’ (*Дом для трудных³*). Следует отметить, что автор на страницах художественных текстов приводит исторические названия детских домов, жизнь в которых затрагивает героев произведений, (*Харьковский детский дом – Коммуна им-*

ни Дзержинского⁴; *дом им. Челюскинцев⁵*), указывает их географическое расположение (*Архангельск, Красноярск, Минск, Свердловск, Псков, Тюмень⁶*), что свидетельствует о документальности произведений Ф. А. Вигдоровой, о стремлении писательницы показать проблему детской беспризорности, актуальную для Советского Союза 1930–1950 гг.

В партии автора завуалировано звучит мысль о том, что создать детский дом не просто (необходимы люди, любящие детей, здание, финансовые средства, продовольствие и т. д.), однако возможно, главное – искоренить бюрократизм, формализм чиновников, коррупцию.

Прагматическая установка употребления лексем и неоднословных номинаций *детский дом / режимный дом / детдом / спецдом / дом для одарённых детей / дом для умственно отсталых / детдом для трудных* заключается в высоком статусе данных единиц идиолекта писательницы в связи с их идеологической интенциональностью, которая детерминирована следующим: возрастающей потребностью подобных детских учреждений в условиях растущей беспризорности, их ролью в процессе воспитания и образования детей, в организации быта, досуга ребят, в создании настоящего дома для детей, где будут царить любовь, поддержка, взаимовыручка. Всё это, по мысли Ф. А. Вигдоровой, необходимо для развития духовно-нравственной личности ребёнка, и в этом заключается смысл жизни учителя, воспитателя: «...*дом и дети – это и есть наша жизнь, главная наша забота*»⁷. Об этом свидетельствует предикат бисубстантивного предложения с семантикой тождества ‘жизнь’.

⁴ Там же.

⁵ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁶ Вигдорова Ф. А. Дорога в жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29505&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁷ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

² Там же.

³ Вигдорова Ф. А. Дорога в жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29505&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

Лексема *дом* также транслирует находящиеся в резонансе с проблемами в области воспитания в тяжёлый период жизни страны мысли и идеи Ф. А. Вигдоровой, подсказанные ей учительским опытом, а также знакомством с трудовой деятельностью А. С. Макаренко и его ученика Семёна Калабалина, их системой воспитания (о создании детских домов, в том числе режимных, о детском самоуправлении, о трудовой деятельности ребят, о развитии их интеллектуальных способностей, о нравственных основах общежития, о любви к детям, бережном к ним отношении). Лексема становится в таком осмыслении актуальной: «Если ребёнок растёт в плохой семье – это несчастье. Если он учится в плохой школе – это худо. Но если он живёт в плохом детском доме – это страшнее всего»¹.

Стоит отметить, что писательница посещала детский дом, в котором Семён Калабалин² был директором, общалась с ребятами и видела, как непросто, но методично, с любовью закладываются основы человеческого общежития в маленьком детском коллективе³. Эти наблюдения послужили материалом для произведений.

Не случайно одна из повестей трилогии писательницы называется «Это мой дом» и завершается фразой: «Это наш дом!»⁴. Слово *дом* здесь используется в значении 'детский дом', притяжательные местоимения *мой / наш* указывают на восприятие

и взрослым, и ребёнком детского дома как своего, родного, уютного, подчёркивают близкие, доверительные отношения, сложившиеся между жителями дома.

Лексема *дом* актуализируется в составе неоднословных номинаций (фразем) с семами: 'детский орган самоуправления' (*Совет дома*); 'культурно-просветительное государственное учреждение' (*Дом кино*); 'дом, имеющий культурное значение, посвящённый памяти какого-н. исторического деятеля или события' (*дом Циолковского*). Дом К. Э. Циолковского дорог главному герою Андрею⁵, поскольку напоминает о малой родине, о детских чувствах радости, восторга, волнения перед каждой встречей с известным учёным, в котором «всё было – величие»⁶: рассеянная походка, сосредоточенное лицо, погружённость в свои мысли. Особую творческую тишину нёс в себе К. Э. Циолковский как герой вигдоровских текстов. Подобен хозяину и дом: образ светел, величественен, прост. Он символ творческого вдохновения, мудрости, профессионализма.

Актуализированы в текстах семы 'хозяйство отдельной семьи' (*На мне весь дом*⁷), 'семья' (... *ввёл Поливанова в дом, подружил с родителями*); 'люди, живущие вместе, одним хозяйством' (*Зачем будить весь дом*⁸); 'ненастоящий, бутафорский, игрушечный' (*Большой театр был разрисован какими-то нелепыми домиками: его замаскировали, чтобы спасти от бомбёжки*⁹).

Интенция писательницы при описании бумажных наклеенных домиков заключается в том, чтобы показать в непростое для страны время единство советского народа, его нестигаемую силу духа, мужество, патриотизм, милосердие, особенно по отношению к слабым и беззащитным, умение

¹ Вигдорова Ф. А. Дорога в жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29505&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

² Семён Карабанов – герой трилогии «Это мой дом», «Дорога в жизнь», «Черниговка» – прототип Семёна Калабалина.

³ «Я хочу, чтобы воспитатель принадлежал телом и душой, всем временем своим только детям»: Встреча С. А. Калабалина и Ф. А. Вигдоровой со студентами и педагогическим коллективом ленинградского государственного педагогического института имени Герцена 22 ноября 1954 года [Электронный ресурс] // Калабалин С. А. Педагогические размышления. URL: https://royallib.com/read/kalabalin_semen/pedagogicheskie_razmishleniya_sbornik.html#0 (дата обращения: 17.09.2022).

⁴ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁵ Андрей – главный герой романа «Семейное счастье» Ф. А. Вигдоровой.

⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁷ Там же.

⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

любить, непоколебимую веру в победу, в народ, в страну, неиссякаемую надежду на встречу с любимыми; стремилась донести мысль о том, что необходимо знать прошлое своего народа, своей страны, помнить великий подвиг предков и уметь извлекать уроки из происходящего (защипывая Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество¹; сказать о любви к родине делами, подвигом²).

Ф. А. Вигдорова – писатель, для которого важны детали, именно они способствуют воссозданию реальных исторических событий в структуре повествований. В ментально-лингвальном комплексе языковой личности автора понятия «семья», «дом» и «народ» неразрывны: *«Киев – это были Черешенки, дом, наши дом. Киев – были все наши на фронте...»*³. Описывая жизнь и устои отдельной семьи, писательница показывает жизнь всего советского народа, наполненную и радостями, и заботами. О страшных испытаниях, выпавших на её долю в годы войны, писательница рассказывает в автобиографической диалогии «Семейное счастье», «Любимая улица»: Фрида Абрамовна, как и её героиня Саша Москвина, узнав о начале войны, поступила на курсы медсестёр, чтобы потом отправиться на фронт, однако из-за беременности она была вынуждена уехать в эвакуацию в Ташкент; первый муж Ф. А. Вигдоровой Александр Кулаковский, подобно первому мужу Саши Андрею, погиб на фронте; брат писательницы Исаак Абрамович Вигдоров был военным лётчиком, прошёл войну, из-за чего и стал прототипом для Лёши – брата Саши. Тема войны продолжала звучать и в романе «Черниговка».

Высокое патриотическое значение слова *дом* актуализируется семьей 'родина'. Не

случайно на страницах текстов частотно представлена топонимика (гидронимы: потамонимы, лимнонимы, пелагонимы; дримонимы; ойконимы: астионимы, комонимы; урбанонимы: годонимы, агоронимы; хоронимы), которая даёт представление не только о крупных городах, но и о далёких уголках страны (Калуга, Москва, Ленинград, Ташкент, Украина, Киев, Берёзовая Поляна, Черниговка, Незаметная улица и т. д.). Прагматическая установка писательницы заключалась в стремлении показать неразрывную духовную связь героев текстов со своей землёй, потому что дом – это родина – и большая, и малая.

Лексема *дом* в идиолекте писательницы имплицитно отражает также следующие значения: 'место работы', 'метро'. Она раскрывает особенности ментально-лингвального комплекса языковой личности автора, позволяет воссоздать «национально-культурный прототип носителя языка» [7], показать важную роль труда в жизни советского человека, для которого работа – второй дом.

Слово *дом* в идиолекте писательницы наделено высоким сакральным смыслом, что отражается в содержании концепта: смысл 'дом' отражает понимание его как крепости, защищённого места, где герои психологически восстанавливаются, набираются духовных сил, это место, где любят и ждут, это сплочённый коллектив, который не предаст и всегда подставит плечо, это тепло, это очаг, это Родина: «...со вчерашнего дня и начал жить наш *дом*. Теперь мы одна *семья*»⁴. Лексеме *Родина* имплицитно противопоставлено слово *чужбина* / *не родина*. Так, Лёша, находясь далеко от дома, испытывает непреодолимую тоску по родине, душевную тревогу, печаль (*чувствовал себя таким одиноким, тоска его сгрызла*)⁵. Однако писательница не идеализирует роли дома в жизни персонажей. Лексема *дом* несёт и пейоративную конно-

¹ Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

² Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

³ Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁴ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁵ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

тацию, актуализируя семы 'пустой', 'одинок', 'заброшенный', 'отталкивающий', выражая авторскую интенцию: показать, что дом – это прежде всего люди, отражение их духовного состояния, мировосприятия (*томилаь дома, в щели дома вползала тоска, в молчании своего дома*¹).

Слова с корнем -дом- в узусе и в текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой

Гапакс-феминотив *надомница* используется в текстах в значении «работник, выполняющий порученную ему предприятием работу на дому, жен. швея-надомница»². Слово *управдом* представлено в значении «управляющий домом»³. Наименования лиц по роду занятий многочисленны в идиолекте писательницы, поскольку отражают мысль автора о преобразующей силе труда, о его важном значении в жизни человека, общества.

Лексема *детдомовец* употребляется в произведениях в узусальном значении «воспитанник детского дома» (разг.)⁴ и выражает положительнооценочную коннотацию, актуализируя семы 'любовь', 'уважение', 'личность', 'сочувствие', 'ценность детской жизни', 'помощь ребёнку'.

Слово *дом* продуктивно в текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой в словообразовательном плане: *домик, домики, домишки, домишко, домашний* (суффиксация), *по-домашнему, надомница* (конфигация), *детдом, спецдом, детдомовцы, управдом* (аббревиация), *дом-дворец* (сращение). Производные лексемы *дом* указывают на такие признаки концепта «дом», как «раз-

мер постройки», «управление домом», «учреждение», что подтверждается компонентным анализом.

Имена прилагательные с корнем -дом- в произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой

Имя прилагательное *детдомовский* как полисемант отмечается в текстах только первым лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) в значении «тот, кто воспитывался (или воспитывается), вырос в детдоме» (разг.)⁵.

Слово *детдомовский* наделено позитивнооценочной коннотацией, как и в узусе, однако встречается и его отрицательная коннотация, выражающая негативное отношение общества к детям, воспитывающимся в детских учреждениях: *...соседская бабка ... называла детдомовских «подзаборниками»...*⁶.

Лексема *домовой* выступает в текстах в значениях: «1. То же, что домовый (прост.)»⁷. *Саша дежурила ... в домовой команде ПВХО ...*⁸. 2. в знач. сущ. домовой, домового, муж. По народному поверью – сверхъестественное существо, живущее в каждом доме»⁹. *Ты озорничал, как домовой...*¹⁰. В первом предложении слово *домовой* актуализирует сему 'относящийся к дому' и выражает исторические реалии: во время второй мировой войны были организованы команды ПВХО, которые осуществляли дежурство на крышах домов, зданий, следили

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 10.05.2022).

³ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

⁵ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 30.01.2022).

⁶ Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1> (дата обращения: 30.01.2022 г.).

⁷ Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАСЕНА> (дата обращения: 30.01.2022).

⁸ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАСЕНА> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

за соблюдением в городе светомаскировки. Во втором предложении лексема *домовой* используется в переносном значении: поведение героя в детстве сравнивается с проказами домового, завуалировано выражая негативное отношение Анисы Матвеевны к методам воспитания, которые применяет Поливанов к неродной дочке Галине. Темы защиты Родины (страны, родного города, в частности Москвы) от фашистских захватчиков и воспитания проходят красной нитью в творчестве писательницы и являются константами её идиостиля.

В семантической структуре имени прилагательного *домашний* («прил. к дому») как полисеманта просматривается связь его ЛСВ со значениями производящего слова *дом*: 1. Прил. к дому (во 2 знач.).¹ *Поливанов набрал домашний телефон ...*² || Устраиваемый дома, производимый дома³ (*домашние уроки*⁴). || Предназначенный для ношения дома (о платье, обуви)⁵ (*домашние туфли*⁶). 2. Относящийся к дому (в 3 знач.), к хозяйству семьи⁷ (*домашнего приготовления*⁸). || Приготовленный дома, в своём хозяйстве (не покупной)⁹ (*до-*

*машнее печенье*¹⁰). 3. Семейный, частный¹¹. *Мать, отец...тёплый домашний быт ...*¹². 4. В знач. сущ. домашние, мн. Члены семьи; лица, живущие с кем-л. вместе¹³. ... *кто-нибудь из домашних ... машет вслед рукой*¹⁴. 5. Живущий при доме, не дикий (о животных)¹⁵ (*домашние гуси*¹⁶).

В качестве примеров в заромбовой зоне словарной статьи лексикографических источников приводится фразеологизм: *домашняя хозяйка* – «женщина, не работающая на предприятии и ведущая хозяйство своей семьи»¹⁷: *Или просто домашняя хозяйка?..*¹⁸. Ф. А. Вигдорова использует этот ЛСВ в реалистическом описании для создания интенции общения. Положительнооценочные коннотации этой единицы мотивированы ценностью семьи, интимного пространства в авторском представлении.

сурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹¹ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

¹² Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹³ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022 г.).

¹⁴ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁵ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁷ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

² Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022 г.).

³ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

⁴ Вигдорова Ф. А. Черниговка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

⁶ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁷ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 30.01.2022).

⁸ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ре-

Наречия с корнем *-дом-* в текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой

В смысловом контенте наречия *дома* актуализированы семы: 'жилище' (...*дома мне ... не сиделось*¹); 'учреждение' (*У нашего дома много друзей*²); 'в семье' (*Когда Аня дома рассказывает про школу, ей почти никто не верит*³); 'на родине, в родных местах' (...*ты нужен ... дома, там, где родился и рос*⁴); 'убежище, укрытие, безопасное место', 'доверие, уверенность', 'состояние (в том числе покой и творчество)' [10, с. 149]: ... *дома я примеры решаю хорошо*⁵ ('там, где уютно, спокойно, в знакомой обстановке'). Дома герои Ф. А. Вигдоровой чувствовали поддержку и любовь своих родных, восстанавливали силы после трудного дня. Дом в произведениях писательницы – место для творчества, уединения, вдохновения (написание статей Поливановым, игра на музыкальных инструментах, беседы, монологи-рассуждения персонажей о нравственных основах бытия, о природе, искусстве).

Значения слов *дом, дома* при обозначении 'жилого помещения' отличаются в языке и идиолекте Ф. А. Вигдоровой, «тем, что наречие обозначает мир частный, место, личное пространство более определённо» [10, с. 149]: *Идти с мальчиками было веселее, чем одной сидеть дома*⁶.

Наречие *домой*, характеризующее пространство и направление, в текстах актуализирует семы 'к себе', 'в свой дом' (*Саше*

*очень хотелось домой*⁷); 'в родные места' (...*отпустите меня домой!*⁸).

Лексема *по-домашнему* употреблена в произведениях в значении «как дома водится или попросту, запросто; не нарядно; как есть, бывает дома»⁹, наделена положительнооценочной коннотацией, выражает имплицитную авторскую оценку при характеристике персонажа: *Всё делает по-домашнему, по-родственному*¹⁰.

Нечастотное наречие *на дом* используется в текстах в значении 'домой'¹¹: *Только на дом не задавали*¹². Оно традиционно для педагогического дискурса.

Устойчивое выражение *на дому* употребляется в произведениях в значении «дома»¹³ и входит в состав метафорического выражения *университет на дому* при характеристике героя – учителя Алексея Саввича. «Живое знание», по мысли Алексея Саввича, – «это счастье», оно помогает «хорошеть душевно»¹⁴. Интенция автора заключалась в том, чтобы показать идеальный образ учителя, ищущего, не стоящего на месте, думающего, отдающего себя без остатка своему делу, любящего жизнь, людей. Это прагматическая установка – константа её идиостиля.

¹ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

² Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

³ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁴ Вигдорова Ф. А. Это мой дом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁵ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁷ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАШЕНА> (дата обращения: 30.01.2022).

¹² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

¹³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁴ Вигдорова Ф. А. Дорога в жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29505&p=1> (дата обращения: 30.01.2022).

Ф. А. Вигдорова в повести «Дорога в жизнь» использует аллюзию (*наш университет на дому*) – стилистическую фигуру, содержащую указание на произведение М. Горького «*Мои университеты*», чтобы подчеркнуть: внутренняя сила помогает человеку выстоять в самые трудные периоды жизни, не сломиться, не озлобиться на мир и заключается в способности сохранить доброе, любящее сердце Человека.

Заключение

Анализ семантики слов с корнем -дом- продемонстрировал их важность в русском языке, подтвердил высокое ценностное значение данных единиц в ментально-лингвальном комплексе языковой личности автора. Слова с корнем -дом- в текстах 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой частотны и наделены преимущественно положитель-

нооценочной коннотацией. Они выступают в качестве узуальных экспликаторов концепта «дом», отражают культурно-исторические реалии эпохи, ментальность русского народа, затрагивают духовную, образовательную, воспитательную, профессиональную, социальную сферы жизни в произведениях, называют основную роль дома – служить уютным, защищённым местом, куда стремятся герои, творческим уголком, где царит покой и вдохновение. Интенция писательницы заключается в том, чтобы показать: атмосфера, «жизнь» дома зависит прежде всего от духовных, нравственных, психологических установок его обитателей. Она устойчиво проявляется в каждом из проанализированных произведений Ф. А. Вигдоровой.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылова Л. А. Лексема *дом* и её дериваты как репрезентанты концепта «ДОМ» в русском и немецком // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11 (79). С. 214–218.
2. Валеева Д. Р. Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 21 с.
3. Глозман Б. Г. Лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «ДОМ» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 18 с.
4. Зими́на М. В., Байкова А. С. Специфика ассоциативной составляющей концептов «НОМЕ» и «ДОМ» (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 2. С. 90–95.
5. Ильин Б. Б. Номинант «дом» в пьесе А. Н. Островского: авторская речь [Электронный ресурс] // Лекантовские чтения–2021: материалы Международной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 г. / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: ИИУ МГОУ, 2021. 1 опт. диск (CD-ROM).
6. Ключева А. А. Сравнительный анализ полевых структур концепта «ДОМ» в русской и английской фразеологии // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: сборник статей по материалам СХХХIII студенческой международной научно-практической конференции, Новосибирск, 06 июня 2022 г. Т. 2 (133). Новосибирск: СибАК, 2022. С. 25–30.
7. Колоухов А. А. О лингвистических подходах к исследованию языковой личности [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2019. № 25 (263). URL: <http://moluch.ru/archive/263/60986> (дата обращения: 31.01.2022).
8. Коновалова Л. И. Концепт «ДОМ» на примере анализа романа Ф. А. Абрамова «Дом» // Филологическое образование: современные стратегии и практики: сборник научно-методических статей / отв. ред. Л. И. Коновалова, С. В. Букреева. СПб.: Ленинградский областной институт развития образования, 2018. С. 76–83.
9. Ланская О. В. Концепт «ДОМ» (на материале рассказа Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре») // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 170–173.
10. Леденёва В. В. Слова с корнем -дом- в письмах Н. С. Лескова 90-х годов // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. IV. Итоги Международной научной конференции, посвящённой памяти проф. Войловой К. А., г. Москва, 25 февраля 2016 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 147–150.

11. Логинова М. В., Прохорова Н. И. Трансформации и интерпретации концепта «ДОМ» в современном искусстве // Вестник культурологии. 2022. № 1 (100). С. 165–177.
12. Мороз В. В., Рымарович С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). URL: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
13. Мясникова Т. С. Концепт «СТАРЫЙ ДОМ» в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 179 с.
14. Соколова Е. Н. О концепте «ДОМ» в русской и английской культурах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (792). С. 209–215.
15. Тимошенко С. А. Лексико-семантическая экспликация концепта «ДОМ» в русской фразеологии и художественных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.
16. Тиунова О. В. Вербальная манифестация метального образования ДОМ по данным словарей и обращения к носителям языка: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 189 с.
17. Шаколо А. В. Оппозиция «свой – чужой» и её реализация посредством концептов «ДОМ» и «ЛЕС» в дискурсе русских волшебных сказок // Русистика: языкознание и литература. 2020. Т. 18. № 1. С. 113–125.
18. Шмигельская Л. Р., Сегал Н. А. Концепт «ДОМ» в индивидуально-авторской картине мира Е. А. Евтушенко // Advanced science: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, 12 декабря 2020 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 138–143.

REFERENCES

1. Bazylova L. A. [Lexeme Дом and Its Derivatives as Representatives of the Concept of “HOUSE” in Russian and German]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2009, no. 11 (79), pp. 214–218.
2. Valeeva D. R. *Reprezentatsiya kontsepta “dom” v russkoi yazykovoi kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Representation of the Concept of “house” in the Russian Language Picture of the World: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2010. 21 p.
3. Glozman B. G. *Lingvokulturnyi aspekt izucheniya frazeologicheskikh edinit, reprezentiruyushchikh kontsept “DOM” v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Cultural Aspect of the Study of Phraseological Units Representing the Concept of “HOUSE” in the Russian Language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Izhevsk, 2010. 18 p.
4. Zimina M. V., Baikova A. S. [The Specificity of the Associative Component of the Concepts of “HOME” and “HOUSE” (On the Material of English and Russian languages)]. In: *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World], 2021, no. 2, pp. 90–95.
5. Il'in B. B. [Nominee “House” in A. N. Ostrovsky's Play: Author's Speech]. In: Orekhova E. N., ed. *Lekantovskie chteniya–2021: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 22 noyabrya 2021 g.* [Lekantovskie Readings-2021: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 22, 2021]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2021. 1 CD-ROM.
6. Klyueva A. A. [Comparative Analysis of the Field Structures of the Concept of “HOUSE” in Russian and English Phraseology]. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sbornik statei po materialam CXXXIII studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. T. 2 (133), Novosibirsk, 06 iyunya 2022 g.* [Scientific Community of Students. Interdisciplinary Research: Collection of Articles based on the Materials of the CXXXIII Student International Scientific and Practical Conference. Vol. 2 (133), Novosibirsk, June 06, 2022]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2022, pp. 25–30.
7. Kolouhov A. A. [On Linguistic Approaches to the Study of Linguistic Personality]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2019, no. 25 (263), pp. 453–455. URL: <http://moluch.ru/archive/263/60986> (accessed: 31.01.2022).
8. Konovalova L. I. [The Concept of “HOUSE” on the Example of the Analysis of F. A. Abramov's Novel “House”]. In: Konovalova L. I., Bukreeva S. V. *Filologicheskoe obrazovanie: sovremennye strategii i praktiki* [Philological Education: Modern Strategies and Practices]. St. Petersburg, Leningrad Regional Institute for the Development of Education, 2018, pp. 76–83.
9. Lanskaya O. V. [The Concept of “HOUSE” (Based on L. N. Tolstoy's Story “Sevastopol in December”)]. In: *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science], 2015, no. 10, pp. 170–173.
10. Ledeneva V. V. [Words with the Root –дом- in N. S. Leskov's Letters written in the 90s]. In: Shatalova O. V., ed. *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost'. Vyp. IV. Itogi*

- Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati prof. Voilovoi K. A., g. Moskva, 25 fevralya 2016 g.* [The Russian Language in Slavic Intercultural Communication: History and Modernity. Iss. IV. Results of the International Scientific Conference dedicated to the memory of prof. Voilova K. A., Moscow, February 25, 2016]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016, pp. 147–150.
11. Loginova M. V., Prokhorova N. I. [Transformations and Interpretations of the Concept of “HOUSE” in Contemporary Art]. In: *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Culturology], 2022, no. 1 (100), pp. 165–177.
 12. Moroz V. V., Rymarovich S. N. [The Concept of “House”: Historical, Philosophical and Cultural-Philosophical Foundations]. In: *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: Electronic Scientific Journal of Kursk State University], 2014, no. 2 (30), Available at: <http://scientific-notes.ru> (accessed: 01.09.2022).
 13. Myasnikova T. S. *Kontsept “STARYI DOM” v russkoi literature XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Concept of “OLD HOUSE” in the Russian Literature of the 19th century: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tver, 2017. 179 p.
 14. Sokolova E. N. [On the Concept of “HOUSE” in Russian and English Cultures]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2018, no. 3 (792), pp. 209–215.
 15. Timoshchenko S. A. *Leksiko-semanticheskaya eksplikatsiya kontsepta “DOM” v russkoi frazeologii i khudozhestvennykh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-Semantic Explication of the Concept of “HOUSE” in Russian Phraseology and Literary Texts: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2007. 25 p.
 16. Tiunova O. V. *Verbal'naya manifestatsiya mental'nogo obrazovaniya DOM po dannym slovarei i obrashcheniyam k nositelyam yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Verbal Manifestation of the Mental Formation of HOUSE according to the Data of Dictionaries and Appeal to Native Speakers: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tver, 2019. 189 p.
 17. Shakolo A. V. [“Friend or Foe” Opposition and Its Implementation through the Concepts of “HOUSE” and “FOOD” in the Discourse of Russian Fairy Tales]. In: *Rusistika: yazykoznanie i literatura* [Russian Studies: Linguistics and Literature], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 113–125.
 18. Shmigelskaya L. R., Segal N. A. [The Concept of “HOUSE” in E. A. Evtushenko's Picture of the World]. In: *Advanced science: sbornik statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 12 dekabrya 2020 g.* [Advanced Science: Collection of Articles of the XI International Scientific and Practical Conference, December 12, 2020]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2020, pp. 138–143.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Kulicheva – Cand. Sci. (Philological Sciences), an Independent Researcher;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куличева Е. В. Слова с корнем -дом- как репрезентанты концепта «дом» в художественных произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 14–24.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-14-24

FOR CITATION

Kulicheva E. V. The Words with the Root -дом- as Representatives of the Concept “House” in Works of 1950–1960 F. A. Vigdorova. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 14–24.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-14-24

УДК 802 / 809.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-25-31

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАЖИМОСТИ

Логинов А. В.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить роль вопросительного предложения в формировании семантики кажимости, определить общий семантический вариант, дающий возможность утверждать, что вопросительное высказывание является одним из синтаксических средств выражения модуса кажимости.

Процедура и методы. Исследование осуществляется на базе компонентного анализа, включающего в себя различные аспекты изучения языковой системы: функциональный, семантический, прагматический, структурный. Кроме того, применён метод сплошной выборки иллюстративного материала.

Результаты. Смежным случаем для кажимости и интеррогативности является значение неопределённости, неизвестности. В любом вопросительном предложении выражено данное значение, та его сторона, которая требует выяснения. Сам факт постановки вопроса свидетельствует о сомнении адресата в своих знаниях о том или ином моменте действительности. Вопросительные предложения относятся к дальней периферии категории кажимости и находятся в сегменте пересечения поля интеррогативности с полем кажимости. Зона пересечения данных полей широкая и зависит от контекстного окружения и выбора лексико-синтаксических средств, выражающих семантику кажимости. Периферия может смещаться либо в сторону центра поля интеррогативности, либо к центру поля кажимости.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена расширением представления о роли вопросительных предложений в формировании функционально-семантических категорий и определяется возможностью применения полученных результатов в курсе «Функциональная грамматика», «Стилистика», «Современный русский язык».

Ключевые слова: вопросительное предложение, кажимость, модальность, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле

AN INTERROGATIVE SENTENCE AS A MEANS OF EXPRESSING SEEMINGNESS

A. Loginov*ul. Malaya Pirogovskaya 1 stroenie 1, Moscow 119991 Russian Federation*

Abstract

Aim. We identify the role of an interrogative sentence in the expression of the semantics of seemingness and determine the general semantic variant, which makes it possible to assert that an interrogative statement is one of the syntactic means of expressing the mode of seemingness.

Methodology. The research relies on the component analysis, which includes various aspects of the study of the language system: functional, semantic, pragmatic, and structural. In addition, use is made of the method of continuous sampling of the illustrative material.

Results. A related case for seemingness and interrogativity is the uncertainty and lack of information. Any interrogative sentence requires clarification of uncertainty. The very fact of raising a question indicates that the addressee doubts the knowledge of this or that moment of reality. Interrogative sentences

belong to the far periphery of the category of seemingness and are located in the segment of the intersection of the field of interrogativity with the field of seemingness. The area of intersection of these fields is wide and depends on the contextual environment and the choice of lexical and syntactic means expressing the semantics of seemingness. The periphery can shift either towards the center of the field of interrogativity, or towards the center of the field of seemingness.

Research implications. The theoretical and practical significance is explained by the expansion of understanding of the role of interrogative sentences in the formation of functional and semantic categories and is determined by the possibility of using the obtained results in such courses as “Functional Grammar”, “Stylistics”, and “Modern Russian Language”.

Keywords: interrogative sentence, seemingness, modality, functional and semantic category, functional and semantic field

Введение

Современное понимание сущности языка во многом опирается на выделение и описание его функционально-семантических категорий [2; 3], список которых постоянно расширяется. Некоторые из «новых» категорий ещё не получили глубокого осмысления и находятся на начальном этапе лингвистического изучения. К таким категориям можно отнести категорию кажимости, соотносимую с философской категорией видимости, противопоставленной категории реальности.

Функционально-семантическая категория кажимости понимается «как модусная категория, совмещающая в себе перцептивные (сенсорные) и когнитивные основания восприятия действительности объективно-субъективного плана» [7, с. 30]. Имея свою специфичную организацию пространства, категория кажимости охватывает большой круг языковых явлений в речевой деятельности.

Изучение категории кажимости в русской лингвистике

В широкий лингвистический обиход понятие *кажимость* вошло благодаря монографии Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека» [1, с. 802–840], в которой, в частности, отмечается, что «кажимость вариативна, но у вариантов есть общие признаки. Основной из них – двуплановость, своего рода “двойное бытие”, совмещение реального и кажущегося. Другой признак состоит в том, что кажимость предполагает

наличие наблюдателя или самонаблюдение. Третий признак заключается в том, что наблюдатель воспринимает ситуацию чувственно. Она дана ему в ощущениях, образах, впечатлениях, воспоминаниях ... К-модальность зарождается в сфере непосредственного восприятия мира. То, что находится “за кадром”, проникает в человека через ощущения, через ещё не приупившееся “шестое чувство”, а не через новые формы разума, которым, казалось бы, легче, чем зрению, преодолеть тьму» [1, с. 834].

Однако ещё раньше появилась работа Ю. А. Горельниковой [4], посвящённая изучению модальности кажимости: её места в общей модальности предложения, типа организации (полевая, имеющая ядерную и периферийную зоны), способов выражения (лексико-синтаксические), места реализации (простое и сложноподчинённое предложения).

По мнению исследователя, «собственно кажимость» можно отнести не «к ядерной основе, а к периферии (с семантическим инвариантом “может создаться впечатление, что...: на самом же деле”) – такие дополнительные оттенки, как воображаемость, мнимость, притворство, общественная оценка и др.» [4, с. 23]. Как видим, в данном определении широко (и неоднозначно) очерчен семантический круг кажимости, особенно в периферийной части.

Рассмотрение кажимости в когнитивном аспекте предпринято в работе Т. И. Семеновой: «Феномен кажимости

представляет собой иерархически организованную когнитивную структуру, вербализуемую языковыми единицами разных уровней» [6, с. 5].

Соглашаясь в той или иной степени с выводами указанных исследователей, признаём факт, что в достаточной мере не определено место кажимости в системе функционально-семантических категорий. Заявленная идея о полевой структуре не находит полного описания с точки зрения ядерно-периферийной организации, её пересечения с другими функционально-семантическими полями.

При рассмотрении категории кажимости обращает на себя внимание её гетерогенный характер, проявляющийся в разнородности средств, её формирующих, прежде всего, синтаксических.

Осмысление синтаксического выражения категории кажимости представлено в работе Ю. С. Хельмяновой: «при собственно синтаксическом подходе ядерные средства выражения кажимости достаточно легко укладываются в триаду: 1) вводный компонент: *Старуха молча смотрела на него* (Германна. – Ю. Х.) и, *казалось*, *его не слышала* (Пиковая дама); 2) полузнаменательная связка составного именного сказуемого: *Звание литератора всегда казалось для меня самым завидным* (История села Горюхина); 3) контактное слово главной части изъяснительного сложноподчинённого предложения: *В это время покачалось, что кто-то стоял у её изголовья* (Арап Петра Великого)» [7, с. 14].

Однако из поля зрения исследователя выпал такой важный случай, как выражение кажимости другими синтаксическими средствами, к которым можно отнести вопросительное предложение, являющееся ядром категории интеррогативности. Выражение кажимости вопросительной структурой мы рассмотрим чуть ниже, а прежде всего, хотелось бы остановиться на выделении общей семантической составляющей для категорий интеррогативности и кажимости.

Интеррогативность и кажимость: точки соприкосновения

Возможность выражения средствами одной категории значений другой возникает тогда, когда у них имеется смежный семантический вариант, проявляющийся в определённой коммуникативной ситуации (прагмасема [5]). Таким смежным случаем для кажимости и интеррогативности является значение неопределённости, неизвестности. По сути, в любом вопросительном предложении выражена неопределённость, неизвестность, точнее, та сторона этого неизвестного / неопределённого, которая требует выяснения. Сам факт постановки вопроса свидетельствует о сомнении адресата в своих знаниях о том или ином моменте действительности. Ему *кажется*, что он знает или не знает о чём-то.

Конечно, значение незнания может быть различным. Отсюда и классификация вопросительных предложений на общие и частные, а также на «экзаменационные» вопросы. Смысл последних определяется задачей выяснения уровня знаний экзаменуемого, цель которой «лежит на поверхности», она эксплицитна и обусловлена всей ситуацией экзамена. Однако наряду с решением явной задачи стоит решение имплицитной, скрытой задачи, которая присутствует в ситуации экзамена: неуверенность одного (экзаменатора) в знаниях другого (экзаменуемого). Экзаменатор задаёт вопросы, чтобы устранить свою «кажимость» о знаниях или незнаниях экзаменуемого, превратить кажимость в действительность со знаком «плюс» или «минус» (говоря о действительности со знаком «плюс» или «минус», мы имеем в виду соответственно реально существующее или не существующее, вымышленное).

Подобную цель преследует говорящий, выражающий в высказывании модус кажимости. Целью выступает установление реального проявления того или иного компонента действительности, утверждение в мысли, что это предположение или что это реальность.

Разница лишь в том (она определена функциональным типом предложения), что в интеррогативном высказывании заложено значение выяснения этого неизвестного / неопределённого, а в конструкциях, обозначенных Ю. С. Хельмяновой, выражена эта неопределённость.

В связи с этим логично предположить, что вопросительные предложения занимают особое место в системе способов выражения кажимости.

Запрос информации может иметь оттенок неуверенного, мнимого предположения, вследствие чего возникает необходимость создания вопросительной конструкции с семантикой кажимости:

– Вы, кажется, недавно были в Париже? Я думаю, очень интересно.

– Очень интересно...

Графиня переглянулась с Анной Михайловной. Анна Михайловна поняла, что её просят занять этого молодого человека, и, подсев к нему, начала говорить об отце; но так же, как и графине, он отвечал ей только односложными словами¹.

Вводно-модальный компонент **кажется** придаёт оттенок неуверенного предположения, тем самым преобразуя вопросительные предложения с семой «запрос информации» в предложение с семой «запрос предположения». Если предложение употребить без словоформы **кажется**: «Вы недавно были в Париже?», – коммуникативной целью этого предложения будет устранение неизвестности. Вводный же компонент вносит в синтаксическую конструкцию эмоциональный настрой адресанта (сомнение в предположении). Причём на запрашиваемую информацию ответ от адресата может быть не получен, значит, в таких предложениях главная цель не запрос информации, а выражение своего мироощущения. Следовательно, вопросительные предложения являются средством выражения значения кажимости.

Усиливает это значение и следующая за вопросом реплика «Я думаю,...». «Работая

в паре», вопросительное и повествовательное высказывания создают комплекс вариантов, вбирающий в себя и вопросительные, и кажимостные значения.

Функциональная нагрузка **кажется** в вопросительном предложении

Возможны два случая употребления **кажется** в вопросительном предложении: с *не* и без *не*. Чаще употребляется с *не*. При этом для выражения узнавания кажимости или действительности какого-то положения дел в вопросительной структуре используется схема «Вам (тебе) не кажется..., что...»:

– А кстати, насчёт этих арабов, которые на вас там напали... Вам не кажется странным, что они возлагали на вас такие надежды, что вы у нас тут будете секреты добывать?²

Обращает на себя внимание и распространённый факт парцелляции вопросительной схемы с *не кажется*. Это проявляется в том, что придаточная часть выносится в препозицию, становясь самостоятельной синтаксической конструкцией, организуя своеобразную пропозицию, тот смысловой компонент, который сигнализирует о предмете сомнения:

– Какая-то декорация, а не жилой дом. Тебе не кажется?

– Нет, не кажется, – ответил я – От такой декорации не отказался бы и Горбачев с Раисой Максимовной. А что неуютно и мёртво, так это поправимо: в доме надо пожить.³

(Ср.: Вам не кажется странным, что это какая-то декорация, а не жилой дом?)

Или другой случай. Выражается кажимостное утверждение о каком-то явлении, а у собеседника запрашивается его понимание ситуации:

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1. Гл. XV // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. М.: Правда, 1987. С. 228.

² Войнович В. Москва 2042. М.: СП Вся Москва. С. 250.

³ Нахапетов Р. Влюблённый. М.: Вагриус. 1999. С. 75.

– Мне кажется, что я здесь уж сто лет безвыездно живу. Тебе не кажется? Квасу бы.

– Крикни!¹

(Ср.: Тебе не кажется, что я здесь уж сто лет безвыездно живу?)

Использование *не кажется* в вопросительном предложении предполагает только такие варианты ответа, как да, нет, или «уход» от ответа (понимаемый в ситуации общения неоднозначно: может, да, может, нет), тогда как без *не*, кроме этого, допускается «расширенный» ответ:

(1) – Скажите, – спросил меня Адмирал, разламывая пряник, – а вам не кажется, что этот ваш Шубкин – круглый дурак?

– Как же, – растерялся я. – Как же я могу считать его дураком, когда он такой образованный?²

(2) – Ей кажется! Что тебе кажется?

– Мне кажется, – сказала она тихо, стараясь не возбуждать его гнев, – может быть, это не так глупо.³

Во втором случае адресат не может ответить только да или нет, необходимо указать, что ему кажется (это определяется типом вопроса).

Требуется уточнения и местоположение вопросительного предложения в структуре функционально-семантического поля кажимости.

На наш взгляд, вопросительные предложения, имеющие в своём составе словоформы или сочетания слов с семой предположения, относятся к дальней периферии и находятся в сегменте пересечения поля интеррогативности с полем кажимости. Т. к. грамматическая оформленность таких предложений предполагает вопрос, приоритетной будет функция интеррогативности.

Однако зона пересечения данных полей широкая и зависит от контекстного окружения и выбора лексико-синтаксических средств, выражающих семантику кажимости. Сама же периферия может смещаться либо в сторону центра поля интеррогативности, либо к центру поля кажимости. Например:

*Кажется или он на самом деле испускает чуть заметное голубое сияние? ... Нащупываю пальцем небольшое отверстие. «Это не опасно...» Да уж.*⁴

Коммуникативная направленность данного высказывания – удовлетворить потребность предположения, которое выражается эксплицитно, но при всём при этом ответа не последовало – значит, данную конструкцию можно отнести к предположению. Сема интеррогативности как бы накладывается на сему кажимости, воплощая в запросе информации собственно кажимость. Такого рода предложения находятся одновременно в двух полях: в поле вопросительности и в поле кажимости, причём благодаря модальному компоненту *кажется* данное высказывание будет тяготеть ближе к центру поля кажимости из-за явно выраженной неопределённости адресанта. Контекстная организация высказывания актуализирует значение семы кажимости, нейтрализуя интеррогативность.

Для ряда интеррогативных высказываний с модусом кажимости функция вопросительности выражена в большей степени, чем функция кажимости.

[Городничий] Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

[Хлестаков] О нет, к чему это (немного подумав), а впрочем, не худо.

[Городничий] Сколько угодно вам?⁵

¹ Гарин-Михайловский Н. Г. Гимназисты. Л.: Художественная литература, 1988. С. 286.

² Войнович В. Монументальная пропаганда. М.: Эксмо, 2018. С. 117–118.

³ Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 360.

⁴ Соломатина Т. Отойти в сторону и посмотреть. М.: Эксмо, 2012. С. 28.

⁵ Гоголь Н. В. Ревизор. Д. 4. Явл. XVI // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 74.

Наряду с запросом информации чувствуется сомнение говорящего в положительном ответе адресата. Сомнение в предположении выражено вводно-модальным компонентом *кажется*, поэтому синтаксическая конструкция будет находиться на пересечении двух функционально-семантических полей, причём в поле интеррогативности она будет располагаться ближе к ядру из-за ожидания адресантом ответа на запрос информации, а в поле кажимости будет занимать дальнюю периферию, так как семантический вариант «может создаться впечатление, что...» создаёт дополнительный оттенок полагания, что в некоторой степени приближает интеррогативную конструкцию с модусом кажимости к неуверенному утверждению.

Заключение

Таким образом, вопросительное высказывание является одним из синтаксических средств выражения модуса кажимости. Эта возможность обусловлена наличием в семантике интеррогативности и семантике кажимости коннотаций неуверенности, сомнения, предположения.

В любом вопросительном предложении выражено данное значение, та его сторона, которая требует выяснения. Сам факт постановки вопроса свидетельствует о сомнении адресата в своих знаниях о том или ином моменте действительности.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. Горельникова Ю. А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 18 с.
5. Логинов А. В. Категория интеррогативности в русском языке. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. 350 с.
6. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2007. 35 с.
7. Хельмянова Ю. С. Категория кажимости и её реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 225 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Issues of Aspectology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 208 p.
3. Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: On the Example of the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 736 p.
4. Gorel'nikova Yu. A. *Vyrazhenie modal'nogo znacheniya kazhimosti v strukture predlozheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Expression of the Modal Meaning of Seemingness in a Sentence Structure: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 18 p.
5. Loginov A. V. *Kategoriya interrogativnosti v russkom yazyke* [The Category of Interrogativity in the Russian language]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2021. 350 p.
6. Semenova T. I. *Lingvisticheskii fenomen kazhimosti (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk* [Linguistic Phenomenon of Seemingness (On the Example of the Modern English Language): Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Irkutsk, 2007. 35 p.
7. Khelmyanova Yu. S. *Kategoriya kazhimosti i ee realizatsiya v prozaicheskom nasledii A. S. Pushkina: dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of Seemingness and Its Realization in the Prose Heritage of A. S. Pushkin: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2016. 225 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логинов Александр Викторович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: loginov13av@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Loginov Alexander Viktorovich – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University.
e-mail: loginov13av@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Логинов А. В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 25–31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-25-31

FOR CITATION

Loginov A. V. An Interrogative Sentence as a Means of Expressing Seemingness. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 25–31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-25-31

УДК 81-114.4

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-32-41

КОГНИТИВНО-АССОЦИАТИВНАЯ СТРУКТУРА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Федотова Т. В.¹, Черкашина Т. Т.²¹Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

350044, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. имени Калинина, д. 13, Российская Федерация

²Государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ спектра проявлений «психической» семантики субъекта, а именно его рефлексивной ассоциации на оним как стимул.

Процедура и методы. В основе исследования лежат результаты ономастического ассоциативного эксперимента, целью которого было определение рефлексивно-ассоциативных реакций на топонимы *Москва, Санкт-Петербург, Краснодар*. Были выявлены и описаны рефлексивные ассоциации, формирующие некий ономастический концепт как ментальную структуру, представляющую собой модель ориентации говорящего в мире на некотором участке его языковой картины.

Результаты. Все проявления рефлексивной ассоциации на оним как стимул были классифицированы следующим образом: номенклатурное наименование, географическое положение, региональная идентификация, достопримечательности, известные личности, социальные возможности, физиологическое восприятие, эмоционально-социальное восприятие, фольклорная ассоциация.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ каждой выделенной категории отразил взаимосвязь использования проприальной и нарицательной лексики в зависимости от того, какие ассоциации возникают в процессе мыслительной деятельности реципиента, что важно для представления сформированной языковой картины мира у молодёжи как результат языковой рефлексии на ключевые топонимические единицы.

Ключевые слова: ассоциации, когнитивная лингвистика, концепт, ономастика, рефлексия, реципиент, языковая картина мира

COGNITIVE-ASSOCIATIVE STRUCTURE OF A PROPER NAME

T. Fedotova¹, T. Cherkashina²¹Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

ul. imeni Kalinina 13, Krasnodar 350044, Krasnodar Region, Russian Federation

²Kosygin State University (Technologies. Design. Art)

ul. Sadovnicheskaya 33 stroenie 1, Moscow 115035, Russian Federation

Abstract

Aim. We analyze manifestations of the “psychic” semantics of the subject, namely its reflexive association with the onym as a stimulus.

Methodology. The research is based on the results of an onomastic associative experiment, the purpose of which is to determine reflexive-associative reactions to such toponyms as Moscow, St. Petersburg, and Krasnodar. We identify and describe reflexive associations forming a certain onomastic concept as a mental structure, which is a model of the speaker's orientation in the world at some part of the linguistic picture.

Results. All manifestations of the reflexive association on the onym as a stimulus are classified as follows: nomenclature, geographical location, regional identification, sights, famous personalities, social opportunities, physiological perception, emotional and social perception, and folklore association.

Research implications. Analysis of each selected category reflects the relationship between the use of proprietary and common vocabulary, depending on what associations arise in the process of the recipient's mental activity.

Keywords: associations, cognitive linguistics, concept, onomastics, reflection, recipient, language picture of the world

Введение

Как известно, под ономастикой понимают науку об именах собственных, закономерностях их развития и функционирования. В лингвистической литературе имена собственные рассматриваются в двух аспектах – ономастологическом и семасиологическом [6, с. 35]. Соответственно и методы изучения онимов направлены на лингвистическое описание, классификацию видов, дискурсивный и стилистический анализ, картографию и т. д. имён собственных. В ономастике представлены такие методы, как дескриптивный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, ареальный, текстологический, стилистический, картографический, страстиграфический [10, с. 42]. В любом случае, основная цель такого рода исследований – выявление и анализ содержания семантической информации, заключённой в ониме.

Переосмысление и уточнение многих устоявшихся положений, связанных с процессом номинации, способствовало развитию когнитивной лингвистики [4, с. 77], точнее, когнитивной ономастики, где на первый план выходит не содержание семантической информации онима, а способ её представления в конкретном имени собственном. А. С. Щербак отмечает: «Имя собственное означает, что передаваемая им мысль отражает единство общего и отдельного и отражает обе стороны действительности одновременно» [15, с. 78].

Когнитивная ономастика рассматривает модели построения онимов, специфику закрепления в них информации с её последующими расширением и конкретизацией, особенности воплощения информации

(значения) в имени собственном, преимущества использования ономастической лексики перед другими формами актуализации информации (значений). Иначе говоря, когнитивная ономастика направлена на изучение имён собственных как когнитивных образований, служащих для кодирования определённой информации, с помощью которых имеется возможность выявлять ментальные репрезентации, возникающие в результате процесса извлечения из памяти и переработки имеющейся информации.

Вопросами изучения данного направления ономастики занимались такие учёные, как А. С. Щербак, Н. В. Васильева, А. Л. Шарандин, Л. В. Бабина, Н. Н. Болдырев, О. Т. Молчанова, В. В. Красных и др. В их работах отражены результаты анализа внутренней структуры ономастических единиц. Основная идея данных исследований состоит в том, что в процессе концептуализации и категоризации окружающей действительности человек приобретает некое знание об имени собственном, его специфических чертах, выступающее результатом познания, осмысления и мотива употребления конкретного онима в соответствующей ситуации.

Безусловно, имена собственные – особые единицы языка, которые, с одной стороны, индивидуализируют объекты действительности, а с другой – могут выступать как классифицирующие знаки. В то же время они имеют высокий уровень коннотативности, который напрямую зависит от степени актуализации коннотативного потенциала, от личного опыта коммуниканта, использующего те или иные языковые знаки.

В соответствии с этим, когнитивная ономастика, по мнению В. В. Робустовой, должна решать задачи, направленные на выявление и изучение моделей построения онимов, специфику закрепления в них информации, расширение этой информации, её конкретизацию, на выявление особенностей воплощения информации (значения) в имени собственном [10, с. 42].

Таким образом, с позиции когнитивной ономастики онимы представляют собой некие символические формы, семантика которых напрямую зависит от результата функционирования субъекта в реальном мире, от опыта его взаимодействия с объектом, носящим то или иное имя собственное.

Данное положение наиболее актуально, если речь идёт о непосредственном процессе номинации географического пространства. С точки зрения А. С. Щербак, «процесс урбанонимической номинации – это вербализация мыслительного процесса, направленного на освоение городского пространства с целью выделения общих и отличительных когнитивных признаков. Ср.: переулок, проулок, тупик всегда меньше улицы, площадь – “незаостренное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы”; проспект – “большая широкая и прямая улица”, аллея – “улица с рядом деревьев, посаженных по обеим её сторонам”» [17, с. 6].

Несколько иное представление об ониме как когнитивной структуре можно наблюдать при анализе языковой рефлексии субъекта на то или иное имя собственное. Вне всякого сомнения, имя собственное сохраняет свою основную номинативно-идентификационно-дифференцирующую функцию¹. К факультативным функциям, как правило, относят информационную, экспрессивную, познавательную, аккумулятивную, социальную, эмоциональную, дейктическую, адресную, эстетическую, стилистическую [3, с. 21] и др.

В то же время складывается иной взгляд при анализе онима с когнитивных позиций, а точнее, с позиции референции. Цель исследования заключается в анализе спектра проявлений «психической» семантики, т. е. представлений субъекта о денотате в сознании говорящего, его рефлексивной ассоциации на оним как стимул.

Изучение онима с позиции психической референции является одним из методов лингво-когнитивного подхода, состоящего из анализа структуры значения имён собственных, а именно их: 1) категориальной семантики; 2) собственно лексической семантики; 3) языковых коннотаций; 4) «психической» семантики; 5) культурно-исторической семантики онима [8].

Если подходить к изучению имени собственного как знака, который соединяется в нашем сознании с представлениями об объекте [14], необходимо учитывать тот факт, что функционирование имени собственного в качестве знака может состояться при условии объединения в сознании говорящего психического отражения материальной стороны знака и представления о референте [9, с. 6]. Иначе говоря, речь идёт о референции как процессе соотнесения имени собственного с объектом действительности. Представители теории референции считают, что значение имени собственного обусловлено исключительно его связью с конкретным объектом, его указательной или идентифицирующей функцией [1, с. 2]. Соответственно, в процессе актуализации речи либо мыслительной деятельности референция обуславливает состав компонентов значения онима.

Традиционно в лингвистике выделяют два последовательных этапа семиозиса: первичного (формирование и функционирование имени собственного как знака для обозначения объекта действительности) и вторичного (переосмысление имени, создание нового коннотативного или другого значения).

Для выявления и анализа представлений субъекта о денотате в сознании говорящего, его рефлексивной ассоциации на оним

¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. С. 145.

как стимул реализации данной функции был проведён ономастический ассоциативный эксперимент, целью которого было определение апеллативно-онимической составляющей как результата рефлексивно-ассоциативных реакций на определённые виды имён собственных (топонимов). В эксперименте приняли участие более 300 студентов первого курса Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, а также более 150 студентов Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). В качестве слов-стимулов выступали топонимы *Москва, Санкт-Петербург, Краснодар*. Участникам эксперимента было предложено написать не менее 5–7 слов-реакций, которые возникают в сознании каждого опрошиваемого.

Основная методологическая позиция эксперимента основывается на понимании, что «сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека» [5, с. 12]. Таким образом, формируется концептуальная сеть, мотивирующая все конвенциональные и потенциально возможные употребления имени собственного на основе процедуры обнаружения и выявления определённых смыслов-ассоциаций, возникающих от фактического употребления ономастических единиц в контексте когнитивных систем человека [10, с. 46].

Основным методом исследования послужил описательный, заключающийся в соотнесении выявленных слов-реакций с конкретными топонимами. Для выявления частотности употребления рефлексивных единиц и формирования конкретной категории рефлексивно-ассоциативных реакций использовался квалитетический метод, способствовавший выделению определённых признаков концепта-топонима.

Роль стимула в когнитивно-ассоциативной деятельности

В результате эксперимента был получен спектр слов-реакций. Как уже было отмечено, рефлексивные ассоциации связаны с опытом опрошиваемого или его знаниями об объекте номинации, т. е. они формируют ономастический концепт, фрагментарно представляющий языковую картину говорящего, его ментальную модель [10, с. 45]. В нашем случае языковая картина участников опроса, ограниченных в образах названными топонимами, отразилась многослойно. Участники эксперимента показали реакции на топонимы-стимулы в различных аспектах, а именно с точки зрения истории (достопримечательности и личности), климата, эмоционального отклика, социальных возможностей и т. д. Соответственно, подтвердилось, что «совокупность известной реципиенту информации о том или ином фрагменте действительности определяет его восприятие данного фрагмента» [10, с. 45] и дополняется рефлексивными ассоциациями из жизненного опыта, т. е. рефлексия на тот или иной оним будет различной у каждого реципиента в соответствии с его когнитивной и психо-эмоциональной составляющей.

Таким образом, если исходить из того положения, что концепт есть модель специфического мироотношения, можно сделать вывод, что значение в данном случае принадлежит не слову, а говорящему, т. е. результат рецепции выступает вербализационной формой осмысления реципиентом действительности. «Слово в этой перспективе предстаёт как своего рода когнитивная рамка для осмысленной ориентации говорящего в мире. Оно именно символизирует концепт, одновременно устойчивое и пластичное образование, открывающее коммуникативное пространство для порождения бесконечного множества “значений”» [10, с. 46].

Понятие стимула-концепта и рефлексивных ассоциаций

Традиционно в рамках изучения когнитивной ономастики имена собственные символизируют определённые концепты. В нашем случае онимы репрезентируют концепты, формирующие те или иные когнитивные структуры.

Можно выделить основные признаки ономастического концепта, где в роли репрезентанта концепта выступает имя собственное:

- ономастическая единица достаточно содержательна;

- ономастическая единица имеет различные варианты интерпретации с позиции интерпретатора;

- ономастические единицы представляют собой разворачиваемые в бесконечность символы, семантическое наполнение которых зависит от функционирования (жизни) их наиболее ярких носителей (обладателей);

- спектр значений имён собственных (концептов) формируется в результате когнитивных операций над концептами [10].

Для анализа рефлексивных ассоциаций на стимул-концепт было взято за основу положение Н. Н. Болдырева: фрейм в целом может представлять собой структуру знания из любой сферы жизни человека и общества; главным условием является то, чтобы знание было общим, по крайней мере, для части общества; фрейм является «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [2, с. 62].

С точки зрения О. В. Соколовой, «для когнитивных лингвистов сферой интереса является сознание, структура знания в мозгу человека. Поэтому для них одним из основных свойств фрейма будет категориальный характер организации знания, т. е. фиксация принадлежности понятия, явления, предмета к некоторому классу и его отношений с другими представителями этого класса» [11, с. 238]. Относительно нашего исследования важно отметить, что рефлексивная ассоциация представляет собой не только отражение имеющихся

знаний об объекте, но и эмоциональную составляющую, сформированную посредством пережитого опыта. Следовательно, структуру онимического концепта целесообразнее обозначить как когнитивную-ассоциативную рамку, включающую вербализованные реакции на стимул-концепт.

В лингвистических исследованиях формируется понимание, что концепт в большинстве случаев «принадлежит уже не когнитивной, а языковой картине мира, поскольку словарная “начинка” и внешние связи концептов имеют диалектальную или языковую специфику» [16, с. 44]. Соответственно, можно утверждать, что рефлексивные ассоциации на стимул-концепт рождаются в результате поиска соответствий, соотносясь с реальными объектами картины мира, что позволяет сформировать виртуальный фрагмент концептуальной картины мира на основе проприальной лексики.

Классификация рефлексивных ассоциаций

По мнению В. И. Супруна, «онимы способны вступать в ассоциативные связи с другими лексемами на синтагматическом и парадигматическом уровнях». В соответствии с этим каждый оним имеет свой «ассоциативный фон» [13, с. 31; 12].

Для описания фрагмента языковой картины мира на основе анализа топонимов-концептов анализируется лексико-семантическая группа слов, отражающих различные ассоциативные рефлексии реципиента. Все установленные проявления представлений субъекта о топониме (денотате) в сознании говорящего, его рефлексивной ассоциации на оним как стимул, по результатам эксперимента, можно классифицировать следующим образом: *номенклатурное наименование, географическое положение, региональная идентификация, достопримечательности, известные личности, социальные возможности, физиологическое восприятие, эмоционально-социальное восприятие, фольклорная ассоциация.*

Как видно из перечня реакций, ассоциации имеют как нейтральный, так и эмо-

циональный характер. Представленная лексика имеет актуальное соотношение с тем или иным топонимом-концептом непосредственно с позиции конкретного реципиента. Причём каждый реципиент, основываясь на опыте взаимодействия с топонимом, репрезентирует те смыслы, которые сформировались в его сознании как наиболее значимые.

Собранная лексика свидетельствует, что реакции вербализуются как через онымы, так и через апеллятивы. По мнению А. С. Щербак, между нарицательной лексикой и именами собственными осуществляется активный процесс взаимодействия, заключающийся в том, что имена собственные являются и порождением национального языка, и одной из её составляющих [16, с. 46]. Кроме того, результаты эксперимента свидетельствуют о некоторых закономерностях, которые позволяют говорить как о типовых, так и об индивидуальных ассоциациях.

Рассмотрим каждую ассоциативную реакцию в соотношении с тем или иным топонимом-концептом. Во-первых, необходимо отметить, что наблюдается взаимосвязь использования проприальной и нарицательной лексики в зависимости от того, какие ассоциации возникают в процессе мыслительной деятельности реципиента. Можно констатировать, что благодаря эмоциональной составляющей ассоциативная лексика выступает в двух разновидностях: информативная (реакция-ассоциация как результат имеющихся знаний) и личностно-эмоциональная (реакция-ассоциация как результат личного опыта).

Информативные ассоциации

Для таких характерологических признаков, как *номенклатурное наименование*, *географическое положение*, *достопримечательности*, *известные личности*, характерна лексика соответствующей тематической направленности, как проприальная, так и апеллятивная, не имеющая явных коннотативных, эмоциональных смыслов.

МОСКВА

Достопримечательности: Кремль, метро, Красная Площадь, Спасская башня, Мавзолей, Арбат, Третьяковка, Садовое кольцо, Большой театр, ГУМ, Чистые пруды, Неглинка.

Известные личности: Юрий Долгорукий, Путин, президент, Ленин, Минин и Пожарский.

Номенклатурные наименования: Столица, центр, правительство.

География: Россия, Москва-река, город на семи холмах.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Достопримечательности: Мост, архитектура, мосты, Зимний дворец, крейсер «Аврора», Петропавловская крепость, Летний сад, Невский проспект, Васильевский остров, Троицкий собор, разводные мосты, музеи.

Известные личности: Пётр 1, Пушкин, Достоевский.

Номенклатурные наименования: Вторая столица, северная столица.

География: Россия, Европа, Нева, Чёрная речка, Финский залив.

КРАСНОДАР

Достопримечательности: улица Красная, парк «Краснодар», трамваи, сквер со слонком, парки, ТЦ Галерея, курорты, КубГАУ.

Известные личности: Воронцов, Екатерина II, Потёмкин, Юсупов.

Номенклатурные наименования: город-миллионник, столица Кубани.

География: Кубань, юг, центр Кубани.

Необходимо отметить, что в качестве участников эксперимента выступали студенты первого курса из Краснодара; из Москвы и приехавшие учиться в Москву из других регионов. Многие из них никогда не были в Москве и Санкт-Петербурге. Соответственно, их ассоциации не имеют коннотативных оттенков, а формируются на основе имеющихся знаний из литературы, СМИ и т. п. Такое проявление характерно для большей части молодёжи, т. е. данные реакции можно назвать типовыми. Таким образом, ассоциативное поле для каждого топонима-стимула формируется в зависимости от историко-ономастических, культурологических и социально-оценочных факторов.

Личностно-эмоциональные ассоциации

Совсем иная по эмоциональному наполнению лексика проявляется в таких реакциях, как *региональная идентификация, социальные возможности, физиологическое восприятие, эмоционально-социальное восприятие, фольклорная ассоциация.*

МОСКВА

Социальные возможности: возможность, перспективы, карьера, власть, деньги, политика, образование, работа, роскошь, богатство.

Эмоционально-социальное восприятие: динамика, толпа, восхищение, жадность, масштаб, серость, туризм, многолюдность, мечта, одиночество.

Физиологическое восприятие: скученность, масштабность, порядок, чистота, зелень.

Фольклорная ассоциация: белокаменная, Россия-матушка, город на семи холмах, город сорока сороков, Москва златоглавая.

Региональная идентификация: многонациональность, хлебосольство, снобизм.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Социальные возможности: богатство, образование, успех.

Эмоционально-социальное восприятие: старина, роскошь, серый Петербург, культура, просвещение, абсурд, поэзия, смерть, экскурсии, искусство, история, литература, мысли о высоком.

Физиологическое восприятие: промозглость, дождь, ветер, холод, река, тучи, белые ночи, пасмурно, сыро, мрак.

Фольклорная ассоциация: окно в Европу, русская Венеция.

Региональная идентификация: интеллигентность, культурная столица, бандитский Петербург.

КРАСНОДАР

Социальные возможности: отдых, путешествия, экскурсии, фермерство, работа, учёба.

Эмоционально-социальное восприятие: футбол, молодёжь, разруха, пробки, развлечения, скука, рай, любовь.

Физиологическое восприятие: жара, солнце, тепло, море, реки, леса, поля.

Фольклорная ассоциация: народная житница, хлебосольная.

Региональная идентификация: казачество, фольклор, Родина.

Представленная лексика демонстрирует ассоциативное поле для каждого топонима-стимула, которое можно определить как личностно-эмоциональное, формирующееся через различные формы воспоминания-восприятия. Для отдельных реципиентов топоним-денотат вызывает ассоциации, полученные в результате физиологического восприятия (климат), эмоционально-оценочного восприятия достопримечательностей города на основе личного опыта, а также через восприятие с позиций функционирования устоявшихся выражений и самоидентификацию. Отсюда и отсутствие реакций на региональную самоидентификацию на топонимы *Москва* и *Краснодар* у студентов Кубани.

Анализируя данные эксперимента, можно утверждать, что ассоциативная структура каждого онимического поля имеет полиденотатный вид [13, с. 32], т. к. рефлексивные ассоциации хоть и индивидуальны, но всё же стереотипны. Безусловно, реакции информативного восприятия наиболее типичны, в то время как реакции личностно-эмоционального характера имеют пересечения в отдельных видах реакций, например, физиологическое восприятие стереотипно у большинства реципиентов.

Заключение

Эксперимент показал, что в лингвосознании русскоязычной молодёжи наблюдается параллельное функционирование как проприальной, так и апеллятивной лексики в процессе рефлексивной ассоциации на топоним, выступающий в роли стимула в когнитивно-ассоциативной деятельности [13, с. 17]. Каждый топоним, выступающий в виде некоего концепта-стимула, формирует у реципиента в процессе когнитивной деятельности определённый ментальный рефлексивно-ассоциативный лексикон, соответствующий индивидуальному опыту и/или полученным знаниям.

Таким образом, анализируя имена собственные с позиции когнитивизма,

можно констатировать, что такой подход позволяет расширить семантическое наполнение онима, проанализировать реакции реципиента в нескольких аспектах и осмыслить наибольшую актуальность конкретных сфер в когнитивной деятельности. Безусловно, традиционные характеристики представленных имён собственных в данном случае отходят на «второй план», т. к. экспериментальный подход помогает представить наиболее актуальные реакции молодого поколения на оним-стимул. Соответственно, представленные ономастические топонимы-концепты, а именно символизированные именем собственным ментальные структуры, репрезентируют модель ориентации реципиента в мире на определённом участке его языковой картины мира. Такой подход позволил увидеть многослойную структуру топонима-концепта, включающую два основных компонента: информационный (комплекс различных сведений о субъекте / объекте номинации), ассоциативный-эмоциональный (совокупность ассоциаций, связанных

с именуемым субъектом / объектом, вызывающих некий эмоциональный отклик) [10, с. 46], что, безусловно, подтверждает возросший интерес современного теоретического языкознания к взаимосвязанным отношениям языка и мышления, к роли языка в формировании языкового сознания. Мы убедились: знания современных студентов об онимах, основанные на сложных процессах апперцепции и ассоциации, апеллируют прежде всего к их культурному личностному опыту. Е. С. Кубрякова говорит о «внутренней», «ментальной» интериоризации как способе познания [7, с. 9]. Таким образом, можно сказать, что в совокупности все полученные ассоциативные реакции студентов на неоднородную природу топонимов-концептов, исследованных авторами, определяют восприятие реципиентами данного фрагмента языковой действительности и отражают в целом определённый фрагмент языковой картины мира молодого поколения.

Статья поступила в редакцию 31.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 25–36.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Корнева В. В. Номинативные стратегии как отражение особенностей пространственного мышления этноса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 77–81.
5. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5–81.
6. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Едиториал УРСС, 2008. 156 с.
7. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
8. Лекова П. А. Лингво-когнитивный подход к анализу онимов в современной научной парадигме // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 2. С. 24–49.
9. Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб.: Российский государственный педагогический университет, 1999. 256 с.
10. Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.
11. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 236–239.
12. Супрун В. И. Функциональная и ассоциативная ономастика // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции, г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. Великий Новгород: Печатный Двор, 2019. С. 100–105.
13. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

14. Федотова Т. В. Культурно-значимые смыслы эмпоронимов в аспекте теории референции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51). Ч. 1. С. 181–183.
15. Щербак А. С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 78–83.
16. Щербак А. С., Казанкова А. А. Лексические группировки слов: взаимоотношение языковой и ономастической картины мира // Неофилология. 2017. № 4 (12). С. 42–49.
17. Щербак А. С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 5–11.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Boldyrev N. N. [The Concept and Meaning of the Word]. In: Sternin I. A., ed. *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki*. Voronezh, Voronezh State University, 2001, pp. 25–36.
3. Bondaletov V. D. *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 224 p.
4. Korneva V. V. [Nominative Strategies as a Reflection of the Features of the Spatial Thinking of an Ethnos]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2008, no. 3, pp. 77–81.
5. Kolshansky G. V. [Principles and Methods of Semantic Research]. In: *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Some Issues of the Semantics of the Language in the Epistemological Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 5–81.
6. Kubryakova E. S. *Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti* [Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2008. 156 p.
7. Kubryakova E. S. [Setting of Cognitive Science and Actual Problems of Cognitive Linguistics]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Problems of Cognitive Linguistics], 2004, no. 1, pp. 6–17.
8. Lekova P. A. [Linguo-cognitive Approach to the Analysis of Onyms in the Modern Scientific Paradigm]. In: *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2010, no. 2, pp. 24–49.
9. Piotrovsky R. G. *Lingvisticheskii avtomat (v issledovanii i nepreryvnom obuchenii)* [Linguistic Automaton (In Research and Continuous Learning)]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University Publ., 1999. 256 p.
10. Robustova V. V. [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2014, no. 1, pp. 41–49.
11. Sokolova O. V. [Frame Category in Cognitive Linguistics]. In: *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Astrakhan State Technical University], 2007, no. 1, pp. 236–239.
12. Suprun V. I. [Functional and Associative Onomastics]. In: *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Velikii Novgorod, 17–20 sentyabrya 2019 g.* [Onomastics of the Volga Region: Materials of the 17th International Scientific Conference, Veliky Novgorod, September 17–20, 2019]. Veliky Novgorod, Pechatnyi Dvor Publ., 2019, pp. 100–105.
13. Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 172 p.
14. Fedotova T. V. [Culturally Significant Meanings of Emporonyms in the Aspect of the Theory of Reference]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2015, no. 9 (51), pt. 1, pp. 181–183.
15. Shcherbak A. S. [Onomastic Categories: Correlation of Linguistic and Cognitive Structures]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Problems of Cognitive Linguistics], 2012, no. 4, pp. 78–83.
16. Shcherbak A. S., Kazankova A. A. [Lexical Groupings of Words: The Relationship between the Linguistic and Onomastic Picture of the World]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2017, no. 4 (12), pp. 42–49.
17. Shcherbak A. S. [The Universal Property of the Urbanonymic Category]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2018, vol. 4, no. 13, pp. 5–11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федотова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина;

e-mail: Fedotova66@mail.ru

Черкашина Татьяна Тихоновна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

e-mail: ttch2004@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Fedotova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of the Russian Language and Speech Communication, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin;

e-mail: Fedotova66@mail.ru

Tatiana T. Cherkashina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of the Russian Language, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art).

e-mail: ttch2004@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федотова Т. В., Черкашина Т. Т. Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 32–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-32-41

FOR CITATION

Fedotova T. V., Cherkashina T. T. Cognitive-Associative Structure of a Proper Name. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 32–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-32-41

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-42-48

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНФИНИТИВА В ИНФИНИТИВНО-СУБСТАНТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Федорова Ю. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить синтаксическую функцию инфинитива в инфинитивно-субстантивном предложении, исходя из его грамматических и семантических признаков.

Процедура и методы. Произведён структурно-семантический анализ инфинитива в инфинитивно-субстантивных предложениях, употреблённых в средствах массовой информации. Методом сплошной выборки определён круг анализируемых конструкций; с применением структурно-семантического метода описаны особенности инфинитива.

Результаты. По итогам исследования определена синтаксическая функция инфинитива в инфинитивно-субстантивных предложениях; выявлены грамматические признаки инфинитивно-субстантивных предложений, которые сохраняют за инфинитивом позицию подлежащего, получающего предикативную характеристику или оценку в сказуемом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется расширением смыслового поля инфинитивно-субстантивных предложений, уточнением представления о функции инфинитива в таком типе предложений. Материалы работы могут быть использованы в практике преподавания современного русского языка.

Ключевые слова: инфинитив, инфинитивно-субстантивное предложение, подлежащее, инфинитивное подлежащее

SYNTACTIC FUNCTION OF AN INFINITIVE IN AN INFINITIVE-SUBSTANTIVE SENTENCE

Yu. Fedorova*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We determine the syntactic function of an infinitive in an infinitive-substantive sentence, based on its grammatical and semantic features.

Methodology. A structural and semantic analysis is performed of the infinitive in infinitive-substantive sentences used in mass media. The range of analyzed constructions is determined using continuous sampling; the features of the infinitive are described using the structural and semantic method.

Results. Based on the results of the study, the syntactic function of the infinitive in infinitive-substantive sentences is determined. Grammatical features of infinitive-substantive sentences are revealed, which preserve the position of the subject receiving a predicative characteristic or evaluation in the predicate for the infinitive.

Research implications. The theoretical significance of the study is determined by the expansion of the semantic field of infinitive-substantive sentences, and by clarifying the idea of the function of the infinitive in this type of sentences. The materials of the paper can be used in the practice of teaching modern Russian.

Keywords: infinitive, infinitive-substantive sentence, subject, infinitive subject

© CC BY Федорова Ю. А., 2022.

Введение

Вопросам функционирования инфинитива в русском языке посвящены работы В. В. Корневой [5], В. В. Шигурова, Т. А. Шигуровой [11], М. А. Шелякина¹, В. В. Шигурова [12], Э. Фортюина [13] и др., но инфинитивно-субстантивные предложения (ИСП) не входили в круг интересов этих исследователей. Инфинитивно-субстантивными предложениями называем предложения, в которых предикативную основу составляют инфинитив в функции подлежащего и существительное в функции именной части составного сказуемого: *Научить – школа*²; *Сшить новое платье – отличный вариант, но небольшой аксессуар ручной работы тоже подойдет*³. О таких предложениях начали говорить давно: А. А. Шахматов называл их двусоставными несогласованными инфинитивными предложениями [9, с. 45]; Н. Ю. Шведова в «Русской грамматике» рассматривала их как предложения подлежащно-сказуемостные [10, с. 309]; П. А. Лекант называет такой тип предложений инфинитивно-подлежащим⁴; Н. А. Герасименко, исследующая разные типы неглагольных предложений в современном русском языке, рассматривает эти предложения как самостоятельную разновидность двусоставного предложения – инфинитивно-субстантивные предложения [1, с. 27; 3, с. 16; 4, с. 34]. На основании классификации двусоставных предложений, предложенной Н. А. Герасименко, считаем инфинитивно-субстантивные предложения⁵ самостоятельным видом двусоставных предложений, обладающим собственным набором грамматических,

семантических и прагматических признаков [2, с. 175].

Анализ языкового материала и неоднозначное решение вопроса о синтаксических функциях инфинитива в этом типе предложений привели к необходимости установить, имеет ли значение позиция инфинитива в ИСП. Задача данной работы – определить синтаксическую функцию инфинитива в зависимости от его местоположения в ИСП.

А. А. Потебня, изучая двусоставное предложение, описывал различие между подлежащим (определяется учёным как «вещественное указание на непосредственного производителя признака, обозначаемого сказуемым») и сказуемым (характеризуется как признак «во время его возникновения от действующего лица») [7, с. 100]. Большое внимание лингвист уделил инфинитиву, который называл неопределённым наклонением. Он считал, что инфинитив происходит из части речи, некогда бывшей именем, но лишившейся вместе с падежом рода и числа [7, с. 338]. А. А. Потебня различал инфинитив субъектный, «т. е. относящийся к одному подлежащему с личным глаголом», и объектный, «когда объект главного сказуемого ... указывает на подлежащее неопределённого наклонения ... и когда такого объекта нет налицо, но тем не менее неопределённое наклонение не может быть отнесено к подлежащему главного сказуемого (именительному)» [7, с. 354–376]. Согласно учёному, инфинитив, подобно глаголу, относится к категории сказуемого и выполняет синтаксическую функцию второстепенного, зависимого сказуемого или входит в состав первостепенного сказуемого [7, с. 386]. Однако А. А. Потебня высказывает предположение, что подлежащее может быть выражено и другими грамматическими формами. Поэтому можно считать, что инфинитив, функционируя в ИСП, может выполнять функцию подлежащего.

А. А. Шахматов, говоря о согласованных двусоставных предложениях, указывает на несогласованные предложения. К двусо-

¹ Шелякин М. А. Русский инфинитив (морфология и функции): учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2017. 159 с.

² Герои газеты. Юрий Быков // Вечерняя Москва. 2021. № 51. 30 дек.

³ Сказ про белого бычка // Мир пенсионера. 2020. № 21. 21 дек.

⁴ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 67–100.

⁵ Термин, введённый Н. А. Герасименко, используется в данной работе.

ставным несогласованным предложениям лингвист относит три вида предложений, для которых общими являются двусоставность и несогласованность обоих составов [9, с. 180]. Среди трёх видов предложений, выделенных А. А. Шахматовым, интересны инфинитивные двусоставные несогласованные предложения, «один из составов которых содержит в качестве главного члена инфинитив. В другом члене может быть или безличная форма глагола, или наречие (или существительное)» [9, с. 182]. Предложения данного вида он делит на несколько групп, различая препозитивность и постпозитивность инфинитива, субъектное и объектное употребление инфинитива, субстантивацию и объективацию инфинитива. Лингвист подчёркивает, что субстантивация невозможна для инфинитива, а объективация – результат положения инфинитива, при котором нет сохранения полноты значения [9, с. 604]. А. А. Шахматов не использует для таких предложений терминов *подлежащее* и *сказуемое*, а только *первый состав* и *второй состав* в соответствии с порядком расположения в предложении.

А. А. Шахматов обратил внимание на тип предложений, в которых два компонента выступают в нехарактерном для них качестве («в первом составе инфинитив, во втором существительное и обратно» [7, с. 184]): глагол в форме инфинитива – подлежащее, имя существительное – основная часть составного сказуемого. Эти предложения являются объектом нашего исследования: *Вряд ли нужно напоминать, что играть второе сейчас – самая зрительская стратегия*¹.

А. М. Пешковский так же, как и А. А. Потебня, пишет об образовании инфинитива, указывая на неопределённую форму: «действие, как бы оторванное от своего деятеля, действие, без всякого намёка на деятеля; признак, создаваемый деятельностью предмета, но без отношения к самому предмету, проявляющему эту деятельность» [8, с. 142], – и указы-

вает на параллелизм употребления глагольного существительного и «неопределённой» формы, называя инфинитив «существительным, не дошедшим на один шаг до глагола» [8, с. 143]. Он считает, что инфинитив – не настоящее подлежащее, а только заместитель подлежащего, хотя является независимой формой, как существительное в Им. п., и связан с именем существительным своим происхождением. Мы предполагаем, что инфинитив, исторически связанный с именем существительным, имея признаки существительного в Им. п. как абсолютно независимой синтаксической формы, может выполнять функцию подлежащего в ИСП.

Связь сказуемого с подлежащим в инфинитивно-субстантивных предложениях

П. А. Лекант рассматривал двусоставные предложения, различающиеся формами подлежащих или сказуемых, и выделил два структурных типа инфинитивного подлежащего: собственно инфинитивное подлежащее и инфинитивно-именное (составное) подлежащее. Для первого характерно совмещение двух элементов значения (вещественного и грамматического) в одной лексической единице: *Поэтому сохранить руки молодыми, а суставы подвижными – задача каждого человека, который заботится о своём будущем*².

Инфинитивно-именное (составное) подлежащее является двухкомпонентным [6]: *Нужно понимать, что быть учителем – это всё-таки призвание*³. Приведённый пример иллюстрирует не отношения 'предмет и его предикативный признак', а отношения 'независимое потенциальное действие (состояние) и его пре-

¹ «Гусар» как пародия на Гайдаю // Московский комсомолец. 2020. № 237 (486). 28 окт.

² Артрит и артроз больше не приговор // Аргументы недели. 2020. № 44 (738). 11 нояб.

³ «Быть учителем – это призвание». Интервью с миллионным педагогом сайта rosuchebnik.ru // Корпорация «Российский учебник»: [сайт]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/byt-uchitelem-eto-prizvanie-intervyu-s-millionnym-pedagogom-sayta-rosu> (дата обращения: 27.02.2022).

дикативный признак', т. е. инфинитивное подлежащее не имеет субъектного значения, но выполняет в ИСП функцию грамматического субъекта, получающего предикативную характеристику в составном именном сказуемом.

Инфинитивно-субстантивные предложения содержат инфинитив в качестве подлежащего, сохраняющий значение действия, представленного вне связи с субъектом и вне его протекания во времени, т. е. обозначает признак, потенциальное действие, характеристика которого заключена в сказуемом. Такие предложения имеют определённые особенности в выражении формы главных членов и грамматической связи между ними. П. А. Лекант, анализируя инфинитив в позиции подлежащего, говорит о невозможности обозначения этой формой производителя действия, т. е. инфинитив, обозначая независимый признак, в функции подлежащего сохраняет своё значение [6]: *Превратить женскую слабость в силу – это талант, с которым женщина рождается, это такая «бытовая дипломатия»*¹. Согласно П. А. Леканту, не все формы сказуемого сочетаются с подлежащим-инфинитивом [6, с. 75]. Важным грамматическим признаком инфинитива является невозможность этой формы согласовываться с другими формами: *Их (коллекторов. – Ю. Ф.) главная задача как раз не доводить дело до суда, а убедить человека продать квартиру, чтобы рассчитаться по долгам*². Для такого положения главных членов важно установление средств грамматического подчинения сказуемого подлежащему в конструкциях типа «инфинитив – существительное».

Анализ примеров показал, что основной связкой в таких предложениях является связка *быть* и её формы. В подобных предложениях связка *быть* согласуется в роде с именем существительным, значит, со сказуемым, поскольку существительное входит в состав именного сказуемого.

Нулевая форма связки *быть* в сочетании с существительным в именительном падеже вообще не имеет возможности согласовываться с чем-либо: *Зависнуть в прыжке и остановиться в воздухе – мечта*³.

Таким образом, можно сказать следующее: инфинитивно-субстантивные предложения, включённые П. А. Лекантом⁴ в группу инфинитивно-подлежащих, обладают особенностями структурной организации: инфинитивное подлежащее сочетается только с составным именным сказуемым. С точки зрения семантики инфинитив во многих предложениях в качестве подлежащего сохраняет значение процесса, представленного вне связи с субъектом и вне его протекания во времени, т. е. обозначает признак, потенциальное действие, характеристика которого заключена в именном сказуемом.

В результате краткого анализа, представленного в работе, установлено, что ИСП относятся к числу несогласуемых (по А. А. Шахматову) двусоставных предложений, потому что в их предикативной основе сочетаются две грамматические формы, не допускающие согласования с чем-либо.

Актуальное членение и синтаксическая функция инфинитива

Инфинитивно-субстантивные предложения были исследованы Н. Ю. Шведовой. Вслед за А. А. Шахматовым она относит такие предложения к подлежащно-сказуемостным с некоординируемыми главными членами в двукомпонентных предложениях со сказуемым-существительным при подлежащем-инфинитиве [10, с. 278]. Установлено, что в предложениях типа *Трудиться – доблесть* позиция подлежащего-инфинитива заполняется любым глаголом, а позиция сказуемого – существительным с оценочным, квалифицирующим значением или сочетанием с таким значе-

¹ Пусть депутаты поживут как простые люди // Аргументы и факты. 2021. № 46 (2139). 17 нояб.

² Приготовиться к выселению! // Наша версия. 2020. № 49 (773). 21 дек.

³ Олег Меньшиков, шёпотом: Вон из Москвы!.. Карету мне! // Комсомольская правда. 2020. № 127–128. 6 нояб.

⁴ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. 274 с.

нием (*нелепость, глупость, стыд, ошибка, заблуждение, удовольствие, радость, горе, счастье, доблесть*), а также словами *дело, задача, долг, труд, удел, судьба, цель, обязанность, мечта* [10, с. 309]: *Особая миссия – информировать* своих читателей о самом важном, помогая им *выстроить* своего рода иерархию новостей, *подсказывать*, как *отличить* главное от второстепенного¹. По мнению Н. Ю. Шведовой, в ИСП инфинитив в позиции подлежащего может находиться только перед сказуемым – существительным в Им. п. Инфинитив в таких предложениях – это обычный способ выражения темы [10, с. 193].

Необходимо отметить, что проблема разграничения главных членов в ИСП многими исследователями также связывается с тема-рематическим членением предложения. Так, И. И. Ковтунова при определении функции инфинитива в предложении указывает на роль темы, свойственную как для существительного, так и для инфинитива, которая характерна не только для независимого инфинитива, являющегося подлежащим, но и для зависимого инфинитива². Она указывает на высказывания, в которых синтагматически независимые высказывания совпадают с синтаксическим членением³, и синтагматически зависимые, актуализированные высказывания, в которых актуальное членение расходится с синтаксическим: зависимый инфинитив вынесен в качестве темы на первое место в предложении: *Отводить от ям – дело ли-*

*тературы*⁴. И. И. Ковтунова отмечает, что «в качестве ремы инфинитив используется реже, т. к. эта функция обычна для инфинитива в роли сказуемого»⁵. Наш материал показывает, что инфинитив-подлежащее в ИСП регулярно выполняет функцию ремы, что является результатом актуализации и проявляется в инверсионном построении высказывания – темой служит именное сказуемое, а ремой – инфинитив-подлежащее: *Одной из наших задач было разработать* конструкцию забора⁶.

И. И. Ковтунова описывает членение предложений с подлежащим-инфинитивом и сказуемым, в которых меняются местами эти два члена предложения: *Конечно, написать книгу и написать сценарий – это две разные вещи*⁷; *И это полное право человека – согласиться на участие или отказаться*⁸. Нельзя не согласиться с мнением учёного, что фразовое ударение изменяет актуальное членение предложения и подчёркивает важность для говорящего выделенного ударением компонента, при этом существительное-сказуемое может оказаться ближе к началу предложения или даже в начале его⁹. Однако с точки зрения синтаксического членения инфинитив, на наш взгляд, остаётся в ИСП подлежащим, т. е. грамматически независимым членом предложения, которому приписывается предикативный признак, выраженный в имени существительном.

¹ Порядок слов // Российская газета. 2020. № 253 (8307). 11 окт.

² Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 89.

³ У И. И. Ковтуновой: функция, характерная для независимого инфинитива: *Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, – это большое удовольствие* (А. Чехов), – что применимо к инфинитивно-субстантивным предложениям. Например, *Разменивать квартиру и переезжать в другой район тоже не хочется, да и переезжать – дело утомительное* (См.: Как можно заработать в пандемию // Мир пенсионера. 2020. № 19 (68). 23 нояб.). В приведённых примерах актуальное членение совпадает с синтаксическим, но высказывания синтагматически независимы.

⁴ Цитадель // Завтра. 2020. № 52 (1410). Дек.

⁵ Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 89.

⁶ Я не понимаю... // Аргументы и факты. 2021. № 31 (2124). 4–10 авг.

⁷ К Наталье Поклонской я ушёл из семьи // Собеседник. 2020. № 42 (1824). 4–10 нояб.

⁸ Миздрав разрешил проведение пострегистрационных испытаний COVID-вакцины // RG.ru: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/08/26/mizdrav-razreshil-provedenie-postregistratsionnyh-ispytanij-covid-vakciny.html> (дата обращения: 01.03.2022).

⁹ Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 116.

Заключение

Проведённый анализ ИСП позволил определить синтаксическую функцию инфинитива в этом типе предложений. Инфинитив в ИСП выполняет функцию подлежащего: имеет независимую грамматическую форму, обозначающую процесс вне связи с субъектом и вне протекания во времени; обозначает признак (в широком понимании), потенциальный процесс, характеристика которого заключена в именном сказуемом.

Актуальное членение ИСП не влияет на синтаксическую функцию инфинитива,

в стандартных условиях он выполняет функцию темы. В зависимости от задач говорящего тема-рематическое членение ИСП может актуализировать инфинитив в функции ремы, при этом обычно наблюдается инверсионное построение ИСП. Однако грамматические признаки инфинитивно-субстантивных предложений сохраняют за инфинитивом позицию подлежащего, которое получает предикативную характеристику или оценку в сказуемом.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: Московский государственный областной университет, 2012. 292 с.
2. Герасименко Н. А. Инфинитивно-субстантивные предложения в русском языке: структурный аспект // Русский язык в поликультурном мире: материалы II Международного симпозиума, г. Ялта, 8–12 июня 2018 г.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2018. С. 173–178.
3. Герасименко Н. А. Оформление связи между главными членами бисубстантивного предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 14–17.
4. Герасименко Н. А. Рациональная и эмоциональная оценка в инфинитивно-субстантивных предложениях [Электронный ресурс] // Рациональное и эмоциональное в русском языке: материалы Международной научной конференции, г. Москва, 19 ноября 2019 г. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. Корнева В. В. Инфинитивные предложения в русском и испанском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 51–60.
6. Лекант П. А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Philology.ru: [сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/lekant-69.htm> (дата обращения: 13.03.2022).
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 536 с.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: ЛЕНАНД, 2021. 434 с.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 720 с.
10. Шведова Н. Ю. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 717 с.
11. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Индексирование зоны инфинитивно-модальных структур в русском языке [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2020. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32614 (дата обращения: 05.01.2022).
12. Шигуров В. В. Инфинитив в зоне взаимодействия глаголов и вводно-модальных слов и выражений // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 230–236.
13. Fortuin E. Explaining the Distribution of Infinitives of Impersonals in Russian // Language Sciences. 2011. Vol. 33. Iss. 5. P. 768–785.

REFERENCES

1. Gerasimenko N. A. *Bisubstantivnye predlozheniya v russkom yazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie* [Bisubstantive Sentences in Russian: Structure, Semantics, Functioning]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2012. 292 p.
2. Gerasimenko N. A. [Infinitive-Substantive Sentence in Russian: Structural Aspect]. In: Titarenko E. Ya., ed. *Russkii yazyk v polikulturnom mire: materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma, g. Yalta, 8–12 iyunya 2018 g. T. 2* [The Russian Language in a Multicultural World: Materials of the II Judicial Symposium, Yalta, June 8–12, 2018. Vol. 2]. Simferopol, Arial Publ., 2018, pp. 173–178.

3. Gerasimenko N. A. [Making a Connection between Predominantly Ordinary Bisubstantive Sentences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2015, no. 4, pp. 14–17.
4. Gerasimenko N. A. [Rational and Emotional Evaluation in Infinitive-Substantive Sentences]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 19 noyabrya 2019 g.* [Rational and Emotional in Russian: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 19, 2019]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019. 1 CD-ROM.
5. Korneva V. V. [Infinitive Sentences in Russian and Spanish]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 1, pp. 51–60.
6. Lekant P. A. [On the Issue of the Syntactic Subject]. In: *Philology.ru*. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/lekant-69.htm> (accessed: 13.03.2022).
7. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. T. 1–2* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1–2]. Moscow, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1958. 536 p.
8. Peshkovsky A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 434 p.
9. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2014. 720 p.
10. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2: Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 717 p.
11. Shigurov V. V., Shigurova T. A. [Indexing the Zone of Infinitive-Modal Structures in Russian]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2020, no. 3. Available at: https://nb-publish.com/library_read_article.php?id=32614 (accessed: 05.01.2022).
12. Shigurov V. V. [Infinitive in the Zone of Interaction of Verbs and Introductory-Modal Words and Expressions]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 2020, no. 3, pp. 230–236.
13. Fortuin E. Explaining the Distribution of Infinitives of Impersonals in Russian. In: *Language Sciences*, 2011, vol. 33, iss. 5, pp. 768–785.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федорова Юлия Александровна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета; учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы № 11 г. о. Долгопрудный (МАОУ СОШ № 11); e-mail: shubinayuliya80@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Fedorova – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Moscow Region State University; Teacher of the Russian Language and Literature, Secondary School no. 11 of Dolgoprudnyi; e-mail: shubinayuliya80@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорова Ю. А. Синтаксическая функция инфинитива в инфинитивно-субстантивном предложении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 42–48.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-42-48

FOR CITATION

Fedorova Yu. A. Syntactic Function of an Infinitive in an Infinitive-Substantive Sentence. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 42–48.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-42-48

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-49-58

САПОГИ ДОСТОЕВСКОГО: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ В ОНТОЛОГИИ ПИСАТЕЛЯ

Алпатова Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить предметный мир прозы Ф. М. Достоевского в аспекте художественной онтологии писателя. *Сапоги* как деталь костюма героя рассматриваются в контексте системной организации произведения с учётом иерархически соотнесённых в нём различных планов изображения: социокультурного – психологического – идейно-философского – метафизического. Предложенный подход позволяет обновить представления о значении художественной детали как для характеристики персонажа, так и для выстраивания мирообраза текста в целом.

Процедура и методы. Автором предложена типология упоминаний рассматриваемой детали; при этом *сапоги* анализируются как точка пересечения внешнего и внутреннего, объективного и субъективного планов характеристики и героя, и мира, во взаимодействии с которым осуществляется его самопрезентация. В центре исследования романы «Бедные люди» и «Бесы», открывающий и завершающий обращение Достоевского к предметной детали «сапоги» в диалоге с эстетикой «натуральной школы». Это позволило проследить эволюцию одного из важнейших художественных принципов прозы Достоевского – изменение «оптики» повествования, переход от внешнего к внутреннему, эмоционально, идейно и онтологически ориентированному существованию детали в его художественном мире.

Результаты. В ходе работы были выявлены особенности феноменологического изображения детали в произведениях Достоевского, специфика обыгрывания образа в различных художественных контекстах, поставлен вопрос о значении «метатекстового» сюжета творчества на различных уровнях произведения, в том числе и для раскрытия специфики художественной детали во всём потенциальном разнообразии её значений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось предложить новый подход к художественной детали в прозе Достоевского с учётом её многоуровневого строения и метатекстового потенциала.

Ключевые слова: вещь, деталь, Ф. М. Достоевский, метатекстовый сюжет, художественная онтология

DOSTOYEVSKY'S BOOTS: ARTISTIC DETAIL IN THE WRITER'S ONTOLOGY

T. Alpatova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. We study the objective world of F. M. Dostoevsky's prose from the point of view of the writer's artistic ontology. *Boots* as a detail of the hero's costume are considered in the context of the systemic organization of the work, taking into account different, hierarchically correlated planes of the image, such as socio-cultural, psychological, ideological-philosophical, and metaphysical. The proposed approach allows one to broaden our understanding of the significance of an artistic detail both for characterization of a character and for building a worldview of a text.

Methodology. A typology of the mentions of the artistic detail in question is proposed. *Boots* are analyzed as a point of intersection of external and internal, as well as of objective and subjective planes of characterization of both the hero and the world, in interaction with which the character represents himself. We study the novels "Poor People" and "Demons", which open and complete Dostoevsky's appeal to subject matter in a dialogue with the aesthetics of the "natural school". This makes it possible to trace the evolution of one of the most important artistic principles of Dostoevsky's prose—the change in the 'optics' of the narrative and the transition from the external to the internal, i.e. emotionally, ideologically, and ontologically oriented existence of a detail in the artistic world of the writer.

Results. The features of the phenomenological image of the detail in the works of Dostoevsky and the specifics of playing with the image in various artistic contexts are revealed; a question is raised about the meaning of the 'metatext' plot of creativity at various levels of the work, including for revealing the specifics of the artistic detail in all the potential variety of its meanings.

Research implications. A new approach is suggested to the artistic detail in Dostoevsky's prose, taking into account its multi-level structure and metatextual potential.

Keywords: thing, detail, F. M. Dostoevsky, metatext plot, artistic ontology

Введение

Специфика художественной онтологии Ф. М. Достоевского – исследовательская задача, к решению которой возможно подходить с самых разных сторон, в том числе отталкиваясь от, на первый взгляд, незначительных «единиц» и «элементов» целостного мироздания, которые не только обретают свой истинный смысл в контексте этого целого, но неизбежно влияют на специфические формы и закономерности его функционирования. В этом смысле выражение «вещный мир» применительно к творчеству Достоевского может восприниматься как со/противопоставление: заложенный в нём путь «от частного к общему», как и обратно направленное движение, в равной мере неизбежны, – что, возможно, и было одной из художественных предпосылок к тому разрушению классической картины мира, которое происходит в прозе Достоевского.

Исследование судьбы художественной детали в его произведениях – в первую очередь, 1840-х гг., – было и остаётся одним из

важнейших направлений в осмыслении предметного мира литературы в целом [1; 4; 6; 7; 8]. Применительно к задачам настоящей работы особо важно выделить работу Т. И. Печерской, реконструировавшей основные структурные элементы и особенности функционирования «сапожного сюжета» в русской литературе 1840–1870-х гг. По справедливому мнению исследовательницы, специфика существования данной детали в тексте – её особая «знаковость», потенциальная способность находиться «между» условной «реальностью» и «литературностью» и, соответственно, переходить «из буквального, натуралистического плана в символический» [7, с. 87], становиться «мета-вещью» [7, с. 8], попадать в зависимость от нарративной инстанции и выстраивать разнообразные линии взаимодействия с нею.

В связи с этим, целью предлагаемой работы видится развитие исследования онтологической функции предметной детали «сапоги» в прозе Достоевского с учётом многоуровневой структуры тек-

ста, в котором «картина мира» в целом реализуется в сложном иерархическом взаимодействии социокультурного – психологического – идейно-философского – метафизического уровней. Таким образом, развёртывание всякой художественной детали происходит в столь сложном целом, что именно момент влияния частного на целое и становится тем значимым парадоксом, который потенциально способен «сдвинуть» классически завершённую «картину мира», придать ей динамику. Метатекстовая функция детали при этом также важна – в первую очередь тем, что создаёт эффект «изображения рассказа», восстановления процессуальности самой «ситуации рассказывания», «ситуации письма» – признание которой представляется исключительно важным для оценки художественного новаторства Достоевского-писателя.

**«Сапоги» как точка пересечения
«внешнего» и «внутреннего»
в контексте самопрезентации героя**

Судьба художественных деталей в произведениях Достоевского необычна и по-своему сложна. В ранних сочинениях писателя, создававшихся в пору его активного взаимодействия с «натуральной школой», детали эти окружают персонажей, создавая достаточно плотный «фон», который своей антиэстетичностью, нарочитой обращённостью к «низким» сторонам быта эпатировал читателей, привыкших к романтической «красивости», – что в целом соответствовало эстетическим задачам школы. В произведениях, создававшихся после каторги, а более всего – после 1864 г., бытовые детали существуют в иной, более сложной художественной модели. Исток её – «Записки из подполья», где Достоевский практически полностью разрушает привычные каноны «литературности» и в том числе выстраивает своего рода «мир без вещей», «безбытное» пространство, в котором обитает «подпольный парадоксалист». С этого момента в романах 1865–

1881 гг. бытовые детали возвращаются, но получают дополнительный модус существования – помимо собственной предметности, а также роли социокультурных знаков и психологических «подсказок», поясняющих состояние героя, бытовые детали обретают возможность нести и метафизический смысл – как и всё в мире Достоевского, существуя отныне «в беспредельности, в последний раз в мире».

Это касается и деталей – предметов одежды героев, традиционно воспринимаемых без отрыва от своих «хозяев», как часть их внешнего облика и внутреннего состояния. Рассматриваемые в статье «сапоги» как раз пример такого многогранного и непредсказуемого обыгрывания детали.

Ожидаемо часто (по подсчётам Т. Печерской – 28 раз) сапоги упоминаются как часть описания костюма персонажей в «Бедных людях», в первую очередь сопровождая самохарактеристики и рассказы о жизненных неурядицах Макара Девушкина.

Сапоги очевидно становятся одним из знаков незащищённости героя, позволяют судить о тех трудностях, которые ему пришлось претерпеть на службе. Как высшую точку травли он отмечает: «Да мало того, что из меня пословицу и чуть ли не бранное слово сделали, – до сапогов, до мундира, до волос, до фигуры моей добрались...»¹.

При этом унижает Макара Алексеевича не только и, возможно, не столько неприличность упоминания о достаточно интимной детали костюма, но именно «объективация» его собственной личности, когда в глазах других людей он становится неотделим и неотличим от собственных сапог. Сапоги словно бы вытесняют и замещают его человеческое существо – эту своеобразную «оптику» он находит в повести Гоголя «Шинель», и именно против неё восстаёт герой-читатель, выражая негодование, невольно скатываясь в том числе к упоминанию сапог – меры и символа собственной униженности: «...после этого и жить себе смирно нельзя ... что-

¹ Достоевский Ф. М. Бедные люди / сост. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 41.

бы и в твою конуру не пробрались да не подсмотрели ... есть ли сапоги, да и чем подбиты...»¹. Отчаяние звучит в бессильной попытке защитить себя, представляя знаки нищеты как своеобразную бытовую норму: «Да и что же тут такого маточка, что вот хотя бы и я, где мостовая плоховата, пройду иной раз на цыпочках, что я сапоги берегу!...»². Сапоги героя очевидно сопоставлены с шинелью Акакия Акакиевича; Девушкин сам улавливает эту параллель в собственном описании: «Конечно, правда, иногда сошьёшь себе что-нибудь новое, – радуешься, и спишь, а радуешься, сапоги новые, например, с таким сладострастьем надеваешь – это правда, я ощущал, потому что приятно видеть свою ногу в таком щегольском сапоге, – это верно описано!»³.

И всё же, признавая «верность» описания, герой восстаёт против него, ощущая себя в двойной петле объективации: сведённый к собственным сапогам, которые на шкале общепризнанных ценностей оказались выше того, кто их носит, а сверх того, ещё и сведённый к изображённому литературному персонажу, также живущему подобными сугубо бытовыми ценностями; для Макара Девушкина это представляется бесчеловечным и оскорбительным. Он пытается объяснить это унижение Вареньке: «у бедного человека на этот счёт тот же самый стыд, как и у вас, примером сказать, девический. Ведь вы перед всеми ... разоблачаться не станете; вот так точно и бедный человек не любит, чтобы в его конуру заглядывали...»⁴.

Страх быть разоблачённым в собственной бедности неоднократно опредмечивается в письмах Девушкина именно в образе сапог. Катастрофа с ними означает для героя полную десоциализацию: невозможно ходить «в должность», это может вызвать гнев «его превосходительства», не менее страшный, чем насмешки других чиновников: «сапоги-то у меня больно худы ... ну

как из начальства-то кто-нибудь заметит подобное неприличие...»⁵; «на рубль серебром куплю сапоги; я уж и не знаю, способен ли я буду в старых-то завтра в должность явиться»⁶; «в каких сапогах я завтра на службу пойду! ... я не для себя и тужу, не для себя и страдаю; по мне всё равно, хоть бы и в трескучий мороз ... но что люди скажут? ... Ведь для людей и в шинели ходишь, и да и сапоги, пожалуй, для них же носишь»⁷.

Парадокс состояния героя Достоевского в том, что, отвергая стремление современной литературы опредмечивать изображаемого человека – унижать его, Макара Алексеевича Девушкина, сведением его уникальной личности до сапог, сам он столь же трепетно к ним относится – не столько как к нужной, практичной и удобной вещи, сколько именно как к продолжению собственного «я». Он прямо признаётся: «Сапоги ... нужны мне для поддержки чести и доброго имени; в дырявых же сапогах и то и другое пропало»⁸ (не случайно неоднократно в различных произведениях Достоевского встречается подобным же образом опредмечивающая человека поговорка: «Да уж лучше я сапогу поклонюсь, а не лаптю!») (Бесы)⁹.

Таким образом, совокупность различных высказываний Макара Девушкина позволяет реконструировать специфику восприятия героем того «сдвига», который происходит в аспекте соотношения контекстов «мира» и «человека» как целого и части. Мир, воспринимаемый в данном случае героем прежде всего как социум, не только жесток и равнодушен по отношению к отдельной личности. Наиболее болезненным при этом оказывается происходящая в нём объективация, «опредмечивание» человека, вследствие чего он теряет свою «классическую» роль микрокосма и превращается в «деталь» (то, что

¹ Достоевский Ф. М. Бедные люди / сост. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 57.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же.

⁹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7: Бесы. Л.: Наука, Ленингр. отд.-е, 1990. С. 246.

впоследствии подпольный парадоксалист будет называть символическими обозначениями «штифтик», «фортепьянный клавиш»). В свою очередь, нечто, предполагающее лишь служебно-предметное существование (сапоги), разрастается в своём значении, замещая и вытесняя человека. Возникающие в подобном «замещении» гоголевские коннотации [2; 3; 5] комментировал в своё время М. М. Бахтин, определивший и фундаментальное отличие художественной манеры Достоевского, оформившейся в этом качестве уже в «Бедных людях». Здесь «самосознание» не просто механически добавляется к типологически неизменному герою, а предполагает его полную трансформацию. Деталь в этом ряду есть то, «чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого»¹, «не черты действительности, но значение этих черт»², «самосознание» становится главным предметом развёртывания в тексте, структуры которого также неизбежно меняются при этом.

**«Сапоги» в метатекстовом сюжете:
структура «становящегося»
повествования у Достоевского**

Если видеть в романе «Бедные люди» своеобразный метатекстовый сюжет (определяемый в данном случае как ориентация на изображение «ситуации рассказывания», «ситуации письма», по типу пушкинского «Читатель ждёт уж рифмы: розы, // На вот, возьми её скорей!»), «поиска» новой литературной позиции, выработки «слога», который один способен превратить бедного, униженного героя в самостоятельную, уважающую себя и уважаемую другими творческую личность, и на этом уровне Макару Девушкину также парадоксально помогают осознать себя... сапоги.

Стремясь утвердить собственное «я» в глазах Вареньки, он готов отказаться от

выстраданной истины о важности сапог в жизни человека: «подошва вздор и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой» – герою сложно сразу отрешиться от фетиша сапог, поэтому вначале разоблачается и десакрализуется их замещающий символ – подошва. Но вот настает черед и самих сапог: «Да и сапоги тоже вздор! И мудрецы греческие без сапог хаживали. Так чего же нашему брату с таким недостойным предметом нянчиться?»³.

Однако пример Диогена не может долго поддерживать петербургского чиновника, в силу климатических требований не имеющего возможности отказаться от сапог. Тем интереснее ситуация, когда, предаваясь совершенно оторванным от реальности мечтам о сочинительстве, Макар Девушкин одним из знаков изменений, которые произойдут тогда в его социальном положении, снова представляет сапоги.

Против ожиданий, «сочинитель литературы и пиита Макар Девушкин» воображает себя не в прекрасных, новых и удобных, но всё в тех же старых и рваных сапогах, однако воспринимаются они уже совершенно по-иному. «Стыд» героя («я бы решительно тогда на Невский не смел бы показаться»⁴) из «девического стыда» превращается скорее в подобие «девического кокетства»: «Ну что бы я тогда, например, с моими сапогами стал делать?!»⁵. Рассказывая об их ужасном состоянии, Девушкин здесь уже явно не стесняется, скорее бравирует неприглядными деталями: «они у меня, замечу вам мимоходом, маточка, почти всегда в заплатах, да и подметки, по правде сказать, отстают иногда весьма неблагопристойно»⁶.

Абсурдность столкновения нищеты и блеска, скрытости, сопровождающей нищету в общественном сознании, что не желает оскорбляться низкими картинками, и публичности, в полной мере раскрывается в компенсаторной для психики униженно-

¹ Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Достоевский Ф. М. Бедные люди / сост. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 76.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

го «бедного» героя мечты вломиться в мир некоей утончённой «контессы-дюшессы» именно в рваных сапогах, и никак иначе:

«...Ну что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у сочинителя Девушкина сапоги в заплатках! Какая-нибудь там контесса-дюшесса узнала бы. Ну что бы она-то, душка, сказала?»¹

Недоступная аристократка не случайно названа с помощью предельно субъективной формы, существующей только в речи героя-плебея. Эта «контесса-дюшесса», к тому же ещё и названная «душкой», субъективностью и подчёркнутой фамильярностью сводится со своего социального пьедестала. Герой в мечтах преодолевает лежащую между ними дистанцию – и, несмотря на то, что «контессы не занимаются сапогами», ей придётся вникнуть в столь интимную часть гардероба Макара Девушкина – очевидное доказательство тому, «что сапоги сапогам рознь».

Стремясь к обретению человеческого достоинства, однако, герой движется от пустых мечтаний о сочинительстве в духе Ратазиева к умению осознавать собственный, пережитый и выстраданный жизненный опыт, частью которого становится прозрение, что «все мы ... выходим немного сапожники» – т. е. склонны жить только личными, материальными, земными интересами – спор об этом, в сходном контексте «сапожной» символики, отразится позднее и в иных произведениях Достоевского.

Обретая в собственных мечтах возможность авторства, герой Достоевского, в сущности, мысленно движется не по социальной, а по онтологической лестнице, стремится в ту сферу, где на его субъектность уже не смогут осуществиться никакие покушения. Метафорически это можно представить как своеобразное движение героя к «последнему пределу», некоему крайнему уровню фикциональности, за которым развёртывается уже совершенно иной – противоположный «литературе» модус бытия – «реальность», и автора, и предполагаемых читателей, условно гово-

ря, «реальность как таковая». Подобный эффект в мире Достоевского отнюдь не представляется невозможным – и не только потому, что в его мире и в самом деле возможно всё, но и в силу историко-литературных закономерностей, раскрывавшихся для Достоевского-писателя в первую очередь в творчестве Пушкина и в уникальной структуре «Евгения Онегина». Изменившееся ощущение мира передаётся в первую очередь в изменении самой «литературности» рассказа о нём, в частности, в «подвижности» границы между тем, что есть текст, и тем, что уже лежит за его пределами. Стремящийся «отодвинуть» её в попытке защитить целостность своего существования Макар Девушкин – первый в ряду героев писателя, бросающихся на исполнение столь трудной онтологической задачи. Его «сапоги» парадоксально тоже участвуют в её разрешении.

Эволюция образа сапог в произведениях Достоевского 1850-1870-х гг.

Объективация личности человека вещами, владение которыми должно сигнализировать об определённом социальном положении, – этот мотив появляется и в других произведениях Достоевского 1840-х гг., соотнесённых с гоголевской традицией. Так, начиная попытку своего возвышения, Голядкин не только нанимает экипаж и разменивает все свои сбережения мелкими купюрами (ради удовольствия ощущать при себе большое количество денег), но и заказывает и надевает новые сапоги: «одеваясь, он несколько раз с любовью взглядывал на свои сапоги, поминутно приподымал то ту, то другую ногу, любовался фасом и что-то всё шептал себе под нос, изредка подмигивая своей думке выразительною гримаскою»². Владение новыми прекрасными сапогами столь важно для гиперкомпенсации героя, потому что в обычном состоянии его личность унижена бесконечно

¹ Достоевский Ф. М. Бедные люди / сост. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 48.

² Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1: Повести и рассказы. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1988. С. 149.

более: он ощущает себя, «как ветошку, об которую грязные сапоги обтирают»¹, – что и приводит героя к безумию.

Сапоги как предметная деталь, конкретизирующая жизненные обстоятельства героя, а также иносказательное обозначение униженности человека, неповторимая индивидуальность которого сведена до уровня сапога, – мотив, нередко повторяющийся в произведениях Достоевского не только 1840-х, но и в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Однако чем дальше, тем больше усиливается метафоризация их изображения – параллельно снижению частотности самого их упоминания как предметной детали. Не случайно Фома Опискин не столько носит сапоги, когда бы они упоминались на уровне предметной детали описания, сколько говорит о них: «он обтирка моего сапога!»², «я отрясу прах с моих сапогов»³, «я жил как раб ... как обтирка ваших лакированных сапогов!»⁴ и др.

В романах 1865–1881 гг. частотность упоминания сапог как детали костюма героя резко уменьшается – однако, когда эта деталь появляется, она оказывается в гораздо более трагически насыщенном контексте, превращающем деталь из вещи, пусть и вызывающей яркие эмоции, почти в сверх-, мета-вещь, которая резко выделяется, обретая едва ли не самостоятельность, «преследуя» героя словно бы не в силу субъективного расстройств его психики, но именно потому, что и объективный мир распадается на кусочки, и каждая вещь в этом мире отныне автономна, замкнута в себе и самостоятельна. Так, Раскольников сталкивается... с собственным сапогом, что наряду с другими предметами становится гонителем и обличителем героя, «знаком» – в самом жут-

ком смысле этого слова: «В эту минуту луч солнца осветил его левый сапог на носке, ... как будто показались знаки ... действительно знаки!»⁵

Социокультурный контекст эпохи, так странно выделившей сапоги и инициировавшей дискуссию о них, воспроизводится и пародируется в романе «Бесы». Именно в оборвавшейся карьере Степана Трофимовича в атмосфере молодёжных кружков Петербурга является этот мотив – обсуждение сапог, как последних рубеж, отступить от которого Верховенский-старший не считает возможным, что, в конечном счёте, и позволяет ему сохранить человеческое достоинство: «Он бесспорно согласился в бесполезности и комичности слова “отечество”; согласился и с мыслью о вреде религии, но громко и твёрдо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо»⁶.

Исследователи подробно описали контекст современной Достоевскому публицистики, в котором яснее становится истинный адрес полемики – не только собственно Д. И. Писарев и другие сотрудники «Русского слова», но утилитаристская эстетика в целом, для которой «сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следовательно, Пушкин – роскошь и вздор»⁷.

Возвращение к полемической ситуации 1850-х – начала 1860-х гг., сделавшей столь актуальной тему сапог в контексте жизненных и культурных ценностей, приводит к тому, что герои «Бесов» вновь начинают активно носить сапоги – и сапоги эти вновь становятся определяющими и заметными в их социальной (а иной раз и человеческой) характеристике: «Лембка» «щеголял в разо-

¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1: Повести и рассказы. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1988. С. 218.

² Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3: Село Степанчиково и его обитатели. Записки из Мёртвого дома. Петербургские сновидения в стихах и прозе. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1988. С. 90.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же.

⁵ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Преступление и наказание. Петербургские сновидения в стихах и прозе. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1989. С. 87.

⁶ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7: Бесы. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1990. С. 23.

⁷ Достоевский Ф. М. Г-н Щедрин, или Раскол в нигилистах // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11: Публицистика 1860-х годов. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1993. С. 345.

рванных сапогах»¹, однако сделавшись «фон Лембке», является уже «в лакированных сапогах»²; один из «наших», Толкаченко, «щеголяет» «смазными сапогами, прищуренно-хитрым видом и народными фразами с завитком»³; в охваченный духом распада мир являются «пииты взамен направления и таланта в поддёвках и смазных сапогах»⁴; Степан Трофимович бежит из дома «в высоких сапогах с гусарскими голенищами, в которых он не умел ходить...»⁵.

Этих упоминаний именно в «Бесах» количественно заметно больше, чем в иных романах Достоевского – и в «Бесах» же сапог как метафора человеческой души является в наиболее сильном и эмоционально напряжённом предостережении Петра Верховенского, адресованном Ставрогину: «у меня в сапоге, как у Федьки, нож припасён»⁶.

Общезыковая в своих истоках синекдоха (предмет одежды как замещение его носителя), потенциально разрастается до символа в данном случае и в силу предельного драматизма обстоятельств, в которых развёртывается диалог, и за счёт напряжения того, что можно назвать «повествовательным полем» в целом. Парадоксальность его полемичности, которая, с одной стороны, достигает предела возможного, с другой же – практически лишена однозначности, дидактизма и какой-либо определённости, по-видимому, достигалась в том числе непредсказуемым соотношением внешнего и внутреннего, объективно-определяющего и субъективно стремящегося «высказать себя» – причём характерного в художественном мире романа для всех и вся, от главных до второстепенных героев, от целостных сюжетно-композиционных, пространственно-временных, идеологически-философских построений до отдельных предметных образов, «вещность» которых раскрывается

до предела своего потенциала и его противоположности – онтологичности. Сапоги в ряду предметных деталей романа – один из характерных примеров, иллюстрирующих не только результат, но сам механизм подобной трансформации.

Заключение

Реконструкция и анализ того, каким образом оформляются структура упоминания сапог в произведениях Достоевского и какую художественную функцию она реализует, позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего, в дополнение к ожидаемому подтверждению общепринятого тезиса, что направление эволюции писателя – от «предметности» «натуральной школы» к символизации и метафизической многоплановости теста, образ сапог позволяет выявить один из механизмов этого процесса. Это обострённое восприятие героев момента его «объективации» и протест против него, – притом обе составные части этого мотива («герой = вещь», «герой ≠ вещь») становятся предпосылкой для того, чтобы и вещь как таковая перерастала при этом самое себя, обретала иные возможности и масштабы. Сапоги как одна из частотных синекдох личности персонажа оказываются у Достоевского полем напряжённого спора героя с миром и самим собой; «остраясь» и разрастаясь в своём значении, они также потенциально способны стать «субъектом» этого спора, не столько принадлежа герою, сколько подчиняя его себе. Рассмотренные примеры упоминания сапог в метатекстовых фрагментах произведений также позволяют судить о значении этого образа в художественной онтологии писателя в целом, в которой подвижность и динамика повествования, реализуясь на разных уровнях, в целом способствовали созданию предельно неустойчивой, «ускользающей» картины мира, по-видимому и ставшей одним из главных художественных открытий Достоевского-писателя.

Статья поступила в редакцию 10.11.2022.

¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7: Бесы. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1990. С. 291.

² Там же.

³ Там же. С. 366.

⁴ Там же. С. 430.

⁵ Там же. С. 500.

⁶ Там же. С. 390.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баршт К. А. Спор между «отцами» и «детьми» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» в историко-литературном и текстологическом аспектах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 20–29.
2. Берсенёва В. А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: образы и мотивы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 12–18.
3. Богданова О. В., Богатырева Л. В. Автоинтертекстуальное поле ранней прозы Ф. М. Достоевского // Вопросы русской литературы. 2019. № 2. С. 3–14.
4. Буяновская В. И. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского как диалог старого и нового слова // *Studia Literarum*. 2018. Т. 3. № 4. С. 152–169.
5. Ветловская В. Е. Источники и литературный контекст романа Достоевского «Бедные люди» // Словесность и история. 2020. № 3. С. 7–31.
6. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Маленький человек Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 3. С. 419–428.
7. Печерская Т. И. Предмет как сюжетный маркер: сапоги в русской литературе 1840–1870-х годов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 86–93.
8. Скуридина С. А., Новикова М. В., Попова Ю. С. Шляпа, пальто и сапоги как элементы костюмного кода в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 4 (43). С. 7–12.

REFERENCES

1. Barsht K. A. [The Dispute between “Fathers” and “Children” in F. M. Dostoevsky’s Novel “Demons” in Historical, Literary and Textual Aspects]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2021, vol. 80, no. 6, pp. 20–29.
2. Berseneva V. A. [Reception of the “Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin” by A. S. Pushkin in F. M. Dostoevsky’s Novel “Poor people”: Images and Motives]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2018, no. 431, pp. 12–18.
3. Bogdanova O. V., Bogatyreva L. V. [Autointer textual Field of the Early Prose of F. M. Dostoevsky]. In: *Voprosy russkoi literatury* [Problems of Russian Literature], 2019, no. 2, pp. 3–14.
4. Buyanovskaya V. I. [“Poor People” by F. M. Dostoevsky as a Dialogue between the Old and the New Word]. In: *Studia Literarum*, 2018, vol. 3, no. 4, pp. 152–169.
5. Vetlovskaya V. E. [Sources and Literary Context of Dostoevsky’s Novel “Poor People”]. In: *Slovesnost’ i istoriya* [Literature and History], 2020, no. 3, pp. 7–31.
6. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. [Dostoevsky’s Little Man in the Historical and Literary Perspective: Between the “Thing” and the Personality]. In: *Vestnik russkoi khristianskoi humanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2020, vol. 21, no. 3, pp. 419–428.
7. Pecherskaya T. I. [The Subject as a Plot Marker: Boots in Russian literature of the 1840s–1870s]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2014, no. 3, pp. 86–93.
8. Skuridina S. A., Novikova M. V., Popova Yu. S. [Hat, Coat and Boots as Elements of the Costume Code in F. M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”]. In: *Aktual’nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki* [Actual Problems of Modern Philology and Journalism], 2021, no. 4 (43), pp. 7–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. Сапоги Достоевского: художественная деталь в онтологии писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 49–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-49-58

FOR CITATION

Alpatova T. A. Dostoyevsky's Boots: Artistic Details in the Writer's Ontology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 49–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-49-58

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-59-66

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОЭЗИИ А. П. БУНИНОЙ

Гун Хэнсин*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать философскую проблематику творчества А. П. Буниной, считающейся основоположницей женской лирики в русской литературе.

Процедура и методы. На материале стихотворений А. П. Буниной рассмотрены два основных тематических аспекта проблематики её творчества: тема поэта и поэзии, религиозно-философская проблематика. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов.

Результаты. В ходе анализа существенно расширено представление о тематическом диапазоне философской лирики А. П. Буниной, а также о гендерных особенностях интерпретации некоторых аспектов философской проблематики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённый анализ позволяет расширить представление о тематическом диапазоне лирики А. П. Буниной и женской лирики начала XIX в. в целом.

Ключевые слова: А. П. Бунина, женская лирика, поэтесса, религиозные темы, тема поэта и поэзии, философские темы

PHILOSOPHICAL PROBLEMS IN THE POETRY OF ANNA BUNINA

Gong Heng Xing*Lomonosov Moscow State University**Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We analyze the philosophical problems in Anna Bunina's poetry, who is reputed to be the founder of female lyrics in the Russian literature.

Methodology. Based on the material of A. P. Bunina's poems, we consider two main thematic aspects of the problems of her work: the theme of the poet and poetry, religious and philosophical problems. The main methods of research are observation, synthesis, and interpretation of results.

Results. The idea of the thematic range of Bunina's philosophical lyrics and gender characteristics of the interpretation of some aspects of philosophical problems are significantly expanded.

Research implications. The obtained results contribute to expanding the idea of the thematic range of Anna Bunina's lyrics as well as of female poetry in the beginning of 19th century.

Keywords: Anna Bunina, women's lyrics, poetess, religious themes, theme of the poet and poetry, philosophical themes

Введение

В последнее время творчество А. П. Буниной привлекает всё больше внимания исследователей.

Одна из актуальных задач освоения её наследия, ставшего теперь доступным широкому кругу исследователей благодаря публикации собрания её стихотворений (2016)¹, – анализ его проблематики. Это тем более важно, что поэтесса считается основоположницей женской лирики в русской литературе. Такие исследователи, как М. В. Заботкин [1], Е. В. Изусина [2], М. А. Нестеренко [3], Н. Н. Пуряева [4; 5], Е. В. Свиясов [6], Н. Фахмина [7], Н. Шнайдер [8], В. Росслин [9] и др. уже обращались к данной теме, однако анализ тематики и проблематики поэзии Буниной по-прежнему остаётся актуальным.

Данная работа посвящена рассмотрению философской проблематики – одной из центральных в творчестве Буниной. Для этого будут проанализированы стихотворения «Разговор между мною и женщинами», «Тем, которые предлагали мне писать гимны», «Пекинское ристалище», «О счастии», «Песнь смерти», «В Альбом 13-летней моей племяннице», а также ряд других. Основной метод исследования – аналитический. Наша задача – расширить представление об аспектах философской лирики Буниной.

Тема поэта и поэзии в лирике А. П. Буниной

С самых первых своих стихотворений поэтесса обращается к широкому кругу философских проблем: тема поэта и поэзии, проблема сущности поэтического дара, тема божественного предназначения, – вот лишь некоторые из них.

Особое место в творчестве Буниной занимает *тема поэзии и поэта*. В своей лирике она не только осмысливает философские аспекты назначения поэзии, но, прежде всего, пытается понять роль и место своего собственного творчества.

Показательным в этом смысле является стихотворение «Разговор между мною и женщинами», в котором Анна Бунина использует форму диалога, спора между лирической героиней и её подругами, выражающими две стороны сознания самой поэтессы.

От братцев, муженьков, от батюшков, сынков
Не жди похвальных слов.

Давно хотелось нам своей певицы!

Поешь ли ты? Скажи иль да, иль нет?²

В первой строфе произведения ярко проявляется убеждённость Буниной в том, что женщина-поэт необходима для отечественной литературы, потому что способна передать чувства и «краски», которые не могут появиться в поэзии мужской, может стать голосом всех русских женщин, затронуть новые темы. Серьёзно и вдумчиво осмысливая своё собственное творчество, анализируя круг тем, которые она в нём раскрывает, поэтесса приходит к выводу, что это совсем не то, о чём она должна «петь». Голосом подруг-женщин она так характеризует свою пейзажную лирику:

Эге! какая ахинея!

Да слова мы про нас не видим тут...

Что пользы песни нам такие принесут?³

Другая сторона её творчества – одическая – тоже не удовлетворяет Бунину. Что толку в том, что «подчас я подвиги мужей вспевала» и «пела физика, химиста, астронома»⁴. В этом стихотворении-размышлении мы не находим какого-то окончательного решения, оно выражает лишь чувство неудовлетворённости, размышления о поиске собственного пути и попытке найти темы, специфические для женской лирики. Позиция Буниной кардинально отличается от позиции современников-поэтов: она не возвеличивает себя как носительницу божественного дара, а

¹ Бунина А. П. Неопытная муза: собрание стихотворений. М.: Б.С.Г. Пресс, 2016. 560 с.

² Там же. С. 229.

³ Там же. С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

достаточно жёстко критикует и ставит под сомнение ценность своего творчества.

К теме *поэта и поэзии* Бунина обращается и в стихотворении «Тем, которые предлагали мне писать гимны». Полемично уже само название стихотворения, обращённое к собратьям по перу, отдающим предпочтение жизнеутверждающей публичной поэзии. Поэтесса отказывается «писать гимны», предпочитая рассуждать совсем о других вопросах – тех, к которым и должен быть, по её мнению, обращён поэтический дар: о смерти, конечности земного существования человека, бессмертии души. В её понимании назначение поэзии в том, чтобы с помощью камерной формы передавать свои сокровенные мысли.

Бунина протестует против предвзятого отношения к женской поэзии, которое господствовало в русской литературе первой четверти XIX в. Женщина-литератор вынуждена была тратить значительные силы на то, чтобы доказать обществу свою состоятельность как творца, бороться с предрассудками и каждый раз сталкиваться с тем, что её произведения судят по иным меркам, чем произведения поэтов-мужчин. Об этом Бунина говорит в своём стихотворении «Пекинское ристалище», в котором поэтесса метафорически представлена в образе китаянки, на своих нещадно забинтованных ногах пытающейся состязаться в беге с мужчинами:

Бежит сподвижница, шатаясь с каждым шагом,
И сил не ощуя, считает благом,
Что мечты детские достигла не упав,
Ждёт общего презора,
Угрюмого от старцев взора,
От резвых юношей насмешек и забав;
Ждёт, – и с стыда главу на перси преклоняет¹.

Размышляет поэтесса и о *сущности самого поэтического дара*, о том, кто такой творец, о его месте в этом мире. Эти размышления неразрывно связаны с её трагическим осознанием дисгармоничности самого мира: даже божественное твор-

ческое начало, несущее обществу свет и духовность, не в состоянии изменить законы алчности и эгоизма, по которым оно живёт, предотвратить конец, который его ждёт, – разрушение и смерть.

Путь творца, как считает поэтесса, – это самоотречение, потому что настоящий поэт творит не для себя и не для общества, он творит во имя высших духовных ценностей. Настоящим поэтом может быть только тот, кто помогает людям понять сложные проблемы бытия, осознающий и величие своего творчества, и способный в то же время мужественно переносить лишения и страдания, которые могут ему встретиться на выбранном пути. Об этом её стихотворения «Разговор между Аполлоном и музою бедного стихотворца» и «Сумерки».

В том, что творчество – духовная миссия, Бунина разделяет мнение поэтов-мужчин, однако подобное совпадение позиций – скорее исключение. Об отличиях в мужском и женском мироощущении наиболее ярко поэтесса говорит с помощью антитетичных образов, созданных, например, в стихотворении «О счастии». Лирический герой стихотворения ищет счастья только в земном существовании («забавами безумно обуян», «ждёт сладостных от сердца восхищений»), не стремится воспитать свою душу и не способен достойно преодолеть удары судьбы. Он отказывается жить по праведным законам, несёт в мир зло и эгоизм («С рассудком во вражде, враг собственна покоя...»). Лирическая героиня стихотворения, напротив, проповедует христианский образ жизни и отражает мировоззрения самой поэтессы. Показательно, что лирический герой «О счастии», показанный в развитии, приходит к пониманию высших духовных ценностей, но только с божественной помощью, пройдя испытания. Это одна из главных мыслей поэтессы: в этом мире испытания даются для того, чтобы раскрыть истинную сущность человека, чтобы помочь обрести истинное богатство – душу, сравнить страдания физические и духовные и понять, что последние, несомненно, более тяжёлые, что чистым сердцем и душой можно стать только с Божьей помощью.

¹ Бунина А. П. Неопытная муза: собрание стихотворений. М.: Б.С.Г. Пресс, 2016. С. 215.

Религиозно-философская проблематика в лирике Буниной

Тема страданий глубоко пронизывает всё творчество поэтессы: в её жизни было много драматических событий, и сложные жизненные перипетии получили выражение в творчестве. Жизнь в поэтическом мироощущении Буниной – непрерывная цепь страданий, и лишь смерть может положить им конец. Поэтому образ смерти в её лирике не зловещ и мрачен, напротив, – это светлая сила, избавляющая от мучений и приносящая покой. В стихотворении «Песнь смерти» эта сила – «пристань бурю носимых», которая «Ведёт гонимого под кров, / Вселяет тишину средь брани» и «гасит пламень, жгущий кровь»¹. Вполне в духе своего времени Бунина не описывает послесмертие, однако трудно предположить, что это была бы картина библейского райского сада, скорее, некий другой мир, воплощающий божественную гармонию и справедливость.

Со смертью у поэтессы связана тема разлуки – одна из сквозных в её творчестве. Ещё одна особенность женской лирики, женского мироощущения – жизнь женщины невозможна без любви и личного счастья, без них она теряет смысл. Соединение образов смерти и любви можно найти в уже упомянутом стихотворении «Песнь смерти», в котором смерть «берёт из сердца вон любовь. / Кладёт конец её злу яду»², и в произведении «На разлуку», для лирической героини которого «смерть не столь ещё страшна», а «разлука есть душевный ад!»³

Вера в Бога, божественная предопределённость, власть Бога над человеком – все эти основополагающие концепты лирики Буниной раскрываются в целом ряде стихотворений: «Майская прогулка болящей», «Экспромт на вопрос», «Четыре времени года», «Мысль при гробе Его Императорского Высочества», «Воззвание благочестивого мужа к Мариину уедине-

нию» и других. Любопытно, что её лирическая героиня, в отличие от героя-мужчины, не проходит в этом отношении через какие-то кардинальные изменения: она изначально осознаёт и живёт в соответствии с христианскими ценностями. Она знает, что такое смирение, прощение, терпение, и именно эти черты и формируют её образ. В «Майской прогулке болящей» лирическая героиня жестоко страдает, но не ропщет, а лишь взывает к Богу, прося у него милости и исцеления. Главная мысль стихотворения – беззащитность человека перед миром, в котором оградить и защитить от страданий и боли его может только Господь.

Тема предопределённости человеческого бытия раскрывается в стихотворении «Мысль при гробе его императорского высочества Георгия, принца Голштейн-Ольденбургского». Философский смысл произведения подчеркнут его формой – формой античной эпитафии. Конечность земного существования человека – закон мироздания, именно поэтому имеют смысл только вера и смирение, принятие всего того, что даётся свыше, поскольку это позволяет обрести жизнь вечную.

Размышления о том, что перед лицом смерти равны все, находим ещё в одном стихотворении поэтессы – «Ей же» («Восплачь и восстени сын счастья со мною»). Земные блага – успех, счастье, плотская любовь, красота – всё это оказывается совершенно незначительным, и богатых, и бедных ждёт один и тот же удел. Более того, и счастье, и несчастье в один миг могут сменить друг друга, на всё Божий промысел: «И я был радостью богат, как ты! / И ты, подобно мне быть можешь сиротою!»⁴.

В целом, религиозная проблематика лирики Буниной, безусловно, отражает взгляды современного ей русского общества, это неотъемлемая часть самой её жизни, потому христианские ценности столь органично входили в её творчество.

Ещё один аспект философской лирики Буниной проявляется в теме детства.

¹ Бунина А. П. Неопытная муза: собрание стихотворений. М.: Б.С.Г. Пресс, 2016. С. 190.

² Там же.

³ Там же. С. 390.

⁴ Там же. С. 217.

Именно в детях Бунина видит одно из наиболее ярких проявлений Божественного: мир ребёнка – это мир чистоты и непорочности, считает она; только ребёнок может постигать мир в особенной полноте. Безусловно, здесь проявляется традиционное христианское представление о том, что ребёнок особенно близок к Богу.

В поэзии Буниной представлены как образы счастливого детства и матери, готовой защитить ребёнка от любых жизненных невзгод и воспитать в нём нравственные качества, так и образ девочки-сироты, которая без материнского попечения оказывается не готова к взрослой жизни, не в состоянии сама обустроить семейный быт. По мнению поэтессы, от того, кто и как влияет на личность будущей женщины, зависит судьба общества. Поэтому мать должна посвятить себя воспитанию эмоционального мира и нравственности ребёнка, заложить в него то, что он потом сможет отдать миру внешнему. «Что он, едва душой успеет возмужать, / В себе нам обновит отца и мать!»¹, – говорит поэтесса, выражая таким образом идею о необходимости для каждого родителя быть носителем добра и высоких нравственных качеств. Позиция поэтессы в этом вопросе созвучна с позицией Н. М. Карамзина: «долг гражданина, обязанного в семействе своём образовать достойных сынов отечества»².

Образ ребёнка очень важен для Буниной, поскольку олицетворяет самые главные духовные качества, а отчасти тот идеальный мир, в который хочет убежать лирическая героиня поэтессы от страданий мира реальности. Ребёнку Буниной всегда свойственны «простые нравы», «невинность детская, незлобные забавы», «стыдливый нрав», он чист и непорочен, полон покоя и гармонии. Мир детства – тот мир, про который лирическая героиня

может с полной уверенностью сказать: «Люблю я всё в нём без остатку!»

Теме семьи посвящён целый ряд стихотворений, например, «Похвала любви». Здесь Бунина подчёркивает, что отношения между членами семьи – самые важные среди всех межличностных взаимоотношений и требуют наибольшей самоотдачи. Поэтесса приходит к выводу, что «любовь к родителям детей» – некое высшее духовное начало, имеющее божественную сущность, основа мироздания, нечто намного большее, чем любовь плотская, которая, к слову, занимает крайне мало места в её поэзии.

В стихотворениях «Мише» и «Моим племянникам и племяннице» абсолютизируются важнейшие с точки зрения поэтессы нравственные ценности: её героиня передаёт чувства самой Буниной и уверена в необходимости отвечать добром на любовь, проявлять жертвенность ради детей («Для высшего готова счастья / На жертву принести не укуся теперь, / И раньше отворить себе тем гроба дверь»³). Но в то же время в стихотворении «Мише» подчёркивается, что даже маленькому человеку нельзя простить отступления от норм нравственности, что он сам должен нести ответственность за самовоспитание, проявлять доброту, «сей лучший дар даров земных», и возвышенные чувства.

Тема добра как философского концепта раскрывается в стихотворении «В Альбом 13-тилетней моей племяннице». Стихотворение представляет собой свод назидательных правил, которые лирическая героиня формулирует для маленькой девочки. Добро определяется как наивысшая и универсальная нравственная ценность, важность которой в жизни человека не идёт ни в какое сравнение с материальными благами:

Ни злато, ни серебро
Нам счастья не дадут сердечна!
Добро одно...⁴.

¹ Бунина А. П. Неопытная муза: собрание стихотворений. М.: Б.С.Г. Пресс, 2016. С. 384.

² Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 275.

³ Бунина А. П. Неопытная муза: собрание стихотворений. М.: Б.С.Г. Пресс, 2016. С. 211.

⁴ Там же. С. 382.

Трёхчастная композиция стихотворения последовательно раскрывает тему: в первой части говорится о приоритете добра над всем остальным, во второй рассказывается о том, какие возможности раскрываются перед человеком, если он обладает добротой, в третьей части делаются выводы о том, что если в душе человека нет места добру, если он не проявляет милосердия, то он не сможет оставить след на этой земле.

С темой добра, особенно в узусе женского предназначения, смыкаются размышления Буниной о роли женщины. Для неё, считает поэтесса, главное не красота и не умение держать себя в обществе, а нести ответственность за свою семью, быть способной на искренние дружеские чувства, уметь с пониманием и теплотой относиться к другим людям («За прелести души нас любят вечно»). Женщина, по мнению Буниной, является сосредоточением возвышенного, и главными её достоинствами являются нравственность и высокие душевные качества, она должна привносить в семейные отношения гармонию. В стихотворении «О счастье» Бунина сформулировала своего рода «правила» поведения женщины, которые в значительной степени воплощали традиционные патриархальные ценности: «в нравах кроткой быть», «упрёками ... не ... отравлять покой супруга сладкий» и «к роскоши любовь из мыслей изгонять».

Из этой общей концепции выбивается уже упомянутое стихотворение «Пекинское ристалище», в котором поэтесса создаёт два противоположных женских образа: один – покорной супруги, другой – женщины-бойца, не желающей быть покорной, стремящейся быть на равных с мужчинами, находящей в себе силы выступить против общественного мнения. Этот образ воплощает размышления Анны Буниной о роли женщины-поэтессы, которая сознательно выбирает для себя сугубо мужское занятие, свободу и творчество, несовместимые с семьёй и браком. Очень удачно эту мысль сформулировала Е. В. Изюсина: «У Буниной образы женщин

и лирическая героиня – поэтесса – это, по существу, две стороны сознания автора, с той лишь разницей, что в первом случае мы имеем дело с изложением художественной программы, тогда как сама лирическая героиня стремится понять, насколько осуществимы её великие цели» [2, с. 135]. Свобода и независимость – удел исключительных личностей, поэтому не удивительно, что стихотворение «Пекинское ристалище» – единственное в своём роде. И всё же, хотя Буниной было важно осмыслить, кто такая женщина-поэт и каково её место в обществе, главную роль женщины она видела именно в семье.

Заключение

Рассмотренные выше стихотворения были разделены нами на две тематические группы: тема поэта и поэзии и тема религиозно-философская. Сами темы отнюдь не новые для русской поэзии начала XIX в., однако Бунина даёт их необычную интерпретацию. Так, в теме поэта и поэзии у Буниной особую значимость приобретает гендерный аспект: она едва ли не впервые в русской литературе рефлексировала по поводу специфики женского творчества и восприятия его современным обществом.

Другая важная тема –приятие бытия во всем его многообразии, включающем страдания и смерть. Идейной основой для Буниной здесь выступают христианские ценности и принятие божественного замысла. Глубоко связанной с божественной сущностью в творчестве Буниной является тема детства. Морально-нравственный аспект проблематики проявляется через призму семьи и воспитания детей – основного предназначения женщины.

В целом философская проблематика занимает существенное место в лирике Буниной на всём протяжении её творчества. Темы, встречавшиеся в поэзии и ранее, у Буниной были осмыслены через призму женского характера и мироощущения.

Анализ проблематики лирики Буниной позволяет преодолеть устоявшееся представление о тематической ограниченности

творчества как самой поэтессы, так и женской лирики в целом. Вне сомнения, поэзия А. П. Буниной существенно обогатила русскую литературу, дав ей новые формы выражения авторского сознания. В этом смысле справедливо высказывание поэта и переводчика М. А. Амелина о том, что

Бунина – «первая русская поэтесса широчайшего диапазона, от философской оды до страстной лирики... родоначальница всей женской лирики в русской поэзии»¹.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заботкин М. В. Философская лирика А. П. Буниной: меняющиеся маски на лице смерти // Актуальные исследования. 2021. № 1 (28). С. 43–45.
2. Изусина Е. В. Лирическая героиня в русской лирике XIX века (на материале творчества А. Н. Буниной, К. К. Павловой, М. А. Лохвицкой): дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2005. 210 с.
3. Нестеренко М. А. Анна Петровна Бунина и женская поэзия XIX в. // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX Международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 06–07 июня 2015 г. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2015. С. 59–65.
4. Пуряева Н. Н. А. П. Бунина на страницах «Дамского журнала» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 220–229.
5. Пуряева Н. Н. Серия публикаций «Русские писательницы» Н. И. Билевича (1847) // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 3. С. 615–622.
6. Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – начала XIX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 400 с.
7. Фахмина Н. Формирование «женского письма» в России в первой половине XIX века (Е. Урсова, А. Бунина, З. Волконская) [Электронный ресурс] // Наука в мегаполисе. 2019. № 6 (14). URL: <https://mgpu-media.ru> (дата обращения: 10.09.2021).
8. Шнайдер Н. Литературные занятия прекрасных дам в конце XVIII века // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Вып. 3. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. С. 7–20.
9. Rosslyn W. Anna Bunina (1774–1829) and the Origins of Women's Poetry in Russia. Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 1997. 360 p.

REFERENCES

1. Zabotkin M. V. [Philosophical Lyrics of A. P. Bunina: Changing Masks on the Face of Death]. In: *Aktual'nye issledovaniya* [Actual Research], 2021, no. 1 (28), pp. 43–45.
2. Izusina E. V. *Liricheskaya geroinya v russkoi lirike XIX veka (na materiale tvorchestva A. N. Buninoi, K. K. Pavlovoi, M. A. Lohvitskoi): dis. ... kand. filol. nauk* [Lyrical Heroine in Russian Lyrics of the 19th century (Based on the Works of A. N. Bunina, K. K. Pavlova, and M. A. Lohvitskaya): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Oryol, 2005. 210 p.
3. Nesterenko M. A. [Anna Petrovna Bunina and Women's Poetry of the 19th Century]. In: *Pushkinskie chteniya – 2015. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Sankt-Peterburg, 06–07 iyunya 2015 g.* [Pushkin Readings – 2015. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text: Materials of the XX International Scientific Conference, St. Petersburg, June 06–07, 2015]. St. Petersburg, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2015, pp. 59–65.
4. Puryaeva N. N. [A. P. Bunina on the Pages of the “Ladies’ Journal”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 220–229.
5. Puryaeva N. N. [A Series of Publications “Russian Writers” by N. I. Bilevich (1847)]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 615–622.
6. Sviyasov E. V. *Safo i russkaya lyubovnaya poeziya XVIII – nachala XIX vekov* [Sappho and Russian Love Poetry of the 18th – early 19th Centuries]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 400 p.

¹ Визель М. Максим Амелин: Многие считают, что наша литература стала старой // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/amelin-poln.html> (дата обращения: 10.09.2021).

7. Fakhmina N. [Formation of "Female Writing" in Russia in the First Half of the 19th Century (E. Urusova, A. Bunina, and Z. Volkonskaya)]. In: *Nauka v megapolise* [Science in the Metropolis], 2019, no. 6 (14). Available at: <https://mgpu-media.ru> (accessed: 10.09.2021).
8. Shnaider N. [Literary Studies of Beautiful Ladies at the End of the 18th Century]. In: *Rodnaya slovesnost' v sovremenном kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3* [Native Literature in the Modern Cultural and Educational Space: A Collection of Scientific Papers. Iss. 3]. Tver, Tver State University, 2014, pp. 7–20.
9. Rosslyn W. Anna Bunina (1774–1829) and the Origins of Women's Poetry in Russia. Lewiston, New York, Edwin Mellen Press, 1997. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гун Хэнсин – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: gonghengxing@gmail.com; 99413020@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gong Hengsin – Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: gonghengxing@gmail.com; 99413020@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гун Хэнсин. Философская проблематика в поэзии А. П. Буниной // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 59–66.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-59-66

FOR CITATION

Gong Hengsin. Philosophical Problems in the Poetry of Anna Bunina. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 59–66.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-59-66

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-67-78

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Колосова С. Н.*Московский центр качества образования**105318, г. Москва, Семёновская пл., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать особенности индивидуального авторского стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, реализовавшегося в сказках писателя.

Процедура и методы. Формирование целостного представления об индивидуальном стиле художника – стратегическая задача любого филологического исследования. Вслед за известными филологами начала XX в. А. Ф. Лосевым и П. Н. Сакулиным под индивидуальным стилем традиционно мы понимаем органичное сочетание формы и содержания, воплощённое в художественных произведениях. Жанровое и тематическое своеобразие текстов, особенности выбора героев и способов их создания, использование аллюзий, с одной стороны, и воплощение философской картины мира автора при помощи этих средств – с другой, позволяют определить стилевую уникальность писателя. Силевая оригинальность сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина формируется с опорой на фольклорную сказочную традицию, а также на традицию басен И. А. Крылова и приёмы сатирического изображения, использовавшиеся Н. В. Гоголем. В работе рассматриваются три группы сказок, условно распределяемых в зависимости от образной системы и жанровой специфики произведений. В основе филологического анализа текста сказок лежит работа с внутренней формой слова. Этот базовый принцип рассмотрения художественного произведения был сформулирован ещё А. А. Потебнёй.

Результаты. В процессе анализа наиболее известных сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина рассмотрено семантическое наполнение образов героев, раскрыты средства их создания, выявлены основные мотивы произведений, формирующие авторскую позицию, а также разобраны отдельные библейские аллюзии, расширяющие художественное содержание произведений. Проведённый анализ позволил раскрыть основные черты авторского стиля, проявившиеся и в особенностях жанра сказки, и в использовании и трансформировании русской сатирической традиции, и в выраженном трагическом мировоззрении писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость работы состоит, с одной стороны, в выявлении отдельных черт индивидуального стиля сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые характеризуются особым сочетанием фантастического и реалистического, обличительной метафоричностью в создании образов, карикатурностью в портретировании пороков общества, афористичностью формы, горькой иронией, отражающей боль автора за современную ему действительность. С другой стороны, материалы исследования могут быть полезны в работе учителя-словесника, призванного раскрыть мир Щедрина-сказочника на уроках литературы.

Ключевые слова: авторская ирония, аллюзия, жанр сказки, индивидуальный стиль, мотив, сатира, фольклорная традиция

STYLISTIC ORIGINALITY OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S TALES

S. Kolosova*Moscow Center for the Quality of Education**pl. Semeonovskaya 4, Moscow 105318, Russian Federation*

Abstract

Aim. We study the peculiarities of M. E. Saltykov-Shchedrin's individual style in his fairy tales.

Methodology. The formation of a holistic view of the individual style of an artist is a strategic task of any philological research. Following famous philologists of the early XX century like A. F. Losev and P. N. Sakulin, by an individual style is traditionally meant an organic combination of form and content embodied in works of art. The genre and thematic originality of the texts, the peculiarities of the choice of characters and ways of their creation, the use of allusions, on the one hand, and the embodiment of the philosophical picture of the author's world using these means, on the other, allow one to determine the stylistic uniqueness of the writer. The stylistic originality of M. E. Saltykov-Shchedrin's tales is formed based on the folklore fairy tale tradition, as well as on the tradition of I. A. Krylov's fables and the techniques of satirical depiction used by N. V. Gogol. The paper considers three groups of fairy tales, conditionally characterized depending on the figurative system and genre specifics of the works. The philological analysis of the text of fairy tales is based on the work with the inner form of the word. This basic principle of considering a work of art was formulated by A. A. Potebnya.

Results. In analyzing the most famous fairy tales by M. E. Saltykov-Shchedrin, the semantic content of the characters' images is considered, the means of their creation are revealed, the main motives of the works that form the writer's position are described, and individual biblical allusions that expand the artistic content of the works are analyzed. The analysis made it possible to reveal the main features of the author's style, manifested in the peculiarities of the fairy tale genre, in the use and transformation of the Russian satirical tradition, and in the writer's expressed tragic worldview.

Research implications. The theoretical and practical significance consists, on the one hand, in identifying the features of the individual style in M. E. Saltykov-Shchedrin's tales, which are characterized by a special combination of fantastic and realistic ideas, as well as of an accusatory metaphor in creating images, a caricature in portraying the vices of society, an aphoristic form, and bitter irony reflecting the pain of the author for the contemporary reality. On the other hand, the research materials can be useful in the work of a literature teacher who reveals the world of the storyteller Shchedrin at literature lessons.

Keywords: author's irony, allusion, fairy tale genre, individual style, motif, satire, folklore tradition

Введение

А. Ф. Лосев называл авторский стиль «подлинным ликом художественного произведения» [7, с. 207], а П. Н. Сакулин, характеризуя понятие стиля, утверждал, что в него «входят особенности как поэтической формы, так и поэтического содержания» [12, с. 149], но всё же стиль – это прежде всего «психоидеология писателей» [12, с. 149], т. е. именно мировоззрение художника определяет не только проблемно-тематическое наполнение произведений, но и весь выбор художественных средств выражения. Такой подход к пониманию авторского стиля получил распространение во многих трудах и прочно вошёл в практическое литературоведение при исследовании творчества самых разных художников слова. Многие современные учёные (Ю. И. Минералов, С. А. Васильев, Г. Ю. Завгородняя, А. А. Кудряшова,

А. Е. Секриеру, О. Г. Третьякова и др.) в своих исследованиях опираются **на концепцию стиля**, предложенную П. Н. Сакулиным ещё в начале XX века.

Исходя из данного определения, своеобразие авторского стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина состоит в парадоксальном, на первый взгляд, сочетании приёмов комического, последовательно используемых в создании произведений, с трагичностью мировосприятия писателя. В обобщении стиливых особенностей писателя на примере анализа его сказок и состоит **новизна исследования**.

Интерес к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина незаслуженно снизился в последнее десятилетие, хотя отдельные исследования, безусловно, заслуживают внимания. Так, в работе О. А. Лардыгиной рассматривается тема одиночества в художественном мире сатирика [6], что, безусловно, раскрывает один из важнейших аспектов

формирования индивидуального стиля писателя. А в монографии Р. А. Кулашкиной, О. М. Култышевой, посвящённой жанровой специфике «сказок для взрослых», напротив, полемично декларируется исключительно внешняя, политическая направленность сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина [5]. С этим трудно согласиться, т. к. в произведениях писателя отражается прежде всего личная трагедия переживаний несовершенства мира и общества, то, что и позволяет исследователям говорить о «горькой сатире» автора. Однако безусловно можно согласиться с утверждением, что «сказки Салтыкова-Щедрина в миниатюре содержат в себе проблемы и образы всего его творчества» [5, с. 72].

Особенности сюжетосложения произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, зависимость сюжета от выбора жанра становятся предметом исследования Н. В. Радионовой [11], что также позволяет уточнить стилистический портрет писателя. В статье А. А. Кудряшовой наиболее полно раскрыто стилистическое своеобразие автобиографической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина [3], однако черты стиля, нашедшие отражение в сказках, требуют конкретизации.

Своеобразие сказочной традиции

Жанр сказки предполагает в первую очередь вымышленный сюжет или элементы сюжета. Для М. Е. Салтыкова-Щедрина сказка становится не только иносказательным способом показать неприглядную, часто трагическую реальность, но и высмеять её. Не случайно М. Е. Салтыков-Щедрин называет свой сборник «Сказки для детей изрядного возраста», адресуя его именно взрослому читателю, способному не только понять авторскую сатиру, но и проявить свою гражданскую позицию, т. е. сказки носят не развлекательный характер, а сатирический, обличительный.

Создавая свои произведения, писатель опирается и на фольклорную традицию, от которой берёт не только саму форму сказки, сказочные зачины, сказочные сюжеты,

но использует реминисценции на отдельные русские сказки, например, «По щучьему велению», что становится дополнительным аспектом, создающим ироничность авторского стиля. Кроме того, очевидно, что М. Е. Салтыков-Щедрин при создании сказок опирается и на традицию басен И. А. Крылова, используя, подобно баснописцу, эзопов язык для сатирического изображения своих героев. Писатель следует и гоголевской традиции, совмещает гротесковое, сатирическое и лирическое.

Условно сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина можно разделить на три группы: сказки, в которых героями являются люди, сказки, где герои – животные, и философско-лирические сказки, в основе которых лежат евангельские постулаты.

В сказках «Пропала совесть» (1869), «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869), «Дикий помещик» (1869), «Либерал» (1885) героями являются люди. Однако образы героев максимально обобщены, аллегоричны, они олицетворяют пороки не просто человеческие, а характерные для определённых представителей общества. Для характеристики героев важны не столько имена (ими наделены даже не все персонажи), сколько принадлежность к той или иной группе людей: мужики, генералы, помещик, торговец, пьяница, либерал, сведущие люди и т. д. Герои разоблачают себя сами, совершая те или иные поступки. С этой точки зрения интересна позиция Я. О. Гудзовой, делящей героев сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина на хищников и жертв [1, с. 185]. Получается, что в основе сказки лежит не столько сюжет, сколько раскрытие комплекса качеств героя, подлежащих обличению. Автор, по сути, *портретирует*, даже скорее создаёт карикатурные изображения представителей тех или иных социальных групп: «эстетическая категория комического определяется в карикатуре (от итал. caricature – ‘перегрузка’) преувеличенно-насмешливым изображением чего-либо» [4, с. 155].

Часто в сюжет автор включает олицетворение или даже персонификацию того или иного понятия. Так, в сказке «Пропала

совесть» совесть становится сюжетообразующим элементом. В основе сюжета произведения – странствия совести, которой, как оказывается, нигде не находится места. Совесть мешает, портит жизнь всем героям сказки. Выражение «пропала совесть» приобретает многозначность: это и исчезнувшее из мира людей качество, это и погибающее, не находящее нигде пристанища живое существо, это и авторский приговор обществу. Пропажа совести в мире даётся ёмкой метафорой: «в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка»¹. Этим выражением подчёркивается, какое малое значение и звучание имеет совесть в мире, как слаб её голос, и трагичность, с точки зрения автора, как раз в том, что жизнь продолжается без этого голоса совести.

Интересны и множественные именованья совести в сказке, подчёркивающие негативное к ней отношение людей: «надоедливая приживалка», «обличительница», «последняя негодная ветошь», «вопиющее безобразие», «негодная тряпица», «подмётный пасквиль», «бумажка». Странствия совести и, соответственно, движение сюжета обусловлены тем, что никто из героев не хочет оставить совесть у себя, более того, все хотят её сбить тайным образом, потому что становится понятно, что добровольно её никто не возьмёт. М. Е. Салтыков-Щедрин, следуя гоголевской традиции соединять сатирическое, драматическое и лирическое, воплощает это в своей сказке.

Автор показывает, что совесть может найти приют только в детском сердце: «отыщи ты мне маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и схорони меня в нём! авось он меня, неповинный младенец, приютит и выхолит, авось он меня в меру возраста своего произведёт, да и в люди потом со мной выйдет – не погнушается»². Авторская позиция состоит в том, что совесть в человеке и в обществе надо возвращать с молодых лет: «Растёт маленькое дитя, а вместе с ним растёт в нём и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет

в нём большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама»³. Автор видит именно в чувстве совести, органично выращенном в человеке, рычаг всех положительных изменений в мире.

В сказке «Либерал», в которой также совмещаются и сатирическое начало, и глубоко трагическое, М. Е. Салтыков-Щедрин беспощадно высмеивает позицию либерала, который, казалось бы, ратует за «свободу, обеспеченность и самостоятельность»⁴ общества, но, по сути, подло подменяет все достойные понятия. Автор выстраивает сюжет в соответствии с изменениями позиций либерала, который, казалось бы, «не только благородно мыслит, но и рвался благое дело делать»⁵. Сюжет состоит в том, что автор последовательно разоблачает либерала, последовательно ищущего совета у сведущих людей, которые находят с либералом в постоянном диалоге и направляют его мысли и действия. М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что действия либерала под влиянием сведущих людей, олицетворяющих власть, развиваются постепенно от одного принципа к другому: сначала «по возможности», «в пределах», потом «хоть как-нибудь», а потом «применительно к подлости». Обличая либерала, М. Е. Салтыков-Щедрин раскрывает лицемерие и лживость его идеалов.

Одним из основных мотивов сказки становится *мотив «размена»*. Подлость либеральной позиции состоит как раз в том, что, «чтобы сделать идеал общедоступным, необходимо разменять его на мелочи»⁶. С точки зрения автора, в этом и состоит трагичность существования такой позиции в обществе: постепенно и незаметно разменять благородную цель на подлые действия. Показательно, что в финале сказки на либерала плюнули из-за угла, в соответствии с его же образом действий «применительно к подлости». Таким обра-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 316.

² Там же. С. 326.

³ Там же. С. 327.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 119.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 120.

зом автор показал общественное мнение в отношении либерала, в нём и презрение, и трусость одновременно: «Плюнуть ему на тебя за твои либеральные дела захотелось, а в глаза сделать это смелости не хватает. Вот он, «применительно к подлости», из-за угла и плюнул; а на тебя ветром брызги нанесло»¹. Внутренняя форма каждого слова в выражении [10, с. 182] создаёт особую метафоричность, одновременно выражающую программу жизни либерала и непримиримое отношение автора к ней.

Продолжая гоголевскую сатирическую традицию, М. Е. Салтыков-Щедрин для характеристики действий героя обыгрывает известные устойчивые выражения, например: «И начал либерал "в пределах" орудовать: там урвёт, тут урежет»². Очевидно, что в данном контексте выражение «"в пределах" орудует» созвучно с другим – «орудуют разбойники» (в словаре С. И. Ожегова слово «орудовать» имеет такое толкование: «Распоряжаться, действовать (обычно о скрытых и предосудительных действиях). *Здесь орудует опытный жулик*»³). Именно так и ведёт себя либерал.

Особенно трагично и одновременно саркастично звучит риторическое восклицание, выражающее суть либеральных действий в отношении савраса: «А с уздою – святое дело!»⁴ Образ савраса возникает в сказке эпизодически и олицетворяет образ народа, взятого в узду и получающего только кнут: «я тебя, саврас, кнутом шарашну... вот так!»⁵ Максимально полное разрешение этот мотив получил в сказке «Коняга». И. Б. Павлова пишет: «В этом произведении многоликое горе-злочастие проявляет себя как дурная бесконечность. Для писателя народ – жертва исторического злополучия, нищеты» [9, с. 43].

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 123.

² Там же. С. 120.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/141054> (дата обращения: 09.07.2022).

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 120.

⁵ Там же. С. 120.

Образ народа раскрывается и в сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Обобщённый образ мужика, который «везде есть»⁶, возникает во второй части сказки в тот момент, когда генералы отчаялись найти себе пропитание на острове. В названии произведения подчёркнута числовая антитеза: «*один* мужик *двух* генералов», – в которой автор акцентирует главный тезис, характеризующий мужика, – он всё может: и яблок собрать, и огонь развести, и силки сделать, и рябчика поймать, и напечь «разной провизии». В мужике автор отмечает трудолюбие, ловкость, смекалку, но при этом в сказке показана безропотность и покорность мужика. Значимой в этой связи деталью является верёвка, которой генералы мужика привязали. М. Е. Салтыков-Щедрин подчёркивает символичность этого образа: мужик сам без возражения делает себе верёвку, чтобы генералы могли его привязать. «Набрал сейчас мужичина дикой конопля, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру верёвка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убёг, а сами легли спать»⁷.

Однако главным объектом сатиры становятся глупые генералы, которые ничего в жизни не умеют. Автор помещает своих героев на остров, чтобы максимально развёрнуто показать их глупость, никчёмность, неприспособленность, незнание жизни. В каждом элементе характеристики генералов не просто авторская насмешка – сарказм. Не случайно на необитаемом острове генералы оказываются в ночных рубашках и с орденами. Автор в буквальном смысле слова обнажает их, показывая неприкрытую мундирами глупость, беспомощность. Оказывается, что генералы не знают, как определить стороны света, нелепо решают писать доклад на необитаемом острове, не могут добыть себе никакого пропитания и даже по-звериному готовы броситься друг на друга.

Постоянно повторяющимся в сказке мотивом, характеризующим генералов, ста-

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 313.

⁷ Там же. С. 314.

новится их принадлежность к регистратуре, в которой они служили. В контексте произведения регистратура олицетворяет бесполезность чиновничьей структуры: «Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли»¹. Чтобы усилить сатирический эффект, автор обращает внимание читателя, что один из генералов до регистратуры когда-то служил учителем каллиграфии, «следовательно, был поумнее» и предложил идти направо и налево. Тем самым ещё более заостряются и глупость героев, и бессмысленность регистратуры, в которой они служили.

Одним из основных приёмов сатиры в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина является использование явных алогизмов в характеристике героев, например: «Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали»². Или после того, как генералы чуть не умерли с голоду, а мужик их накормил, они думают о том, «как оно хорошо быть генералами, нигде не пропадёшь»³.

Мотив «щедрости», также имеющий символический смысл, становится одним из самых показательных в сказке. Когда мужик трудится на генералов, он отдаёт им всё, оставляя себе лишь «одно кислое» яблоко. В этом М. Е. Салтыков-Щедрин видит судьбу всего русского народа: отдать господам всё наработанное, оставив себе лишь малость.

Автор показывает, что у генералов отсутствуют не только щедрость, но и малейшее чувство благодарности к мужику, который спас их от голодной смерти. Сначала автор саркастически замечает: «генералам пришло даже на мысль, не дать ли и тунеядцу частичку?»⁴, – а в финале сказки авторская горечь за несправедливое отношение к мужику-кормильцу проявляется в риторическом восклицании, символизирующем отношение ко всему

русскому народу: «Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!»⁵

В этом произведении, как и в большинстве других, М. Е. Салтыков-Щедрин традиционно использует сказочный зачин («Жили да были»), вплетает в ткань повествования обороты, характерные для народной сказки, например, «по щучьему велению, по моему хотению», «он там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало», «на бобах разводить», «того ни в сказке сказать, ни пером описать». Такие приёмы позволяли автору «вписать» сатирические, гротесковые портреты реальной действительности в жанр сказки.

Ещё одним сквозным мотивом сказок и поводом осмеяния для автора является обращение героев к печатному слову как к центру просвещения и культуры. Так, в «Повести» генералы даже на острове постоянно читают старый номер «Московских ведомостей», в котором главной темой ставится «как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани»⁶. М. Е. Салтыков-Щедрин явно смеётся над современной автору журналистикой, интересы которой ограничиваются перечислением блюд на разных праздниках и приёмах.

В сказке «Дикий помещик» упоминается газета «Весть», которая становится одновременно характеризующей героя деталью и сюжетообразующим элементом. В начале сказки, знакомя героя с читателем, автор пишет: «И был тот помещик глупый, читал газету "Весть" и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое»⁷. Поставленные в один синонимический ряд элементы характеристики «был тот помещик глупый» и «читал газету "Весть"» становятся взаимодополняемыми: быть глупым и читать газету «Весть», с точки зрения автора, одно и то же. Именно прочитанное в газете «золотое слово» *старайся!* становится причиной невыносимого притеснения крестьян помещиком. Сатирически показывая влияние печатного слова на жизнь помещика, автор подчёрки-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 310.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Там же. С. 315.

⁷ Там же. С. 327.

вает, что прочитанное в газете для помещика важнее, чем воля Божья, поскольку «бог знал, что помещик глупый, и прошению его не внял»¹, и в газете с говорящим названием «Весть» глупый помещик находит то, что становится для него высшей вестью, своеобразным заветом, руководством к действию. Показательно, что автор акцентирует внимание читателя на том, что услышана Богом молитва не глупого помещика, а притесняемого народа: «Услышал милостивый бог слёзную молитву сиротскую, и не стало мужика на всём пространстве владений глупого помещика»². Этот мотив становится трагическим в контексте сказки, т. к. автор показывает, что лишь чудесное божественное вмешательство может облегчить жизнь русского мужика.

Мотив глупости в этой сказке, как и во многих других, становится ведущим. Глупым помещика называют абсолютно все герои: и мужики, и актёр Садовский, и генералы, и исправник. Автор таким образом подчёркивает, что глупость помещика заключается в его непонимании, что он живёт и процветает именно за счёт своих мужиков, которые обеспечивают ему счастливую, роскошную жизнь. Герой не только не может оценить, что «всего у него было довольно»³, а напротив, возмущён тем, что «много развелось в нашем царстве мужика!»⁴ Это и становится завязкой сюжета: старание помещика избавиться от мужика. Интересно, что и в сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», и в сказке «Дикий помещик» М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что мотив глупости его героев носит определённый характер: они ничего не умеют, ни к чему не приспособлены, но при этом они более всего умны и догадливы именно в том, как притеснять и принуждать мужика. Генералы в буквальном смысле слова привязывают к себе мужика, чтобы он обеспечивал им сытую жизнь, а глупый помещик, напротив, решил так притеснять

мужиков, чтобы известить их. «Видят мужики, хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой»⁵. Авторская ирония по отношению к герою возникает за счёт «комбинаций слов с ярко выраженными коннотациями, в соседстве которых выявляют порой антонимичные смыслы» [8, с. 686].

Существенно расширяет содержание сказки и придаёт ей философское звучание упоминание о библейском герое Исае, с которым сравнивается уже одичавший без крестьян помещик: «Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав»⁶. «Исав» переводится как «волосатый». Это именование не просто усиливает портретную характеристику героя, но вводит в повествование библейский сюжет об Иакове и Исае, который променял своё право первородства на чечевичную похлёбку. Исав не оценил высшего дара первородства и обменял данное свыше благословение просто потому, что был голоден (Бытие 27: 1–46). Подобно библейскому Исаву, глупый помещик не оценил своего высшего права иметь крестьян, которые создают ему все блага, и добился исчезновения мужика, остался ни с чем, потерял человеческое лицо. Получается, что аллюзия на библейский сюжет становится своеобразной моралью сказки, придаёт ей философское звучание.

Кроме сатирических сказок, в которых героями являются люди, М. Е. Салтыков-Щедрин писал сатирические сказки, в которых действующими лицами являются животные. Эти сказки ещё более близки басням И. А. Крылова не только острой сатирой, но и способом характеристики героев через их соотнесение с тем или иным животным, и аллегоричным качеством, которое выражает суть этого героя. Сказки, в которых героями становятся животные, по сути, портретируют то или иное гиперболизированное качество, подлежащее сатирическому осмеянию. Так, например, зайцы в сказках «Самоотверженный заяц» и «Здравомысленный заяц» воплощают трусость перед властным хищником, олицетворяющим высшее начальство.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 327

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 327.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Самоотверженный заяц олицетворяет собой трусливого обывателя: «Жил он открыто, революций не пушал, с оружием в руках не выходил, бежал по своей надобности»¹. Он провинился перед волком и должен быть съеден. М. Е. Салтыков-Щедрин иронизирует и над ничтожными заячьими мечтами, и над заячьей трусостью: «Сидит заяц на задних лапках под кустом и не шевельнётся»². Очевидно, что описание позы зайца на задних лапках дано метафорически и олицетворяет абсолютную унижительную покорность зайца «благородию» и той судьбе, которая ему уготована. Не случайно герой постоянно смотрит в сторону волчьего логова, в котором он видит «святыщеся волчье око», воплощающее для зайца высшую волю, вынесенную «резолюцию». Подтверждением этому становится лейтмотив сказки – постоянно повторяемая реплика волка: «А может быть... ха-ха... и помилую!»³

В сказке «Здравомысленный заяц» мотив глупой покорности перед вышестоящими ещё более усугубляется. М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что здравомыслие зайца состоит в философских рассуждениях, объясняющих, почему зайцы подлежат съедению: «Всякому, говорит, зверю своё житьё предоставлено. Волку – волчье, льву – львиное, зайцу – заячье»⁴; «Сверх препорции всё равно не будут есть, а сколько надо – непременно съедят»; «он знал, что начальство, не выслушавши его, съест»⁵. В этой сказке лиса, как волк в сказке «Самоотверженный заяц», в буквальном смысле играет с зайцем, время от времени прикусывая его, а он даже не делает попыток спастись: «Несколько раз он вскакивал на ноги и уши на спину складывал; несколько раз он весь собирался в комок, намереваясь сделать какой-то дикий скачок, благодаря которому он сразу очутился бы вне преследования; но уверенность, что лиса, и не видя, всё видит,

приводила его в оцепенение»⁶. Авторская насмешка проявляется и в названии, и в строках произведения: «Хоть и обыкновенный это был заяц, а преумный. И так здраво рассуждал, что и ослу в пору»⁷.

Названия сказок, героями которых становятся животные, часто представляют собой не только имя персонажа, его основное качество, проявленное им в произведении, но и одновременно сюжетообразующий мотив и ироничную оценку автора: «Самоотверженный заяц», «Здравомысленный заяц», «Вяленая вобла», «Премудрый пискарь» и т. д. Так, например, в сказке «Вяленая вобла» М. Е. Салтыков-Щедрин разоблачает опасность позиции героини, у которой все внутренности вычистили, а голова подсохла. «– Как это хорошо, – говорила вяленая вобла, – что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести – ничего такого не будет! Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывалили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!»⁸ Эпитет «вяленая», который указывает на сюжетообразующий элемент и причину особой «разумности» воблы, одновременно является явной авторской насмешкой. М. Е. Салтыков-Щедрин показывает, что «воблушка», лишённая мозга и совести, «умом раскидывает» и всем советы даёт. Это сказка по идейному содержанию во многом близка сказке «Либерал».

В названии сказки «Премудрый пискарь» тоже насмешка, здесь автор иронизирует уже над премудростью пискаря, жизненное кредо которого выражалось словами: «Жил – дрожал, и умирал – дрожал»⁹. В основе этой сказки – мотив ума, который и становится предметом сатиры. Не случайно с самого начала повествования акцентируется, что «и отец и мать у него были умные», а «у молодого пискаря ума палата была»¹⁰. Мотив ума

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 340.

² Там же.

³ Там же. С. 341.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 111.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 338.

¹⁰ Там же. С. 334.

в данной сказке воспринимается как умение правильно, с точки зрения пискаря, прожить долгую жизнь. Показательно, что мотив ума иронично подчёркивается автором через обыгрывание устойчивых выражений. Так, усваивая поучения пискаря-отца, пискарь-сын их «на ус себе намотал». Или народная поговорка «Жизнь прожить – не поле перейти» трансформируется в сказке: «Жизнь прожить – не то, что мутовку облизать»¹. Более того, М. Е. Салтыков-Щедрин излагает жизненные позиции пискаря афористично, стилизуя их под народные поговорки: «Надо так прожить, чтоб *никто не* заметил»², «Ибо лучше *не* есть, *не* пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться»³, «*Ни* друзей у него, *ни* родных; *ни* он к кому, *ни* к нему кто»⁴. Показательно, что в характеристике пискаря последовательно используются отрицания. Этот приём ещё более позволяет подчеркнуть полный отказ героя от полноценной жизни, которую и жизнью назвать нельзя: «Он жил и дрожал – только и всего»⁵. Усиливается основной мотив отказа от жизни и риторическими вопросами и восклицаниями, в которых как раз звучит авторская ирония о *кажущейся* жизни пискаря: «*Кажется*, что я жив?», «Слава богу! *кажется*, жив!»⁶.

Рассуждая о пародийной форме в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. В. Кубасов подчёркивает, что «это не средство и не форма литературной борьбы, а социально-политическая полемика с современностью» [2, с. 23]. Безусловно, можно говорить, что и сказки писателя стали частью этой полемики.

Лирически-философские сказки

В сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина, кроме явной сатиры, иронии над героями, имеются и глубокий трагизм, и боль за происходящее, и философские размышления

над ключевыми нравственными проблемами смысла жизни, полноты её и справедливости, о свойствах души. В основе сказки «Приключение с Крамольниковым» трагическая судьба литератора, искренне служившего благородному делу, но отвергнутого, преданного вчерашними единомышленниками, страдающего от одиночества и пустоты. Жанр сказки М. Е. Салтыков-Щедрин обозначил как «сказка-элегия». Надо сказать, что третья группа сказок, которые условно можно назвать лирически-философскими, имеет особую, отличную от других, жанровую природу. Это сказки: «Приключение с Крамольниковым», «Рождественская сказка» и «Христова ночь». Заложенные уже в названии черты святочного рассказа, элегическое лирическое начало, которое педалируется автором, свидетельствуют об отступлении от явной сатиры, привычной читателю в других сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Все эти сказки имеют своеобразную двухчастную композицию, первая часть – лирически-философская, притчевая, а вторая – сюжетная. Так, сказка «Христова ночь» начинается с развёрнутого лирического пейзажа, «Рождественская сказка» начинается проникновенной лирически-философской притчей-проповедью, которую внимательно слушает мальчик Серёжа, а начало сказки «Приключение с Крамольниковым» – размышления героя о душе, о бытии и небытии.

В основе сказки «Приключение с Крамольниковым» лежит внутренний монолог героя, исследование своего внутреннего «я», природы собственного творчества и собственной души. Элегичность сказки в её глубокой исповедальности и метафоричности. Очевидна автобиографичность произведения, в которое автор вкладывает в размышления и образ мыслей своего героя собственные позиции, определяющие мировоззрение и поэтику самого художника. Так, в описании жизненного и творческого кредо героя усматриваются основы творчества самого автора: «он глубоко любил свою страну, любил её бедноту, наготу, её злосчастье. Быть может, он усматривал впереди чудо, которое

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Терра, 2003. С. 336.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

уймёт снедавшую его скорбь»¹; «Живость боли и непрерывное её ощущение служили источником живых образов»².

Автор даёт герою говорящую фамилию, в которой угадывается официальная оценка его литературной деятельности, подчеркнутая в реплике одного из либералов: «похоронили-таки вас, голубчик! живо!»³ М. Е. Салтыков-Щедрин, давая характеристику деятельности Крамольникова, вводит в сказку явную аллюзию на евангельский текст: «Все силы своего ума и сердца он посвятил на то, чтобы восстанавливать в душах своих присных представление о свете и правде и поддерживать в их сердцах веру, что *свет придёт и мрак его не обнимет*. В этом, собственно, заключалась задача всей его деятельности»⁴. Совершенно очевидно, что в этой характеристике заложены слова Евангелия «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5). Получается, что герой М. Е. Салтыкова-Щедрина ставит перед собой самые высокие просветительские идеи, своей деятельностью несёт свет и надежду людям.

В «Рождественской сказке», как и в сказке «Христова ночь», написанных в жанре святочного рассказа, автор вновь обращается к евангельским заповедям, размышляет о Правде, Любви к Богу и ближнему своему. Однако трагедия сказки в том, что священные слова, сказанные в церкви в рождественский вечер, оказываются для мальчика Серёжи несбыточной мечтой, сказкой. В реальной жизни он сталкивается с тем, что все взрослые говорят только о разнице между словами, сказанными в церкви, и реальными обстоятельствами, в которых, по мнению Серёжи, нет Правды. Чистое сердце ребёнка разрывается от того, что воспринятое божье слово не становится Правдой в жизни людей. Особый трагизм этого произведения в том, что рождественского чуда не происходит, на-

против, утрачена надежда на торжество Правды на земле.

Лирические сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина наполнены трагизмом, болью автора за ту действительность, в которой оказываются его герои. Мотив предательства и отречения от истины, становится ведущим во всех сказках. Несмотря на то, что в названии этих произведений, казалось бы, есть отсылка и на определение жанра (сказка-элегия, предание), но каждая из сказок имеет сложную жанровую структуру, вмещающую в себя и элегичность, и притчевость, и элементы святочного рассказа, включающего мотив чуда, по-разному реализующийся во всех сказках, и аллюзии на евангельские тексты, по-особому наполняющие содержание произведений, и лирическое начало, и глубокий драматизм сюжетов. Кроме того, Н. В. Ковтун рассматривает на материале романа «История одного города» образ утопии, однако вполне можно говорить и о том, что эта стилевая черта проявилась и в сказках писателя [13, р. 1050].

Конечно, сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина очень непохожи друг на друга, особенно если сравнивать сатирические сказки и лирически-философские. Однако все они наполнены искренней любовью автора к своей стране и своему народу и глубоким желанием сделать жизнь лучше.

Заключение

Итак, сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которых органично переплетаются традиции и русских народных сказок, и басен И. А. Крылова, и сатиры Н. В. Гоголя, представляют собой уникальный жанр, в котором не только сатирически рельефно выведены социальные пороки, представители разных сословий, над которыми смеётся автор, но и горькая, трагичная картина реальной жизни. Очевидно, что щедринская сатира, как и гоголевская, – это смех сквозь слёзы. Именно трагичность мировосприятия во многом определяет своеобразие стиля писателя, характер его сатиры, выбор художественных средств для её выраже-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Терра, 2003. С. 160.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 160–161.

ния. Жанр сказки позволяет одновременно обнажить социальные пороки, высмеять и обличить их, но в то же время отчасти спрятать от читателя глубочайшую боль писателя за несовершенство мира. Кроме того, сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина имеют глубокую философскую основу. Автор приглашает читателя к размышлениям о смысле жизни, о том, что в жизни есть много несовершенного и трагичного.

Е. М. Гаршин в статье «Русский Свифт. 23 сказки» писал о М. Е. Салтыкове-Щедрине: «Он пластично живописует ха-

рактеры, запечатлевая их в образах, глубоко верных действительности ... Но художественность и живость содержания – лишь одна блестящая сторона таланта Щедрина. Вторым выдающимся его свойством является дивный язык, в гибкие обороты облакающий самые ядовитые и резкие суждения о современности, которые принимают в его авторской речи характер изящных, отчеканенных и легко укладывающихся в памяти речений»¹.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудзова Я. О. Жизнь «под игом безумия»: жанр сказки в творчестве И. С. Шмелёва и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 8 (161). С. 184–188.
2. Кубасов А. В. М. Е. Салтыков-Щедрин как зеркало русского постмодернизма // Филологический класс. 2011. № 26. С. 23–26.
3. Кудряшова А. А. Своеобразие приёмов «словесной» живописи в русской автобиографической прозе: икона-портрет-карикатура // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (26). С. 94–99.
4. Кудряшова А. А. Стилистическое своеобразие автобиографической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина: пространство Дома // Обсерватория культуры. 2013. № 4. С. 116–121.
5. Кулашкина Р. А., Култышева О. М. Жанровая специфика «сказок для взрослых» (на материале «Сказок для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «Солдатских сказок» Саши Чёрного). Уфа: Аэтерна, 2020. 85 с.
6. Лардыгина О. А. Тема одиночества в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2019. 22 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010. 415 с.
8. Морозова Т. В., Макаренко Л. В. Лексический состав и функционал языка М. Е. Салтыкова-Щедрина в цикле «Сказки для детей изрядного возраста» // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 684–688.
9. Павлова И. Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 50 с.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
11. Радионова Н. В. Принципы и формы сюжетосложения в поэтике М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2004. 28 с.
12. Сакулин П. Н. Филология и культурология. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.
13. Kovtun N. V. On the Ruins of the Crystal Palace or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 4. № 7. P. 1045–1057.

REFERENCES

1. Gudzo Ya. O. [Life “Under the Yoke of Madness”: The Fairy Tale Genre in the Works of I. S. Shmelev and M. E. Saltykov-Shchedrin]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2021, no. 8 (161), pp. 184–188.
2. Kubasov A. V. [M. E. Saltykov-Shchedrin as a Mirror of Russian Postmodernism]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2011, no. 26, pp. 23–26.

¹ Гаршин Е. М. Русский Свифт. 23 сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1989. С. 499.

3. Kudryashova A. A. [The Originality of the Methods of “Verbal” Painting in Russian Autobiographical Prose: An Icon–Portrait–Caricature]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2013, no. 5 (26), pp. 94–99.
4. Kudryashova A. A. [The Stylistic Originality of the Autobiographical Prose of M. E. Saltykov-Shchedrin: The Space of the House]. In: *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2013, no. 4, pp. 116–121.
5. Kulashkina R. A., Kultysheva O. M. *Zhanrovaya specifika “skazok dlya vzroslykh” (na materiale “Skazok dlya detei izryadnogo vozrasta” M. E. Saltykova-Shchedrina i “Soldatskikh skazok” Sashi Chernogo)* [Genre Specifics of “Fairy Tales for Adults” (On the Material of “Fairy Tales for Children of a Fair Age” by M. E. Saltykov-Shchedrin and “Soldier’s Tales” by Sasha Chernyi)]. Ufa, Aeterna Publ., 2020. 85 p.
6. Lardygina O. A. *Tema odinochestva v khudozhestvennom mire M. E. Saltykova-Shchedrina: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [The Theme of Loneliness in the Artistic World of M. E. Saltykov-Shchedrin: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Oryol, 2019. 22 p.
7. Losev A. F. *Dialektika khudozhestvennoi formy* [Dialectics of Artistic Form]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2010. 415 p.
8. Morozova T. V., Makarenko L. V. [Lexical Composition and Functionality of the Language of M. E. Saltykov-Shchedrin in the Cycle “Tales for Children of a Fair Age”]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University], 2021, no. 6 (39), pp. 684–688.
9. Pavlova I. B. *Problema russkoi natsional'noi sud'by v tvorchestve M. E. Saltykova-Shchedrina: khudozhestvennyi, obshchestvenno-istoricheskii, dukhovnyi aspekty: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The Problem of Russian National Destiny in M. E. Saltykov-Shchedrin’s Work: Artistic, Socio-Historical, and Spiritual Aspects: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2012. 50 p.
10. Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 614 p.
11. Radionova N. V. *Printsipy i formy syuzhetoslozheniya v poetike M. E. Saltykova-Shchedrina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles and Forms of Plot Composition in the Poetics of M. E. Saltykov-Shchedrin]. Kolomna, 2004. 28 p.
12. Sakulin P. N. *Filologiya i kul'turologiya* [Philology and Cultural Studies]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 240 p.
13. Kovtun N. V. On the Ruins of the Crystal Palace or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin). In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2011, vol. 4, no. 7, pp. 1045–1057.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Светлана Николаевна – доктор филологических наук, ведущий эксперт Московского центра качества образования;
e-mail: kolosovacn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Kolosova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Leading Expert, Moscow Center for the Quality of Education;
e-mail: kolosovacn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колосова С. Н. Стилевое своеобразие сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 67–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-67-78

FOR CITATION

Kolosova S. N. Stylistic Originality of M. E. Saltykov-Shchedrin’s Tales. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 67–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-67-78

УДК 001.891.32

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-79-89

РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЗНАНИИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. Г. ГМЕЛИНА)

Мишин А. В.¹, Мишина Л. А.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация

²Независимый исследователь
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать особенности изображения российского пространства и времени в путевых дневниках немецкого учёного С. Г. Гмелина, руководителя нескольких академических экспедиций XVIII в.

Процедура и методы. В исследовании использованы описательный, культурно-исторический и историко-типологический методы.

Результаты. Научные сочинения С. Г. Гмелина исследованы с литературоведческой и литературоведческо-культурологической точек зрения. Подобный подход позволил обнаружить в научном тексте художественный потенциал и смысл, определить особенности научного образа, способы решения автором проблемы многозадачности.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности применения методики анализа при изучении небеллетристических текстов с целью выявления смыслов художественного, культурологического, философского характера. Материал статьи может быть использован при подготовке спецкурса по проблеме жанровой типологии русской литературы XVIII в.

Ключевые слова: академические экспедиции, палимпсест, «пейзаж Гмелина», Россия, учёный-путешественник, XVIII век

RUSSIAN SPACE AND TIME IN THE EUROPEAN CONSCIOUSNESS OF THE 18TH CENTURY (ON THE MATERIAL OF S. G. GMELIN'S WORKS)

A. Mishin¹, L. Mishina²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskog 82, Moscow 119571, Russian Federation

²Independent researcher
Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. We analyze the features of the image of Russian space and time in the travel diaries of the German scientist S. G. Gmelin, leader of several academic expeditions of the 18th century.

Methodology. The research relies on descriptive, cultural-historical and historical-typological methods.

Results. Scientific works of S. G. Gmelin are studied from literary and literary-culturological points of view. The approach makes it possible to reveal the artistic potential and meaning in the scientific text and to determine the features of the scientific image and the ways the author solves the multitasking problem.

Research implications. The theoretical and practical significance of the paper lies in the possibility of applying the analysis technique in the study of non-fiction texts in order to identify the meanings of an artistic, cultural, philosophical nature. The obtained results can be part of a special course on the problem of genre typology of the Russian literature of the 18th century.

Keywords: academic expeditions, palimpsest, “landscape of Gmelin”, Russia, scientist-traveler, 18th century

Введение

Исследователи, обращающиеся к истории российско-зарубежных взаимоотношений, единодушны во мнении, что в XVIII в. активизируются все известные формы контактов: дипломатические, культурные, познавательные, научные, бытовые. Среди написанных в этот период путевых дневников иностранцев, которые, по словам Ю. А. Лимонова, составляют целую библиотеку [11, с. 3], выделяются записи иностранных руководителей так называемых академических экспедиций 1760–1780-х гг., организованных по велению Екатерины II для изучения и описания российских земель. Значение этих сочинений в интеллектуальной истории России столь велико, что С. А. Козлов, автор труда «Русский путешественник эпохи Просвещения», даёт одной из глав название «Россия, открывшаяся миру: академические экспедиции XVIII века» [10, с. 12].

С. А. Гмелин – учёный-путешественник

Руководителем нескольких экспедиций являлся Самуил Георг Гмелин (1744–1774), немецкий учёный и путешественник, действительный член Петербургской академии наук. Гмелин известен прежде всего как автор монументальных дневников: «Путешествие по России для исследования трёх царств естества. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков, в 1768 и 1769 годах»¹, «Путешествие по России для исследования трёх царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска

до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года»², «Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе. Часть третья. Половина первая»³, «Путешествие по России для исследования трёх царств естества. Часть третья. Половина вторая»⁴. Дневники Гмелина были написаны по-немецки и переведены на русский язык. «Переводчики, вместе с геодезистами и художниками, входили во вспомогательный состав экспедиции, они были ... мастерами на все руки» [5, с. 58]. Здесь уместно будет отметить, что переводческая деятельность была одной из постоянных и основных сфер деятельности Петербургской академии наук [5, с. 51].

Труды С. Г. Гмелина оценены российскими учёными-специалистами в области естественных наук, историками, географами, этнографами, лингвистами [7; 8; 9; 13; 14]. В рамках данной работы произведения С. Г. Гмелина становятся предметом литературоведческого анализа и рассматриваются в ракурсе жанра путевого дневника. Несмотря на чётко поставленные научные цели, в сочинениях ярко вырисовывается психологический образ автора. Российское пространство и время XVIII в. воссоздано учёным-энциклопедистом, носителем европейского сознания, сторонником идей созидания и преобразования, с восторгом воспринимающим окружающий мир.

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1771. 332 с.

² Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1777. 361 с.

³ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе: в 3 ч. Ч. 3: Половина первая. СПб.: Типография Академии наук, 1785. 336 с.

⁴ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе: в 3 ч. Ч. 3: Половина вторая. СПб.: Типография Академии наук, 1785. 337 с.

Названные обстоятельства и определили принципы отбора и анализа материала авторами исследования.

Характеризуя авторскую позицию С. Г. Гмелина, необходимо помнить об изменении статуса иностранцев в России XVIII в. В XVII в. «иноземец часто терялся в русской массе и если оставался надолго в России, то гораздо скорее сам русел, чем онемечивал окружающих. Теперь же он становится ... обязательным и необходимым учителем» [4, с. 6] определённой части российского общества. Эта сентенция напрямую касается вошедших в состав Петербургской академии наук и возглавивших академические экспедиции учёных немцев, к числу которых принадлежал и С. Г. Гмелин. В дневниках он демонстрирует свои познания в области ботаники, зоологии, орнитологии, ихтиологии, географии, геологии, почвоведения, этнологии, истории, экономики, технологии, лингвистики, будучи уверенным в востребованности и важности этих сведений для государственных лиц и учёных. Зачастую на страницах произведений не только предстают научные сведения, но и развёрнут процесс познания определённого объекта, превращающий дневник в своеобразную лабораторию. В отличие от отчётов о подобных путешествиях первой половины XVIII в., материалы экспедиции С. Г. Гмелина изначально предназначались для публикации [2, с. 14]. Возможно, благодаря именно этому обстоятельству в дневниках прослеживается некая повествовательность, отход как от жёсткой «подневной» формы изложения, так и от схематичной отчётности.

Исследовательский оптимизм С. Г. Гмелина столь велик, что его жалобы на неудобства путешествия минимальны, хотя реальные условия, в которых проходили экспедиции, были крайне тяжёлыми. До конца XVIII в. большая часть земли русской была покрыта непроходимыми лесами. «Насколько обширен и дик был лес на севере, а местами и в центре России, настолько же необъятны и девственны были степи на юге» [16, с. 109–114]. Крайне редки жалобы автора на отсутствие или плохое

качество дорог, хотя «некоторые подробности их положения представляются почти невероятными» [16, с. 169]. Участников экспедиции не могли миновать тяготы путешествия естественного характера, однако С. Г. Гмелин акцентирует внимание не на неудобствах, а на природном разнообразии, которое представляло научный интерес. Продвигаясь в повозке по степи, автор делает следующие признания: «Я не могу описать, сколь велико мучение было нам в дороге от комаров и сколь приятно было, напротив того, видеть многообразные породы саранчи, будущее исследование которых может распространить и объяснить знание сего рода насекомых»¹. Используемый автором приём контраста подчёркивает различие обыденной и научной точек зрения и характеризует автора как самоотверженного исследователя.

В продолжение многомесячных экспедиций их участники не могли не сталкиваться с природными катаклизмами, однако информация о них скудна, поскольку эти сведения выходили за рамки научных исследований. С. Г. Гмелин упоминает лишь те погодные ситуации, которые способствовали или мешали научным исследованиям. «В сентябре, – отмечает автор, – было мокро и холодно, так что поля совсем обнажены были от трав и насекомых. Стадные птицы также удалились в своё отечество. Таким образом пресечён мне был путь к пространным естественным исследованиям...»².

Автор подробно описывает лишь экстраординарные погодные явления, каким, в частности, явилась сильнейшая буря с градом в степи. Одарённый, кроме исследовательских, литературными способностями, С. Г. Гмелин даёт волю эмоциям и создаёт описание, которое могло иметь место в художественном произведении. Обилие глаголов и эпитеты со значением страха создают на-

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1771. С. 231–232.

² Там же. С. 40.

пряжённость повествования: «Я проснувшись очутился вне своей палатки и с постелью по воде плавал ... Сия ночь определена была как будто для нашего мучения. Через несколько минут переменялся сей сильный дождь в ужасный град. Все вещи, которые не весьма крепки были, разбиты силою града. Везде около меня лежали как камни, которые мне довольно велики казались по ударам...»¹. Завершает драматическую картину употребление глагола «пополз» – автор пополз к коляске, в которой спрятался от дождя и града. Эмоциональность, однако, не лишает данного описания научности: природные катаклизмы интересовали С. Г. Гмелина как учёного-естествоиспытателя. Сравнение града с большими «каменьями» имеет не только художественное, но и научное значение. Степная буря с градом – редкое в этих местах, но объяснимое явление. «Критический взгляд, преобладающий в аналитических материалах академических экспедиций, совершенно отличен от фантастических описаний средневековых путешественников...» [3, с. 19].

Авторский принцип многозадачности и способы его реализации

Рассуждая о психологии путешественника, С. Г. Гмелин в авторском предисловии пишет: «У путешествующего мысли всегда в разброс, и он не всегда может упомянуть, что он уже когда-то видел»². Однако лично к автору эта сентенция не имеет отношения, потому что он – учёный путешественник и ни одна деталь не ускользает от его внимания. В названии произведения С. Г. Гмелина – «Путешествие по России для исследования трёх царств естества» – фактически обозначена и цель вояжа: изучение поверхности земли, воздушного и водного пространства. Задача энциклопедически масштабная, однако автор с ней справляется, несмотря на свой молодой возраст. Нельзя не согласить-

ся с А. С. Черкасовой, утверждающей, что «когда читаешь их (руководителей академических экспедиций. – Л. М.) основательные труды, то авторы представляются солидными и многоопытными мужами» [15, с. 118].

Многозадачность приводит к тому, что в дневнике возникает особый тип пейзажа, который может быть назван научно-исследовательским, или (в память о великих трудах учёного) пейзажем Гмелина. Взгляд автора не ограничивается тем, что находится на поверхности земли. Отметив, что «в составлении Валдайских гор наибольшее участие имеют глина и известь», С. Г. Гмелин проникает мыслью в глубины: «Они не только сами чрез себя, но и посредством содействия горящей материи производят в недрах своих руды, уголье, селенит, квасцы и соль, а купоросная кислота наиболее при смешении частей прилагает труда»³. Употребление терминов придаёт описанию научную достоверность, а чёткое и понятное описание природных процессов создаёт ощущение наглядности.

Принцип многозадачности в произведениях С. Г. Гмелина находит органическое воплощение в характеристиках, построенных по принципу палимпсеста. В понимании этого термина мы будем опираться на определение специалиста по гуманитарной географии И. И. Митина: «Палимпсест в новом понимании – это система множественных реальностей, в которой каждая из них может в определённых условиях становиться главной; это целостная совокупность пластов, иерархия которых вариативна» [12, с. 66]. Примером палимпсеста в анализируемых произведениях может служить характеристика местности по пути из Азова в Черкасск, являющемуся частью путешествия С. Г. Гмелина из Черкасска до Астрахани. Структура, как нам представляется, состоит из следующих пластов: географического, геологического, гидрологического, экономического, исторического, религиозного, социологического, научно-теоретического. Каждый из пластов отличается глубиной проработки материала и значим как отдель-

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах / пер. с. нем. СПб.: Типография Академии наук, 1771. С. 165.

² Там же. Без указ. стр.

³ Там же. С. 10.

ная единица. Последовательность пластов может быть различна, нами выбран принцип в соответствии с основным замыслом автора – от естественнонаучного взгляда к общественному.

Географическая реальность представляет собой подробное описание степного ландшафта, птиц, растений. Особенно Гмелин внимателен к разнообразиям растений: он, в частности, в деталях характеризует три вида лебеды, произрастающей в данной местности – Сибирская лебеда, Татарская лебеда, Набережная лебеда¹. Автор никогда не сбивается на перечисление и создаёт запоминающиеся зарисовки, чему способствует использование им сравнений, слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также колористическое разнообразие. «Она имеет вид красивого деревца... Чашечка цветочная иззелено-серая, а гуменцо пухом покрытое»² – таким предстаёт новый вид полыни, увиденный Гмелиным. Завершая характеристику растительного мира, учёный утверждает, что степь плодородна и изобильна травами, несмотря на близкое присутствие солончаков³.

Геологические пласт палимпсеста составляет описание горного массива Богда – его расположения, размеров, контура. Гмелин обращает внимание на необычность структуры находящегося в степи горного массива – наличие ущелий и в связи с этим возможность наблюдать горные породы: глину разных цветов, в том числе красную; жёлтый, белый, красноватый песок; известковый камень; гипс, алебастр⁴.

Гидрологический ракурс формирует подробная информация о солёном озере Баскунчак, которое интересует автора и как водоём, и как место солевого промысла, и о реке Ахтубе. Гмелин характеризует берега реки как высокие, крутые, бугри-

стые, состоящие из глины с песком, но друг от друга отличающиеся. Для наглядности автор сравнивает берега Ахтубы с волжскими и считает, что местами они похожи⁵.

Естественная среда в сознании Гмелина теснейшим образом связана с производственной, экономической, которая в структуре палимпсеста представлена анализом деятельности государственного шёлкового завода. Автор уделяет внимание организации работы предприятия: для него были созданы два селения «из людей, не помнящих родства»⁶. Употреблённый здесь фразеологизм наглядно характеризует и рабочих завода, и позицию автора. С этим негативным фактором связаны, по мнению Гмелина, и конфликтные отношения работников и начальников. Что касается сырья, необходимого условия деятельности перерабатывающего предприятия, то по этому поводу Гмелин отмечает следующее: тутовые деревья растут недалеко, но они уже старые, а разведением новых не помышляют. Автор с сожалением пишет о том, что не видит здесь перспектив.

Особым предметом интереса учёного является история. С не меньшей дотошностью, чем описывает растения, Гмелин воссоздаёт картину остатков разорённого русским великим князем в 1462 г. города-столицы царя великой Татарии Ахмета. Это курганы, большие и маленькие, остатки стен; мелкие монеты, серьги, кольца, которые находят здесь местные жители. Для создания атмосферы Гмелин излагает предание о том, как жил царь и как он меж двух жён выбирал лучшую⁷.

С исторической реальностью в рамках палимпсеста соприкасается реальность религиозная, ритуальная, которую со свойственным ему энтузиазмом воссоздаёт автор, рассказывая о почитании калмыками горы Богды. Проходя мимо горы, ей необходимо что-то преподнести: старые книги, монеты; если ничего нет, отрезают кусок материи от платья или кусок кожи от сапога и оставляют. «Вообще всю гору Богду они имеют в

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 2: Путешествие от Черкасска до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1777. С. 6–7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 12–16.

высоком почитании»¹, – резюмирует Гмелин. Изложенная им притча о святых, решивших перенести гору ближе к Волге, делает повествование более полным и впечатляющим.

В качестве отдельного, социологического, пласта выступает характеристика селения евангелического общества Сарпинское, основанного по приказу Ея Императорского Величества². В сочинении Гмелина представлены такие аспекты подобного исследования, как количество жителей, характеристика их по возрасту и семейному положению; виды промыслов и занятий; типы построек; система воспитания и обучения; основы семейной жизни; религиозные догматы и церковная жизнь; ритуал погребения.

Своеобразный, но естественный для учёного пласт палимпсеста составляют рассуждения Гмелина о том, как в открытой степи появилась гора Богда. «Мне по всему кажется, что гора сия является ясным доказательством бывшей в незапамятные нами времена перемены, – размышляет автор. – Я думаю, что на месте теперешней твёрдой земли была прежде вода»³. Обнаруженные в расщелинах горы окаменелости морских животных свидетельствуют об истинности гипотезы учёного.

Палимпсест может быть назван одним из примеров организации повествования в дневниках Гмелина. Приём удобен для любого путешественника, рассказывающего о своих впечатлениях. Единство места, описанного с разных позиций, придаёт чёткость повествованию, структурирует поток наблюдаемых картин и впечатлений. Палимпсест, созданный учёным путешественником, даёт возможность высветить взаимосвязь разных сторон жизни и глубже понять locus. Возможности палимпсеста, как известно, широко используются в современных художественных текстах, в частности, в литературе постмодернизма.

Научное описание в дневниках Гмелина зачастую приобретает эффект художественности. Детализация научная и художественная стремятся к одной цели: к индивидуализации объекта. Описывая внешний вид осётра, автор называет следующие цвета и оттенки: красноватый, бледно-фиолетовый, тёмно-фиолетовый, сияющее серебро, чёрный, пурпурный, белый с красным, белый, серовато-жёлтый, тёмно-серый, бело-чёрный, сероватый⁴. Создаётся своеобразный научный образ, гармонично сочетающий в себе факт и идею о великолепии этого создания природы. Следует, однако, отметить, что не каждому ихтиологу дано столь тонко видеть и различать цвета. Гмелин такой способностью обладал. Здесь уместно вместе с О. Н. Александровой-Осокиной, изучавшей поэтику книги Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае», спросить: «где проходит граница между учёным и художником? И существует ли она?» [1, с. 79].

Ряд пассажей в дневниках Гмелина не только представляет собой фиксацию особенностей объекта наблюдения, но включает в себя элемент рассуждения, научного поиска. Описывая внешний вид и повадки одного из грызунов, слепца, длиной 6,5 дюймов, автор размышляет, к какой группе грызунов может быть отнесён слепец. Учёный выдвигает предположение, затем отвергает его и делает следующее: если отнести слепца к разряду крыс, к какому именно разряду? К мышам его нельзя отнести по форме зубов. Размышления приводят учёного к выводу, что слепца можно считать новым видом грызунов⁵. Читатель вовлекается автором в процесс научного поиска и разделяет восторг учёного: «Изрядное, учением весьма богатое и философию о зверях распространяющее животное!»⁶ Эмоциональность усиливает

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1777. С. 18.

² Там же. С. 23–29.

³ Там же. С. 21.

⁴ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1771. С. 208–212.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Там же. С. 197.

ет повествовательность, «читабельность» дневников.

Эмоции, прорывающиеся сквозь естественнонаучные описания Гмелина, свидетельствуют и о его склонности к беллетристичности, и о восторженном отношении к природе. Однако не меньший восторг автора вызывает деятельность человека. В дневниках Гмелина наглядно представлены явления, обозначенные Г. А. Гачевым как «гония» и «ургия» (гония – от греч. «ген», «генезис», ‘женское’, а ургия – от греч. суффикса – «ург», что значит ‘делать’, ‘работать’) [6, с. 380] – данное природой и созданное человеком. С немецкой дотошностью и любовью к деятельности автор описывает ремёсла, производство, сады, фонтаны, мельницы, плотины. Само путешествие Гмелина является созидательной деятельностью мощнейшей активности.

Ургия имеет в сочинениях Гмелина разнообразные формы выражения. Прежде всего это детальное описание какого-либо вида деятельности человека, в частности, выплавки металла, оборудования, при этом использующегося: «При плавлении употребляют высокие шведские печи; и поскольку руды не скоро расплавляются, то стены у печи возведены круто, дабы оныя среди сильного пламени тем скорее могли растопиться»¹. Зачастую описание деятельности следует за информационным сообщением о том или ином факте. Отметив, что среди других мастеров в немецком селении в Малороссии был трубочник, автор далее проследживает процесс изготовления трубок, отведя достаточно места вопросам о качестве глины и совершенствовании производства². Для С. Г. Гмелина важен любой вид созидательной деятельности человека. Он восхищён жителем Торжка, который гнал из хрена масло, применявшееся в лечении многих недугов. Автор, зафиксировав процесс изготовления мас-

ла, перечисляет все болезни, при лечении которых оно может быть полезно, и даже указывает дозу лекарственного средства³.

Особый тип описания деятельности – ургии – представляют собой технологические и экономические проекты С. Г. Гмелина. Автор считает своей задачей не только наблюдение и фиксацию, но и рационализацию процессов. Его неиссякаемая исследовательская энергия и энциклопедические познания позволяют создавать проекты во всех сферах человеческой деятельности. Отметив, что хозяин купоросной фабрики делает купорос, соединяя нечищеную серу с медью, С. Г. Гмелин далее рассуждает: «Сожалительно, что он не верит, что можно поблизости Воронежа на Дону найти самый изрядный и чистый купоросный колчедан, который выделав, мог бы он делать лучший купорос и продавать его дешевле»⁴. С наименьшим энтузиазмом автор предлагает производить растительное масло из плодов масличных деревьев, которые следует насадить. «Понеже каштановые деревья развести удалось, то, может быть, и с оными равное щастие воспоследует»⁵ – ключевым в этой фразе С. Г. Гмелина является слово «счастье», выражающее радость познания и преобразования.

Свое место в сюжетах ургии занимает рассказ о Сарпинском поселении Евангелического общества. Считая поселение примером разумного, гармоничного существования, автор, в надежде распространить благой опыт, детально описывает, как уже отмечалось, все стороны жизни сообщества. Одной из форм ургии является процесс формирования личности, чему в поселении служат, в частности, общественные дома, в одном из которых живут холостые молодые мужчины, в другом – незамужние девушки. Созидательную роль общественных домов Гмелин подчёркивает, образно называя их «насаждениями»: общественные дома «почитаются за насаждения, из коих выходить должны благочестивые, полезные, искус-

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1771. С. 40.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 157.

ные и трудолюбивые, полезные, искусные и трудолюбивые человеческого общества члены...»¹.

Не ограничиваясь изложением эмпирического материала, Гмелин ставит философский вопрос о восприятии человеком нового. Учёный считает, что людей нужно «возбудить», «чтобы они старались надлежащим образом пользоваться оказанными от естества благоденствиями»². В этом и заключается связь гонимости и ургии. Встав на путь созидания, человек должен постоянно переходить с одной ступени на другую, считает учёный. Предки строили деревянные дома, но наступила пора переходить к возведению каменных, следствием чего является сохранение леса и уменьшение ущерба от пожаров³ – рядом конкретных примеров автор иллюстрирует мысль о решимости расставания со старым и необходимости безостановочного движения вперёд. Подобные рассуждения ставят Гмелина в ряд передовых людей своего времени, делают просветителем в полном смысле слова.

В первой и второй частях «Путешествия» С. Г. Гмелина российское пространство представляет собой территорию, входящую в Российскую империю. Принципиальное отличие третьей части от первых двух заключается в том, что в ней описаны земли, не принадлежавшие на тот момент России. План экспедиции был расписан с мая по октябрь 1773 г.; экспедиция имела целью «за полгода объехать Каспийское море и осмотреть лежащую от России к Персии твёрдую землю»⁴. Названные территории были присоединены к российскому государству лишь в 1813 г.; таким образом, С. Г. Гмелин исследует *потенциально* российское пространство, что диктует структуру и осо-

бенность повествования. Научное освоение пространства предшествовало государственному и политическому, поэтому описания С. Г. Гмелина в третьей части «Путешествий» отличаются особой детальностью, а диапазон наблюдений расширяется. Нельзя, однако, не учитывать и личного интереса автора: опыта посещения восточных стран он ещё не имел.

Третья часть изобилует схемами и таблицами, что позволяет чётко и наглядно представить обширный материал как естественнонаучного, так и общественного характера. В таблице, характеризующей птиц харадрюн куличок и куличок тёмноцветный, есть, в частности, следующие показатели: длина птицы от конца носа до конца хвоста, до конца пальцев; длина глаз; ширина глаз; длина ушей; ширина хвоста⁵. Сведена в несколько таблиц информация о тканях, производимых на фабриках в Гилянской области. В графах указано название материи, длина, ширина в аршинах, охарактеризовано её качество. Например: «Араджа. Полосатая материя, делается или вся бумажная, или имеет шёлковую основу и бумажный уток. Длина 5 аршин. Ширина – 3/7 аршина»⁶.

Формой структурирования материала в третьей части является также разбивка его на восемь отделений, в которых представлен детальный анализ всех сторон жизни персов. О глубине проработки автором темы свидетельствуют, в частности, следующие формулировки: «О душевной склонности и сложениях нынешних персов. Об их телесных качествах, здоровье и болезненных припадках. О знании, которые они в науках имеют, и об их одеянии», «О пище и питии персиян, о грубости простого народа, об их чистоте, образовании, свадьбах и похоронах», «О персидском законе».

В стремлении дать максимально полную характеристику персов Гмелин обращается к языку этого народа и, дабы пре-

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества: в 3 ч. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах / пер. с нем. СПб.: Типография Академии наук, 1771. С. 37.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 158–159.

⁴ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе: в 3 ч. Ч. 3: Половина первая. СПб.: Типография Академии наук, 1785. С. 2.

⁵ Там же. С. 131–132; 136–137.

⁶ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе: в 3 ч. Ч. 3: Половина вторая. СПб.: Типография Академии наук, 1785. С. 607–608.

поднести информацию более наглядно, составляет четырёхязычный русско-персидско-гилянский словарь из 296 слов¹. В словарь включены языковые единицы, обозначающие важнейшие для существования человека в природной среде и социуме понятия, предметы и явления: Бог, дьявол, небесные светила, погодные условия, названия времён года, времени суток, виды земного и водного пространства, наименования металлов, продуктов питания, членов семьи, частей тела, одежды, социального статуса, счёт. Ландшафт характеризуют слова «гора», «холм», «поле», «степь», «дорога». Разнообразен и водный пейзаж Персии, обозначенный словами «река», «ручей», «озеро», «морской залив», «болото», «пруд», «родник». Показательны слова «город», «крепость», «господин», «госпожа», «слуга», характеризующие уровень цивилизации и социальную структуру общества.

Заключение

В восприятии европейца, немецкого учёного Самуила Георга Гмелина, российское пространство XVIII в. – это огромная территория с разнообразным ландшафтом, богатейшими лесными и земельными ресурсами, неисчерпаемыми запасами полезных ископаемых. Ключевое слово в описании С. Г. Гмелина – «изобилие». Энциклопедический подход к изучению явлений, сочетающий в себе ботанический, зоологический, орнитологический, ихтиологический, географический, геологический, почвоведческий, этнологический, исторический, экономический, технологический, лингвистический принципы исследования, диктовал автору особые, отличающиеся многослойностью формы организации материала. Среди них нами были выделены характеристика-палимпсест и «пейзаж Гмелина».

Ключевой, наряду со словом «изобилие», в дневниках С. Г. Гмелина может быть названа фраза «приращение доходов российского государства». Учёный не ограничивался фиксацией фактов и явлений; исследовательская энергия заставляла его создавать проекты развития в каждой из наблюдаемых сфер жизни. «Гония» в мировоззрении С. Г. Гмелина неразрывно связана с «ургией».

В соответствии с законами жанра путевого дневника российский XVIII в. предстаёт в произведении С. Г. Гмелина прежде всего в настоящем времени. Однако в поисках истоков учёный часто обращается к прошлому, вводя в повествование легенды и исторические экскурсы. Многочисленные проекты автора, касающиеся разведения садов и отдельных культур, развития ремёсел и производств, прокладывания дорог, отсылают к будущему. Таким образом, в дневниках С. Г. Гмелина выражено представление иностранца об отдельных аспектах прошлого, настоящего и будущего России, какими они виделись в XVIII в.

Одной из тенденций современных гуманитарных исследований является выделение смыслов, традиционно считавшихся нехарактерными для определённого вида текстов: философского подтекста в естественнонаучных трудах, психологических особенностей составителей документов и отчётов, хронотопа в лирической поэзии. В русле этой тенденции находится и данное исследование, в котором предпринята попытка рассмотрения научного дневника с литературоведческой точки зрения, что позволяет открыть новые смыслы произведения и определить новые грани таланта его автора – С. Г. Гмелина.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022.

¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе: в 3 ч. Ч. 3: Половина вторая. СПб.: Типография Академии наук, 1785. С. 520–527.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова-Осокина О. Н. Поэтика дальневосточного пейзажа в книге Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 71–82.
2. Бекасова А. В. Изучение Российской империи 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13–34.
3. Беспалько Д. Н. Государственная политика по освоению Забайкалья XVIII в.: на материалах академических экспедиций 1720–1770-х гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011. 23 с.
4. Богословский М. М. Российский XVIII век: в 2 кн. Кн. 2. М.: Новый хронограф, 2010. 400 с.
5. Воробьев Ю. К., Ивлева А. Ю. Из истории делового перевода в России. XVIII век. М.: Р. Валент, 2021. 248 с.
6. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 450 с.
7. Исторически сложившееся взаимодействие природы и человека (на примере Воронежского участка степи, используемого для племенного животноводства) / С. Н. Волкова, О. В. Панкратьева, Е. Е. Сивак, М. И. Пашкова, С. Н. Кобченко, Т. В. Бурсук // Региональный вестник. 2021. № 4 (60). С. 23–27.
8. Итунина А. Л. Музеи книги российских библиотек как хранители истории русского литературного языка. Источники изучения ботанической терминологии XVIII – начала XIX века // Социальные трансформации. 2013. № 23. С. 67–73.
9. Кириллов И. А., Гагаева Ш. С. Г. Гмелин – учёный-путешественник и исследователь Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 2 (45). С. 39–46.
10. Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. 496 с.
11. Лимонов Ю. А. Россия в западноевропейских сочинениях XVIII в. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 3–18.
12. Митин И. И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. 2006. Вып. 3. С. 64–82.
13. Монилов С. Н. Юбилей двух академиков: чтобы помнили // Жизнь Земли. 2020. Т. 42. № 4. С. 505–512.
14. Сытин А. К. Академические «физические» экспедиции и специализация ботаники // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 179–188.
15. Черкасова А. С. Германия и Урал в XVIII в. Научные и культурные связи // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур: сборник статей. М.: Наука, 2000. С. 116–125.
16. Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. 836 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova-Osokina O. N. [Poetics of the Far Eastern Landscape in the Book of N. M. Przhevalsky "Journey to the Ussuri Territory"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 3, pp. 71–82.
2. Bekasova A. V. [The Study of the Russian Empire in the 1760s–1780s: The “View” of Naturalists and the Formation of Ideas about the State Wealth]. In: *Istoriko-biologicheskie issledovaniya* [Istoriko-biologicheskie issledovaniya], 2010, vol. 2, no. 4, pp. 13–34.
3. Bespal'ko D. N. *Gosudarstvennaya politika po osvoeniyu Zabaikal'ya XVIII v.: na materialakh akademicheskikh ekspeditsii 1720–1770-h gg. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [State Policy for the Development of Transbaikalia in the 18th Century: On the Materials of Academic Expeditions of the 1720–1770s.: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Astrahan, 2011. 23 p.
4. Bogoslovsky M. M. *Rossiyskiy XVIII vek. Kn. 2* [Russian 18th Century: B. 2.]. Moscow, Novy hronograf Publ., 2010. 400 p.
5. Vorob'ev Yu. K., Ivleva A. Yu. *Iz istorii delovogo perevoda v Rossii. XVIII vek* [From the History of Business Translation in Russia. 18th Century]. Moscow, R. Valent Publ., 2021. 248 p.
6. Gachev G. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1988. 450 p.

7. Volkova S. N., Pankrat'eva O. V., Sivak E. E., Pashkova M. I., Kobchenko S. N., Borsuk T. V. [Historically Formed Interaction of Nature and Man (On the Example of the Voronezh Steppe Site used for Livestock Breeding)]. In: *Regional'nyi vestnik* [Regional Bulletin], 2021, no. 4 (60), pp. 23–27.
8. Itunina A. L. [Book Museums in Russian Libraries as Keepers of the History of the Russian Literary Language. Sources for Studying Botanical Terminology of the 18th – early 19th Centuries]. In: *Sotsial'nye transformatsii* [Social Transformations], 2013, no. 23, pp. 67–73.
9. Kirillov I. A., Gagaeva Sh. [S. G. Gmelin – Scientist-Traveler and Explorer of the Caucasus]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2019, no. 2 (45), pp. 39–46.
10. Kozlov S. A. *Russkii puteshestvennik epokhi Prosveshcheniya* [Russian Traveler of the Enlightenment], St. Petersburg Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2003. 496 p.
11. Limonov Yu. A. [Russia in Western European Writings of the 18th Century]. In: *Rossiya XVIII v. glazami inostrantsev* [Russia XVIII century. Through the Eyes of Foreigners]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, pp. 3–18.
12. Mitin I. I. [Mythogeography as an Approach to the Study of Multiple Realities of a Place]. In: *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography], 2006, no. 3, pp. 64–82.
13. Monikov S. N. [Anniversaries of Two Academicians: to Remember]. In: *Zhizn' Zemli* [Life of the Earth], 2020, vol. 42, no. 4, pp. 505–512.
14. Sytin A. K. [Academic “Physical” Expeditions and the Specialization of Botany]. In: *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2019, no. 3 (5), pp. 179–188.
15. Cherkasova A. S. [Germany and the Urals in the 18th Century. Scientific and Cultural Connections]. In: *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* [Russians and Germans in the 18th Century. A Meeting of Cultures]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 116–125.
16. Chechulin N. D. *Russkaya provintsiya vo vtoroi polovine XVIII veka* [Russian Province in the Second Half of the 18th Century]. St. Petersburg, Rossijskaya nacional'naya biblioteka Publ., 2010. 836 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мишин Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
e-mail: futurum2006@yandex.ru

Мишина Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь;
e-mail: fraumischina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Mishin – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

e-mail: futurum2006@yandex.ru

Larisa A. Mishina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Independent researcher;

e-mail: fraumischina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишин А. В., Мишина Л. А. Российское пространство и время в европейском сознании XVIII века (на материале произведений С. Г. Гмелина) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 79–89.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-79-89

FOR CITATION

Mishin A. V., Mishina L. A. Russian Space and Time in the European Consciousness of the 18th Century (On the Material of S. G. Gmelin's Works). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 79–89.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-79-89

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-90-97

ЦИТИРОВАНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ ПРЕП. СТЕФАНА МАХРИЩСКОГО)

Садыков П. Д.

Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации
101000, г. Москва, ул. Жуковского, д. 16, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить место Библии в агиографической литературе на примере жития преп. Стефана Махрищского, а также выявить основные причины, которыми руководствовались авторы агиографических произведений при использовании библейского текста.

Процедуры и методы. Автором рассмотрены особенности использования и цитирования Священного Писания в агиографической литературе, его смысловая нагрузка и степень вариативности. Для более широкого раскрытия темы проведено сопоставление с иными литературными памятниками, прежде всего с житием преп. Сергия Радонежского, а также богослужебным Уставом, гимнографическими текстами православной церкви. При написании работы использовались методы описательный, сравнительный и проблемного анализа, которые позволили провести более детальное исследование.

Результаты. Проведённый анализ показал, что Священное Писание является для житийной литературы важным элементом. Как правило, агиографы с его помощью дают характеристику событиям, показывают их значимость, предлагают иллюстрацию и объяснение поступков святых и иных персонажей, показывают их внутреннее состояние, подчёркивают верность Христу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Достигнутые результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях древнерусской литературы, большая часть которой имела религиозный характер. Помимо этого, представленный материал может быть использован при преподавании курсов русской литературы.

Ключевые слова: агиография, апостольские послания, Евангелие, житие, преподобный Стефан Махрищский, Псалтирь, Священное Писание, цитата

CITATION OF THE HOLY WRIT IN HAGIOGRAPHIC WORKS (ON THE EXAMPLE OF THE LIFE OF STEPHEN MAKHRISHCHSKY)

P. Sadykov

Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation
ul. Zhukovskogo 16, Moscow 16101000, Russian Federation

Abstract

Aim. We determine the place of the Bible in hagiographic literature on the example of the life of St. Stephen Makhrishchsky, as well as identify the main reasons that guided the authors of hagiographic works when using the biblical text.

Methodology. The paper considers the features of use and quoting of the Scripture in hagiographic literature, as well as its semantic load and the degree of variability. A comparison is performed with other literary monuments, primarily with the life of St. Sergius of Radonezh, as well as the liturgical Charter and hymnographic texts of the Orthodox Church. Use is made of the methods of descriptive, comparative and problem analysis, which allow for a more detailed study.

Results. It is shown that the Scripture is an important element for hagiographic literature. As a rule, hagiographers use it to characterize events, show their significance, offer an illustration and explanation of the actions of saints and other characters, demonstrate their inner state, and emphasize loyalty to Christ.

Research implications. The obtained results can be used in further studies of ancient Russian literature, most of which had a religious character. In addition, the presented material can be used in teaching Russian literature courses.

Keywords: hagiography, apostolic epistles, gospel, life, St. Stephen of Makhreshchsky, Psalter, Holy Scripture, quote

Введение

Автор любого агиографического произведения использует целый ряд литературных приёмов для украшения текста, усиления эмоционального фона повествования и более детального раскрытия семантики употребляемых словных и сверхсловных единиц [5, с. 125–188]. Нередко в качестве иллюстраций подвигов святых, объяснения его поступков используются фрагменты из Священного Писания. Причём, как правило, для каждого лика святых имеется свой набор библейских эпизодов, к которым прибегают агиографы.

Данная тема вызывает особый интерес в научной среде. Только за последнее десятилетие в свет вышло несколько работ, посвящённых месту библейского текста в русской агиографической традиции [4; 9]. И хотя обращение к священной истории не является обязательным для житийной литературы (например, в повести о Выдропусской иконе Божией Матери присутствует лишь несколько отсылок¹), зачастую именно она играет ведущую роль в раскрытии духовного смысла повествования.

Исследователи отмечают невозможность точного определения истинного смысла фрагментов тех или иных агиографических произведений без верного толкования употребляемых автором библейских цитат в духе христианской традиции. Так, Р. Пиккио пишет: «Без близкого знакомства с этими источниками истины (Священным Писанием, соборными определениями, святоотеческим наследием. –

П. С.) мы не сможем понять подлинного значения многих литературных текстов» [7, с. 433]. Безусловно, это связано прежде всего с особым отношением, которое было в Древней Руси к священным текстам [8, с. 115].

Для автора того времени они являлись не только носителями сакрального значения, но и образцом для создания любого текста, в особенности, когда речь заходила об аллегориях и символах. Практически каждый агиограф стремился написать притчу, провести некую аллюзию на важную духовную идею, примером исполнения которой становился святой [7, с. 435–436].

В. А. Тупиков выделяет две причины использования библейского текста в житиях святых и различного рода сказаниях. Одна из них уже была обозначена, и с ней невозможно не согласиться – иллюстрация духовного состояния, переживаний, объяснение поступков героев произведений [9, с. 73].

Другая же носит практический характер – стремление просветить простых верующих, не имеющих возможности самостоятельно изучить Священное Писание. Данную идею можно назвать несколько сомнительной, поскольку зачастую книжники использовали библейские фрагменты, наиболее часто употребляемые во время богослужения, т. е. те, которые были на слуху у простого народа². Крайне редко они выходили за привычные границы используемого материала. К тому же чтение

¹ РГБ Ф. 304. № 679. Л. 219.

² Алексеев А. А., Лихачева О. П. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1987. С. 74.

житийной литературы за богослужением уже к XVII столетию было минимизировано [6, с. 40–41], значит, соприкосновение с подобными текстами не могло иметь стабильного характера.

Классификация использования Священного Писания в житии преподобного Стефана Махрицкого

В житии преп. Стефана Махрицкого, написанном ориентировочно в XVI столетии, присутствует относительно небольшое количество отсылок к библейскому тексту¹. При помощи этого «автор раскрывает метафизический аспект земных поступков подвижника и показывает, что святой во всех своих делах поступал в соответствии со Словом Божиим» [2, с. 75].

Чаще всего цитата приводится без указания её библейского происхождения и нередко влагается в уста самого святого. Например, когда будущий преподобный решает уйти из Киева, где притесняется православная вера, он делает это, вспоминая слова из Псалтири (Пс. 118: 133–135): «Глаголя сице стопы моя направи по словеси твоему, да не одолеет ми всяко беззаконие. Избави мя от клеветы человеческия и сохрани заповеди твоя. Лице твоё просвети на раба Твоего и начи мя оправданием»².

Иногда агиограф указывает название книги, из которой берётся отрывок: «Поминая во святем Евангелии реченое; яко всяк смиряяся вознесется»³. Делает он это крайне редко и, как правило, при цитировании Псалтири. Иногда обозначает автора приводимых слов или того, к кому они были обращены: «Поминая Господне оно слово еже к праотцу Адаму в поте лица твоего снеси хлеб твой»⁴.

Большая часть библейских фрагментов, к которым прибегает игум. Иоасаф, составитель данного жития, регулярно используется за богослужением: либо это

фрагмент известного евангельского или апостольского зачал («Поминая апостола Павла глаголюща повинуйтесь наставником вашим и покаяйтесь, тии бо бдя о душах ваших, яко слово воздати хотяще»⁵), либо прокимна («Во всю бо землю изыде вещание их, и в конца вселенныя глаголы их»⁶), Псалтири («Настави мя Господи на путь Твои, и пойду во истине Твоей. Да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего»⁷), в более редких случаях – ветхозаветной паремии («Яко рече богогласный Исаия. Людие ходяще во тме свет восия им»⁸).

Автор рассматриваемого памятника находится в большой зависимости и от других преподобнических житий. Д. Клыгин пишет: «В определённой степени некоторые части жития преподобного Стефана Махрицкого можно назвать подражанием житию преподобного Сергия Радонежского (например, рассказ об основании Авнежского монастыря близок к эпизоду построения Киржачского монастыря в житии преподобного Сергия)» [2, с. 75–76]. Об этой несамостоятельности говорил ещё В. О. Ключевский [3, с. 279].

Прежде всего это выражается в использовании библейских образах, что зачастую является парафразом евангельских слов. Например, преп. Стефан традиционно для житийной литературы сравнивается со светильником: «Якоже светильницы на свещницах поставлены быша светити миру всему»⁹. Ср. Мф. 5: 15, Мк. 4: 21, Лк. 11: 33. При описании же заботы святого о своей братии и устройении монастыря игумен Иоасаф прибегает к словам апостола Павла (2 Кор. 6: 17), несколько их изменив: «Глаголя к себе апостольско слово сице, удержу си тело и порабошу е»¹⁰. Данный приём присутствует и в житии преп. Сергия, когда Епифаний даёт подробное объяснение отречению святого от

¹ В работе использован вариант жития, предложенный в РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 303–335.

² РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 310.

³ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 316.

⁴ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 311.

⁵ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 309.

⁶ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 304.

⁷ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 310.

⁸ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 305..

⁹ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 305.

¹⁰ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 309.

всего мирского: «Сам же не взя себе ничто же, по божественному апостолу рекшему: уметы вся вмених си, да Христа приобращу»¹.

Библейские отрывки как иллюстрация трудов святых

Стоит рассмотреть некоторые фрагменты из произведения с целью выделения основных функций используемых библейских фрагментов.

Во вступительной части автор жития, предлагая характеристику проповеди апостолов на Руси, приводит слова отца святого Иоанна Крестителя пророка Захарии, которые практически полностью идентичны церковнославянскому варианту Острожской Библии (далее – ОБ), чего нельзя сказать о тексте Чудовской рукописи (далее – ЧР): «Просветити (в ЧР – явитис) нас (в ОБ и ЧР – отсутствует) во тме и сени смертне и седящая, и направити ноги наша на путь мирен»². Евангельский отрывок, в состав которого входит указанный стих, за богослужением практически не читается, но стоит отметить: пророчество Захарии входит в состав девятой библейской песни³. Несмотря на это, вряд ли настоящие слова могли быть на слуху у простых верующих, поскольку, по мнению исследователей, библейские песни вышли из повсеместной практики Русской церкви уже к XV столетию [1, с. 18]. В данном случае словами из Священного Писания Иоасаф определяет суть любой миссии – привести к свету истины все народы, к чему призвал перед Вознесением Своих учеников Христос (см. Мф. 28: 19).

Деятельность апостолов характеризуется и словами из Псалтири, на что указывает сам автор: «Во всю бо землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их» (Пс. 18: 5), «По глаголющему пророку

Давиду»⁴. Этот отрывок довольно часто используется за богослужением, поскольку является апостольским прокимном и, следовательно, еженедельно возглашается в четверг перед чтением Апостола, тогда же его поют и в качестве запричастного стиха⁵. Царь Давид под ними подразумевал любое творение Божие, как одушевлённое, так и неодушевлённое, которое в любом случае призвано прославлять своего Создателя⁶. Указанные слова довольно чётко характеризуют деятельность учеников Христа, пошедших благовествовать миру спасение, принесённое Им. Игум. Иоасаф следует гимнографической традиции и использует данный отрывок для более наглядного описания деятельности апостолов.

Агиограф вспоминает предание, согласно которому ап. Андрей Первозванный предсказал появление великого православного города Киева. Местные жители не откликнулись на проповедь ученика Спасителя и оставались язычниками, пока спустя многие столетия князь Владимир не крестил свой народ в православную веру. Последнего автор жития сравнивает с Моисеем, который избавил еврейский народ от египетского рабства: «Егда воздвиже Господь Бог якоже Моисея вожа Израилю и наставника сице новому Израилю людем своим воздвиже великаго князя Владимира ... сей не от египтана работы изведе, но от идолослужения работы избави. Не море чювьственное проведе, но неверия море мыленное крестною палицею раздели»⁷. Для христианской традиции довольно характерным является образ египетского рабства как пребывания во грехе, неверия или зависимости от языческих убеждений и т. д.

Так, в Великом покаянном каноне преп. Андрея Критского в одном из тропарей говорится: «Волны Спасе прегрешений моих яко в мори чермнем возвращающиеся,

¹ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв. М.: Художественная литература, 1981. С. 294.

² РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 303.

³ Ирмологий / сост. Е. Кустовский. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. С. 176.

⁴ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 304.

⁵ Апостол Богослужебный. М: Изд-во Московской Патриархии, 2006. С. 229.

⁶ Евфимий Зигабен. Толковая Псалтирь. М.: Синтагма, 2002. С. 149.

⁷ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 304.

покрыша мя внезапно, яко египтяны иногда, и тристаты»¹.

Автор жития по отношению к славянам использует такое устоявшееся понятие, как *новый Израиль*, под которым понимается новозаветная Церковь². В Священном Писании можно найти немало количество фрагментов, в которых верующие в Спасителя противопоставляются ветхозаветному израильскому народу. Наиболее подробно об этом пишет в своём первом послании апостол Пётр (см. 1 Пет. 2).

Прибегает к библейскому тексту игумен Иоасаф и во вступительной части жития. Когда спрашивает Божественной помощи для осуществления задуманного труда, он говорит о страхе уподобиться ленивому рабу из евангельской притчи: «И боящу же ми ся притча оного лениваго раба съкрывшаго иногда талант»³. В этом выражается твёрдая уверенность книжников того времени, что написание любого духовного текста происходит исключительно благодаря действию свыше [10, с. 6–7].

А значит, подобное обращение является неотъемлемой составляющей любого агиографического произведения.

Повествуя о начале монашеского подвига преп. Стефана, автор жития приводит немало количество цитат из Священного Писания и отсылок к нему. Как правило, их он влагает в уста святого и указывает название библейской книги или автора. Все используемые отрывки характеризуют святого как исполнителя Божественных заповедей, твёрдо решившего последовать своему Учителю.

Так, описывая постоянное сосредоточение святого на молитвенном делании и аскетических трудах, игум. Иоасаф прибегает к словам из Псалтири (Пс. 15: 8), которые свидетельствуют о постоянном пребывании Бога с человеком, доверившим Ему свою жизнь: «Всегда поминая псаломское

слово в сердцы своем глаголя предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть да ся неподвижу»⁴. Вероятнее всего, агиограф вновь это заимствует из жития преп. Сергия, где слова царя Давида звучат в точно таком же контексте⁵.

Труды преп. Стефана сравниваются с восхождением по лестнице (Пс. 83: 6), соответственно, подчёркивается его постоянное духовное развитие: «Восхождение въ сердцы полагая»⁶. Все свои действия святой всегда проверяет Священным Писанием, стремясь воплотить в жизнь выраженные в нём идеалы: «Поминая апостола глаголюща, яко видима временна, невидима же вечна»⁷. Монашеское послушание, в особенности духовному наставнику, также объясняется словами апостола Павла: «Поминая апостола Павла глаголюща повинуйтесь наставнику вашему и покоряйтесь, тии бо бдя о душах ваших, яко слово воздати хотяще»⁸.

Неоднократно подчёркивается постоянная работа преподобного по укреплению обители, заботе о братии, что всегда сопровождается библейским обоснованием. Ср. описание милосердия святого: «Поминая премудраго Соломона глаголюща, чтю Господа от твоих праведных трудов»⁹, – указание на почитание со стороны монахов и местных жителей: фрагмент из Нагорной проповеди (см. Мф. 5: 14) – «Ни также возможе таитися преподобный от человек в пустыни сии. Якоже ни град верху горы стоя укрытиса может»¹⁰; Ис. 66: 2 – «О сих бо сам глаголет на кого рече призрю но на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго моих словес»¹¹ и т. д.

Игум. Иоасаф подобно Епифанию говорит и о важной задаче монашеской жизни – усмирении своего тела, достижении того состояния, когда страсти и пороки не способны обладать человеческим желанием.

¹ Триодь постная. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2003. С. 103.

² Иларион (Алфеев), митр. Таинство веры. Введение в православное богословие. М.: Познание, 2021. С. 132.

³ РГБ. Ф. 304 № 679. Л. 306.

⁴ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 309.

⁵ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 332.

⁶ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 309.

⁷ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 309.

⁸ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 309.

⁹ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 311–311 об.

¹⁰ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 312.

¹¹ РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 312.

Для иллюстрации данной мысли агиографы используют парафраз 1 Кор. 9: 27: «Глаголя к себе апостольско слово сице, удержу си тело и порабожду е»¹.

У обоих агиографов встречаются эпизоды, когда приводится несколько синонимичных библейских цитат в однородном ряду. В житии преп. Стефана это встречается при описании смиренного образа святого, его трудов наравне с братией монастыря. Здесь в одном ряду стоят фрагмент из притчей Соломона и два – из Нагорной проповеди: «Поминая рекшаго милуя нищя Богу взаим дает» (Притч. 19: 17); «и паки блаженны милостивии, яко тии помиловани будут»; «и паки будите милостивии яко же отец наш небесный милостив есть» (Лк. 6: 36)². Нечто подобное делает Епифаний, когда даёт объяснение монашескому отречению от мира св. Сергия: Ис. 52: 11; 2 Кор. 6: 17³.

Выше уже приводились примеры, когда святой или его действия сравниваются с сюжетом притч или аллегорий, предложенной в Евангелии Спасителем. В житии преп. Стефана присутствуют примеры, когда библейские образы относят не к персонажам, а к событиям. Например, говоря о притеснении православных католиками в Киеве, игумен прибегает к притчам о сеятеле (Мф. 13: 1–9) и плевелах (Мф. 13: 24–30): «Якоже класы пшеничны тернием подавляеми»⁴, – т. е. под пшеницей понимаются верно хранящие истинную веру, а под тернием – набирающие обороты и популярность католики.

Для русича того времени вопрос взаимоотношения с инославными был довольно болезненным, и автор жития жёстко отсекает возможность любого контакта православного монаха с католиками словами апостола Павла (2 Кор. 6: 14–16): «Кое бо причастие свету ко тме, или кая часть верну с неверными или кое сложе-

ние Церкви Божии со идолами, кое ли согласие Христови к велиару глаголет божественный апостол»⁵. Именно по этой причине будущий святой и уходит из родного Киева в Москву, восприняв слова апостола Павла за призыв (2 Кор. 6: 17): «Изыдите от среды их и отлучитесь и нечистоте не прикасайтесь»⁶. Стоит отметить: игум. Иоасаф называет эти слова пророческими, а не апостольскими, как ранее. Это можно объяснить так: данный стих имеет продолжение и в нём приводятся слова из пророка Иеремии, которые толкователи склонны относить к своему времени⁷. В противном случае агиограф просто допустил ошибку, что может указывать на воспроизведение им библейских цитат по памяти.

Заключение

Таким образом, цитаты из Священного Писания и отсылки к нему в рассмотренном житии используются прежде всего с целью проиллюстрировать поступки преп. Стефана (крайне редко иных персонажей произведения), его духовное состояние и переживания, дать характеристику происходящим событиям. Благодаря им создаётся впечатление постоянного пребывания святого в молитвенном делании, неотъемлемой частью которого для любого верующего являются чтение Библии и размышление над её содержанием.

Важно, что святой всегда руководствуется именно Священным Писанием, а следовательно, не просто стремится формально называться христианином, но постоянно духовно совершенствуется и старается исполнить в жизни всё заповеданное Иисусом Христом, апостолами и пророками.

В качестве основных монашеских подвигов, подчёркнутых отсылками к Священному Писанию, в которых посто-

¹ РГБ. Ф. 304. № 679 Л. 309.

² РГБ. Ф. 304. № 679 Л. 313.

³ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачёв. М.: Художественная литература, 1981. С. 294.

⁴ РГБ. Ф. 304. № 679 Л. 309.

⁵ РГБ. Ф. 304. № 679 Л. 309.

⁶ РГБ. Ф. 304. № 679 Л. 310.

⁷ Иоанн Златоуст, свт. Толкование на Второе послание к Коринфянам // Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста: в 12 т. Т. 10. Кн. 2. М., 2004. С. 529.

янно пребывает святой, можно назвать полное доверие себя Богу, послушание священноначалию, отказ от всего земного, а тем более богопротивного, смирение и оказание поддержки окружающим.

Стоит отметить, что используемые игум. Иоасафом библейские отрывки, как правило, хорошо известны человеку того времени. Многие из них довольно часто бытуют в преподобнических житиях (здесь прослеживается его несомненная зависимость от творчества Епифания Премудрого), а также читаются за богослужением. Больше всего цитат из Евангелия, посланий апостола Павла и Псалтири, реже из притчей Соломона, многие фрагменты из которых используются в качестве паремий на вечернях.

При этом точная ссылка на библейскую книгу содержится крайне редко. Она присутствует, как правило, когда это касается ветхозаветных книг: либо Псалтири, либо притчей Соломона. При цитировании евангельского текста агиограф делает общую отсылку к Евангелию без конкретного указания автора. То же самое касается и павловых посланий.

Всё это позволяет назвать автора жития преп. Стефана типичным агиографом того времени, для которого свойственны начитанность, хорошее знание литературной традиции времени, отступать от которой на тот момент было ещё немислимо.

Статья поступила в редакцию 16.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А. Об изменениях в чинопоследовании утрени во время книжной справы в XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. Вып. 75. С. 11–27.
2. Клыгин Д. Житие преподобного Стефана Махрищского. История текста. Церковноисторическое значение. Сергиев Посад: Троице-Сергиева Лавра, 2000. 191 с.
3. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Издание К. Солдатенкова, 1871. 465 с.
4. Кузьмина М. К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 630 с.
5. Медведев А. А. Поэтика святительских житий (на материале житий святых Петра, Алексия и Ионы Московских): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 214 с.
6. Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных / под ред. Е. Потехиной, А. Краецкого. Олштын: Университет Вармии и Мазур, 2013. 204 с.
7. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства / пер. О. Беловой // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М.: ЯСК, 2003. С. 432–473.
8. Садыков П. Д. Особенности древнерусских богородичных сказаний // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. 2021. № 1. С. 115–117.
9. Тупиков В. А. Особенности цитирования Священного Писания в оригинальных произведениях русской агиографии (на материале произведений Епифания Премудрого): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 196 с.
10. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: Академика, 2015. 512 с.

REFERENCES

1. Andreev A. A. [On Changes in the Rites of Matins during the Book Reference in the 17th Century]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University], 2018, no. 75, pp. 11–27.
2. Klygin D. *Zhitie prepodobnogo Stefana Makhryshchskogo. Istoriya teksta. Tserkovnoistoricheskoe znachenie* [Life of St. Stephen Makhryshchsky. Text History. Church Historical Significance]. Sergiev Posad, Trinity-Sergius Lavra Publ., 2000. 191 p.
3. Klyuchevsky V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik* [Old Russian Lives of the Saints as a Historical Source]. Moscow, K. Soldatenkov's Publ., 1871. 465 p.

4. Kuz'mina M. K. *Funktsii bibleiskikh tsitat v drevnerusskikh prepodobnicheskikh zhiitiakh XV–XVII vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [Functions of Biblical Quotations in Ancient Russian Saints' Lives of the 15–17th Centuries: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 630 p.
5. Medvedev A. A. *Poetika svyatitel'skikh zhitii (na materiale zhitii svyatykh Petra, Aleksiya i Iony Moskovskikh): dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of Saints' Lives (Based on the Lives of Saints Peter, Alexy and Jonah of Moscow). Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2017. 214 p.
6. Potekhina E., Kravetsky A., eds. *Minei: obrazets gimnograficheskoi literatury i sredstvo formirovaniya mirovozzreniya pravoslavnykh* [Menaia: An Example of Hymnographic Literature and a Means of Forming the Orthodox Worldview]. Olsztyn, University of Warmia and Mazury Publ., 2013. 204 p.
7. Pikkio R. The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of "Slavia Orthodoxa" (Rus. ed.: Belova O., transl. *Funktsiya bibleiskikh tematicheskikh klyuchei v literaturnom kode pravoslavnogo slavyanstva*). In: Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Orthodox Slavia: Literature and Language]. Moscow, YASK Publ., 2003, pp. 432–473).
8. Sadykov P. D. [Features of Ancient Russian Theological Legends]. In: *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki: nauchnyi zhurnal* [Topical Issues of Church Science: A Scientific Journal], 2021, no. 1, pp. 115–117.
9. Tupikov V. A. *Osobennosti tsitirovaniya Svyashchennogo Pisaniya v original'nykh proizvedeniyakh russkoi agiografii (na materiale proizvedenii Epifaniya Premudrogo): dis. ... kand. filol. nauk* [Peculiarities of Citing the Holy Scriptures in the Original Works of Russian Hagiography (Based on the Essence of Epiphanius the Wise): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2011. 196 p.
10. Uzhankov A. N. *"Slovo o polku Igoreve" i ego epokha* ["The Tale of Igor's Campaign" and Its Era]. Moscow, Akademika Publ., 2015. 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Садыков Пётр Дмитриевич – ведущий специалист Федерального института родных языков народов Российской Федерации;
e-mail: psadykov@natlang.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr D. Sadykov – Leading Specialist, Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation;
e-mail: psadykov@natlang.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Садыков П. Д. Цитирование Священного Писания в агиографических произведениях (на примере жития преп. Стефана Махрищского) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 90–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-90-97

FOR CITATION

Sadykov P. D. Citation of the Holy Writing in Hagiographic Works (On the Example of the Life of Stephen Makhrishchsky). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 90–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-90-97

УДК 82-22

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-98-106

КОМЕДИЯ В. П. КАТАЕВА «МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ»: КРИТИКО-ИРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Халилов Р. О.*Литературный институт имени А. М. Горького**123104, г. Москва, Тверской б-р, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и исследовать авторский критико-иронический аспект, направленный на положительных персонажей комедии В. П. Катаева «Миллион терзаний».

Процедура и методы. Проанализированы критика, рецензии, статьи авторов советского и постсоветского периодов. При исследовании использовались возможности структурного, социологического методов изучения литературы. Проведён выборочный анализ произведения, выделена исследуемая группа персонажей, определены использованные автором художественные элементы.

Результаты. Итоги исследования возмещают незавершённость критического подхода к пьесе, в советский период связанную с политкорректностью, цензурой, в новейшее время – с отсутствием исследовательского интереса к драматургии 1930-х гг. С появления комедии на публике считалось, что «Миллион терзаний» – остросатирическое произведение. Однако проведённый анализ позволил установить присутствие второго содержательного плана комедии. Исследование показало, что автор в пьесе выступает с активной критикой правящего класса – пролетариата. Обращёнными диалогами (голос автора), аллюзией к работе Д. С. Мережковского «Грядущий хам» автор направляет внимание читателя, зрителя на положительных персонажей комедии. Прикрытый острой сатирой, в большей части расположенный в поле содержания критико-иронический аспект комедии указывает на тревожащие автора черты социокультурного облика нарождающейся рабочей интеллигенции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установленный исследованием авторский критико-иронический аспект пьесы «Миллион терзаний» послужит целостному пониманию произведения в контексте драматургии начала 1930-х гг. Материалы исследования могут быть использованы на лекциях по драматургии 1920-30-х гг. прошлого века, семинарах, посвящённых драматургии Валентина Катаева. Результаты работы могут быть использованы художественными руководителями театров, режиссёрами, сценографами в постановке драматургических произведений Катаева на сцене.

Ключевые слова: «Грядущий хам», драматургия, В. Катаев, комедия, «Миллион терзаний», путчик, СССР

V. P. KATAEV'S COMEDY "A MILLION TORMENTS": CRITICAL AND IRONIC ASPECT

R. Khalilov*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing**Tverskoy blvd. 25, Moscow 123104, Russian Federation*

Abstract

Aim. We identify and investigate the writer's critical and ironic aspect aimed at the positive characters of V. P. Kataev's comedy "A Million Torments".

Methodology. The criticism, reviews, articles of the writers of the Soviet and post-Soviet period are analyzed. The study makes use of structural and sociological methods of studying literature. A selective analysis of the work is carried out, the studied group of characters is identified, and the artistic elements used by the author are determined.

Results. The results of the study compensate for the incompleteness of the critical approach to the play, which in the Soviet period was associated with political correctness, censorship, and in recent times with the lack of research interest in the drama of the 1930s. Since the appearance of the comedy in public, "A Million Torments" was considered to be a sharply satirical work. However, the analysis established the presence of a second semantic and meaningful plan of the comedy. The analysis showed that the author in the play makes an active criticism of the ruling class – the proletariat. With the turned dialogues (the author's voice), an allusion to the work of D. S. Merezhkovsky "The Coming Boor", the writer directs the attention of the reader and the viewer to the positive characters of the comedy. With sharp satire, the critical and ironic aspect of the writer, mostly located in the field of content, points to the disturbing features of the socio-cultural appearance of the nascent working intelligentsia.

Research implications. Kataev's critical and ironic aspect in the play "A Million Torments" can serve for holistic understanding of the work in the context of the drama of the early 1930s. The research materials can be used at lectures on drama of the 1920–30s of the last century and seminars dedicated to the drama of V. Kataev. The results of the work can be used by artistic directors of theaters, directors, and stage designers in staging Kataev's dramatic works on stage.

Keywords: "The Coming boor", dramaturgy, V. Kataev, comedy, "A million torments", fellow traveler, USSR

Введение

Так называемый «Великий перелом»¹ конца 1920-х гг. в СССР был началом политики тотальной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Создание мобилизационной экономики в последующие годы сопровождалось политическими репрессиями во всех областях социально-культурной жизни СССР. Попытки писателей и драматургов выйти за рамки существующих идеологических концепций пресекались цензурой.

Стремясь обойти барьеры цензуры, В. Катаев, М. Булгаков, А. Платонов, Е. Шварц в своих пьесах использовали приёмы подтекста, тайнописи, скрытой сатиры.

В пьесе Булакова «Иван Васильевич» (1934 г.) скрытый замысел автора расположен в области множественности ассоциативных рядов, «двуплановости» [7, с. 250] комической интриги, комическом смещении «лексических уровней» [7, с. 250]. Булгаков, «изображая Ивана

Грозного и его царство, имел в виду Сталина и сталинизм; к этому отсылают литературно-исторические, автобиографические и данные фигурального концепта...» [7, с. 251].

В пьесе «Голос отца» (1939 г.), исследованной Э. Найманом [6], Платонов, «искусно "прикрывая" семантику (диалога Отца и сына. – Р. Х.) знаками умолчания» [3, с. 151], а также используя «приём аллюзивной (А. С. Пушкин. "Андрей Шенье") характеристики Вождя (Сталин)» [3, с. 158], выражал свой протест, всю силу своего «сопротивления трагической современности» [3, с. 158].

Пьеса «Дракон» (1943 г.) Шварца, «начатая ещё до Великой Отечественной войны и воспринятая как политическая сатира на сталинский режим, задумывалась автором как обличение фашизма в сказочной форме» [1, с. 14]. Скрытый под жанром сказки, гротеска, художественный мир произведения воссоздаёт «новый контекстуальный пласт, в котором наиболее полно раскрыты философские представления автора» [1, с. 14].

¹ Сталин И. В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Ленинградская правда. 1929. № 259. 3 нояб.

Тщательно скрытый замысел авторов вышеперечисленных пьес не смог защитить их от запрета цензуры. Пьесы были изданы и увидели сцену только через несколько десятилетий. Катаеву удалось опубликовать (в 1931 г.), добиться постановки на сцене (в 1932 г.) пьесы «Миллион терзаний» и тем сохранить актуальность и злободневность.

Проблема интеллигенции в послереволюционном советском государстве конца 1920-х – начала 1930-х гг. волновала власть и общество, широко обсуждалась в прессе¹, диспутах, собраниях. Социокультурный облик нарождающейся рабочей интеллигенции вызывал у Катаева острое неприятие. Свои мысли и наблюдения по отношению к правящему классу, прикрытые комической путаницей, случайными недоразумениями, острыми яркими диалогами, динамикой внешнего действия, автор отразил в пьесе «Миллион терзаний».

В апреле 1931 г. в журнале «Красная Новь» вышла первая публикация комедии «Миллион терзаний»². Театральная премьера комедии состоялась в Московском театре оперетты осенью 1932 г. Музыка для водевиля написал И. Дунаевский. В последующие годы «Миллион терзаний» с успехом ставился в России и за рубежом. В советский период Л. Скорино³, В. Фролов⁴, М. Микулашек [5], Н. Киселёв [2], Л. Климова⁵ и другие исследователи творчества В. Катаева, журнальная и газетная критика отмечали острую сатиру комедии и невыразительность изображения положительных персонажей – нарождающуюся рабочую интеллигенцию. В новейшее время М. Литовская [4],

С. Шаргунов⁶, М. Шиленок [8] подчёркивают колкую сатиру и не добавляют подробностей в характеристику некомедийных (положительных) персонажей пьесы. Критики советского и постсоветского времени, за исключением незначительных деталей, не шли дальше общего описания положительных персонажей комедии. Например: «наследники великих гуманистических традиций прошлого, носители подлинной культуры»⁷ или «положительные герои ... даны эскизно ... образуют лишь контраст»⁸. Ограниченность критического подхода к пьесе в советский период была связана с политкорректностью, цензурой, в новейшее время – с отсутствием исследовательского интереса, неактуальностью драматургии 1930-х гг. Анализ концентрирует внимание на положительных персонажах комедии, именно на них направлен критико-иронический взгляд автора. В работе мы оставляем без внимания сатиру пьесы, драматургические приёмы, средства комедийности, сосредоточив внимание на теме исследования. С момента первого появления комедии «Миллион терзаний» в публичном пространстве и по настоящее время мы не встретили ни одной публикации, затрагивающей тему иронии.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. знаменуется сворачиванием проекта НЭП, началом первой пятилетки, идейно-политической борьбой в партии. Это время стало решающим в жизни и творчестве автора. Упрекаемый в «попутничестве», «приспособленец», «делец»⁹ Катаев активно защищался. Помимо литературно-прагматических целей, пьеса «Миллион терзаний» является этапом литературно-политической борьбы Катаева.

¹ Динамов С. К. проблеме интеллигенции // На литературном посту. 1929. № 1. Янв.

² Катаев В. П. Миллион терзаний // Красная Новь. 1931. № 4. Апр.

³ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Сов. писатель, 1965. 367 с.

⁴ Фролов В. О советской комедии. М.: Искусство. 1954. 340 с.

⁵ Климова Л. П. Театр и драматургия. Катаев-драматург // Труды ГНИИ театра, музыки и кинематографии. Вып. 1. Л.: 1959. 449 с.

⁶ Шаргунов С. Катаев: Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия., 2017. 671 с.

⁷ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Сов. писатель, 1965. С. 210.

⁸ Микулашек М. Пути советской комедии 1925–1934 гг. Прага: ТИСК, 1962. С. 209.

⁹ Машбиц-Веров И. М. Писатели и современность: статьи. М.: Федерация, 1931. С. 57.

Анализ комедии

Известно, что интеллигенция в государстве является одной из основных сил развития культуры, науки, общественной мысли. Начало эпохи индустриализации, тектонические социально-экономические, общественно-политические сдвиги как никогда умножили роль интеллигенции в государстве конца 1920-х – начала 1930-х гг. Изображаемый в комедии сниженный социокультурный облик нарождающейся рабочей интеллигенции является авторским отражением явлений, происходящих в советском обществе. Автор указывает на точный хронотоп действия в комедии: это Москва, 1931 год. В редакции первого издания, в ремарке к первому действию говорится: «Действие происходит в наши дни, в Москве, в конце августа...»¹. В тексте пьесы звучит фраза: «На четырнадцатом году пролетарской революции...»².

Образ сатирического героя, «интеллигента» Экипажева, отдан в распоряжение самоуничтожающему комикованию с целью развеселить публику. Вместе с тем В. Россоловская в статье «Творчество Валентина Катаева» говорит, что «Экипажеву противопоставлена новая советская, пролетарская интеллигенция – семья рабочего Парасюка»³. Противопоставляя шута Экипажева некомическим (положительным) персонажам, автор ставит их в проблематичное положение, положение сравнения. В сопоставлении с Экипажевым семья Парасюков – нарождающаяся «пролетарская интеллигенция»⁴ – изображается автором несомненно предпочтительней. Однако в сопоставлении моральных и культурных качеств личности «интеллигента» Экипажева и рабочей семьи, соци-

окультурный облик последних оставляет ощущение двойственности.

Комедийная ситуация внешнего действия, пронизывающая всё произведение, построена на путанице, центром интриги которой является «хам». Для «интеллигента» Экипажева «хамом» представляется упаднический образ советского рабочего (с его низкой культурой, моральной деградацией, пониженной социальной ответственностью). Реплики, фигуры речи, связанные с этим словом, в тексте пьесы звучат множество раз: и как голос автора, и как фраза живого диалога персонажей. Комическая путаница, мотивированная глупостью и интеллектуальной ограниченностью шута Экипажева, изображается действительно комедийно и вызывают неподдельный смех. Вместе с тем слово «хам» выходит за пределы комического диалога и ориентируется на зрителя:

Парасюк. Да, но Чарльз Дарвин...

Экипажев. Дарвин... ... Настоящий человек есть настоящий человек, а хам есть хам⁵.

И ещё:

Парасюк. У нас нет мастеровых. У нас рабочие.

Экипажев. Это безразлично. Мастеровой, рабочий – одно и то же. По-ихнему – рабочие, а по-нашему – хамы⁶.

Комической путаницей, построенной на упадническом образе советского рабочего, словом «хам», обращённым к вдумчивому читателю, зрителю, автор направляет внимание на положительных персонажей комедии. Аллюзией фразы «хам» являлась одна из известных работ Д. С. Мережковского «Грядущий хам»⁷. Без сомнения, статья Мережковского была известна критикам, рецензентам «Миллиона терзаний». Дабы не поднимать сложную, спорную дискуссию по отношению к «пролетарской интеллигенции», советские кри-

¹ Катаев В. П. Миллион терзаний // Красная Новь. 1931. № 4. Апр. С. 24.

² Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 224.

³ Россоловская В. Творчество Валентина Катаева // Молодая гвардия. 1933. № 6. Июнь. С. 174.

⁴ Там же.

⁵ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 223.

⁶ Там же.

⁷ Мережковский Д. С. Грядущий хам. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 185 с.

тики предпочли обойти её умолчанием, сосредоточив внимание на безобидной феерической сатире комедии. В постсоветское время М. Шиленок упомянул статью Мережковского, но при этом не стал развивать эту тему, сосредоточив внимание в своей работе о «Миллионе терзаний» на внешнем действии комедии [8].

От работы Мережковского к отражению в комедии советской реальности Катаев протягивает связующую линию. Нравственное перерождение, духовное падение общественного сознания Европы и России является одним из основных мотивов статьи «Грядущий хам». Опасения у автора «Миллиона терзаний» вызывают пережитки нравственного упадка прошлого, наблюдаемые в среде рабочей интеллигенции уже в советское время. В 1930-е гг. критик В. Россоловская, давая общую характеристику положительным персонажам, обратила внимание на отсутствие культурных качеств в образе семьи Парасюков. Критик жалеет, что акцент автором в изображении нарождающейся рабочей интеллигенции сделан «не на общественно-производственную деятельность Парасюков, не на качественное отличие их культуры...»¹.

Прикрытая путаницей, случайными недоразумениями, совместно с динамикой и острыми яркими диалогами внешнего действия, критика автора, основная часть которой находится в области содержания, не привлекает внимания. Вместе с тем при внимательном рассмотрении поступков, деталей быта, диалогов отчётливо видны сниженные моральные, культурные стороны образа положительных героев комедии. Не акцентируя внимания на образе положительных персонажей (Иван Парасюк, Агнесса, Шура), Климова отмечает: «...они объясняются на грубоватом жаргоне (“не будь я гадом”, “погоди не рыпайся”, “малахольная”, “спятил”, “морду прячу”»)².

И всё же основное критическое внимание автор концентрирует на формирующейся прослойке советского общества – нарождающейся рабочей интеллигенции – семье Парасюков. Из действия комедии мы выделим сцены, связанные с этой семьёй, и прокомментируем их.

Иван Парасюк, коммунист, учащийся Комакадемии, муж Агнессы, дочери «интеллигента» Экипажева, в гостях у Экипажева:

Парасюк (осматривается). Это, вероятно, Анечкина мама. Красивая женщина. Достоевский... Интеллигенция! «Муж вашей дочери... и цыц...»³.

В монологе Парасюка – мысли вслух – в адрес дореволюционной интеллигенции слышится чувство умиления, почтения. Однако при упоминании факта родства с семьёй Экипажевых Парасюк дистанцируется:

Шура. А ты что, в зятя к Экипажеву заделался?

Парасюк. Экипажев сам по себе, а я сам по себе⁴.

По сюжету образ Ивана Парасюка должен выглядеть открытым, прямым и решительным примером советского рабочего. Однако без посторонних у Парасюка один облик в обществе, на людях другой. Автор показывает многоликость Парасюка, скрытым основанием которой является двоедушие.

В третьем, последнем, действии комедии драматургическим приёмом «зритель знает – персонажи не знают» автор ставит пролетарскую семью в обстоятельства иронического положения и тем определяет своё отношение к положительным персонажам – семье Парасюков. Действительно: озабоченное ожидание, праздничная подготовка и, наконец, встреча «советских

¹ Россоловская В. Творчество Валентина Катаева // Молодая гвардия. 1933. № 6. Июнь. С. 174.

² Климова Л. П. Театр и драматургия. Катаев-драматург // Труды ГНИИ театра, музыки и кинематографии. Вып. 1. Л.: Искусства, 1959. С. 124.

³ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 222.

⁴ Там же.

людей-тружеников»¹ с шутом Экипажевым выглядит нелепо. Все сцены, представленные ниже, из третьего действия.

Для Парасюков личное знакомство с «интеллигентом» Экипажевым является торжественным, значительным событием.

Мать. Ты что же, всю нашу фамилию осрамить хочешь? Знаешь, какого человека мы к себе в гости ждём? И ты хочешь перед этим интеллигентным родственником появиться такой неумытой хрюшкой?²

Отец и дедушка Парасюки моются специально к приходу уважаемого гостя-родственника – «интеллигента» Экипажева. Несомненно, автор видоизменяет на многие века закрепившееся за простым мужиком выражение власть имущих – «неумытое рыло». Вместе с тем для закрытой, бытовой среды у Парасюков один физический облик (до встречи с Экипажевым можно быть «неумытой хрюшкой»), а для внешней – иной. Автор показывает небеспочвенность пережитка прошлого, внутрибытовую культуру семьи Парасюков. Да и сама фамилия их говорит о многом: она явно не предназначена для положительных героев.

В ремарке ко второму явлению третьего действия автор изображает отца Парасюка в халате после ванной: «Из ванной выходит отец. Он в синем холщовом халате, мокрый, причёсывается»³. Этой сценой автор отсылает зрителя и читателя к популярной пьесе Е. Яновского «Халат» 1929 г. Символ мещанства – домашний халат, подаренный группой заискивающих подхалимов, чуть окончательно не погубил начинающего «утопать» в болоте обывательщины, «заслуженного партизана», ответработника, коммуниста Корякина⁴.

Елизавета Осиповна Парасюк в ожидании «профессора» Экипажева, польщена и смущена, несколько раз употребляет фразу из старорежимного лексикона.

Мать (отцу). Слышишь? Сейчас сам придёт. А ты в халате, как арестант. Ступай хоть в пиджак переоденься⁵.

Именованьем «сам» Елизавета Осиповна подчёркивает преимущество «на четырнадцатом году пролетарской революции»⁶ общественного положения Экипажева. Завоевание советской власти в борьбе против социальной иерархии в этой сцене нивелируется пережитком до-революционного унижительного благоговения перед классовым различием.

В процессе подготовки к встрече родственника-интеллигента Елизавета Осиповна спрашивает сына Ивана, кушает ли Экипажев «пирог с груздями» и «заливного судака»:

Парасюк. Кушает, кушает. Он у нас всё кушает.

Мать. Сразу видать образованного человека. (Вытаскивает и ставит на подоконник фикус.)⁷

Во взгляде, где образованность определяется по предпочтениям к еде, автор с юмором обращает внимание на примитивность понимания основ культуры.

Отец Парасюк обнял жену Елизавету Осиповну.

Парасюк. Она и он, луна, балкон. Я давно подозревал, что у меня родители Ромео и Джульетта⁸.

Аллюзией из Шекспира автор выделяет образованность Парасюка. Вместе с тем автор обращает внимание читателя, зрителя на неудачное и неуместное сравнение, топорность применения цитаты.

¹ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Советский писатель, 1965. С. 210.

² Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 233.

³ Там же. С. 232.

⁴ Яновский Е. Г. Халат. Комедия-сатира в 5 действиях. М.-Л.: МОДПИК, 1929. С. 77.

⁵ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 233.

⁶ Там же. С. 224.

⁷ Там же. С. 234.

⁸ Там же.

Беседа отца Парасюка с Экипажевым о книгах:

Экипажев. Книги-с. Когда, я вас спрашиваю, когда наконец наш тёмный, невежественный, хамский народ начнет читать книги? «Эх, эх, придёт ли времечко, придёт ли... – гм... – желанное, когда мужик не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесёт...»¹.

Цитату из Некрасова, риторическую фразу диалога, обращённую к читателю, зрителю (голос автора) Парасюк принимает на свой счёт, отвечает на не задаваемый ему вопрос:

Отец. Гоголь есть. Пять томов. Старенький, но в переплёте. А Белинский госиздатовский... Но, к сожалению, без переплёта. Всё никак не соберусь. Общественная работа заедает. ... Зато Шекспиром могу похвастаться. Брокгауза и Ефрона издание².

Несомненно, в сравнении с библиотекой Экипажева («Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона... И ещё кое-что...»³) библиотека Парасюка выглядит предпочтительней. Однако при всей очевидности стремления к знаниям Парасюка автор в этой сцене тонким намёком на внешнее оформление книг – «в переплёте», «без переплёта» – указывает на декорацию из книг, украшение интерьера из книг, часто встречаемое в мещанском быту.

В сценах третьего действия портретами Энгельса, Дзержинского, Белинского, Блока автор обращает внимание на неуместность их количества в одной комнате, а также тенденциозность, односторонность взгляда на русскую культуру семьи Парасюков.

В далёком прошлом дедушка Парасюк, работая дворником в доме у Экипажевых, сохранил научную брошюру Экипажева:

Входит дедушка с брошюрой.

Дедушка. Вот она, брошюрка-то. Книжечка. Вы мне её тогда ещё подарили. Для народного просвещения. Она у меня всегда в сундучке. Вот-с⁴. («Несколько интимных мыслей по вопросу об однополой любви...»).

Увлечшись содержанием брошюры (эротическим), дедушка многие годы не расставался с ней. Этой сценой автор отмечает круг интересов дедушки Парасюка.

Иван Парасюк читает эту брошюру:

Парасюк (берёт брошюру, читает). «Несколько интимных мыслей по вопросу об однополой любви в Древней Греции, с иллюстрациями, сочинение доктора эстетики А. Э. Экипажева». Пустячок – философическая брошюрка!.. Гм...⁵.

Название брошюры, без сомнения, вызывает комический эффект, однако работа доктора наук не может быть «пустячком». Иван Парасюк показывает очевидные амбиции, завышенное самомнение.

В порыве отчаяния Экипажев восклицает: «...Вот до чего довели великую русскую интеллигенцию! Затравили!»⁶ Возражая Экипажеву и принимая на свой счёт, отец Парасюк нескромно пикирует: «Насчёт интеллигенции это вы, положим, бросьте»⁷.

Название комедии «Миллион терзаний», кроме значений, высказанных критиками в отношении внешнего сатирического действия, проецируется на ещё большее количество «терзаний» по отношению к образу нарождающейся рабочей интеллигенции.

Заключение

Валентин Катаев на краю дозволенного (критика правящего класса) осторожно оформляет своё критико-ироническое высказывание по отношению к социальному слою общества – «пролетарской интеллигенции». Мастерски выстроенный художественный рисунок действия по отношению

¹ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 236.

² Там же.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 245.

к нарождающейся рабочей интеллигенции – средства комедийности, портреты, детали быта – позволили автору решить эстетическую задачу: совместить жизненно необходимую критику и тонкую иронию. Отсылая читателя, зрителя к работе Мережковского «Грядущий хам», автор указывает на пережитки общественного сознания, отмеченные в ростках социокультурного облика пролетарской семьи

Парасюков. Наблюдения автора приобретают особую ценность, поскольку тревога и опасения, отображённые в комедии, оказались небезосновательными. Деградация элиты в СССР, основоположником которой была рабочая интеллигенция, стала одним из основных причин распада нашей страны.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велиев Р. Ш., Прищепа В. П. Образ Ланцелота в творчестве драматурга Е. Шварца (на материале пьесы «Дракон») // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 14–15.
2. Киселев Н. Н. Русская советская комедия 20-30-х годов: проблемы типологии жанра: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1973. 407 с.
3. Когут К. С., Хрящева Н. П. Социально-политический контекст в пьесе А. П. Платонова «Голос отца» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 2. С. 151–159.
4. Литовская М. Социохудожественный феномен В. П. Катаева: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 493 с.
5. Микулашек М. Пути развития советской комедии 1925–1934 годов: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1960. 504 с.
6. Найман Э. «Из истины не существует выхода»: А. Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 233–250.
7. Хансен-Кокорун Р. Комические стратегии в пьесах М. А. Булгакова // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛ РАН имени А. М. Горького, 2014. С. 245–254.
8. Шиленок М. Сатирическая проблематика и поэтика пьесы В. Катаева «Миллион терзаний» // Известия Саратовского университета. 2014. № 3. С. 100–105.

REFERENCES

1. Veliev R. Sh., Prishchepa V. P. [The Image of Lancelot in the Work of the Playwright E. Schwartz (Based on the Play “Dragon”)]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2012, no. 6 (37), pp. 14–15.
2. Kiselev N. N. *Russkaya sovetskaya komediya 20-30-kh godov: problemy tipologii zhanra: dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Soviet Comedy of the 20-30s: Problems of Genre Typology: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 1973. 407 p.
3. Kogut K. S., Khryashcheva N. P. [Socio-political Context in A. P. Platonov's Play “Voice of the Father”]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2015, no. 2, pp. 151–159.
4. Litovskaya M. *Sotsiokhudozhestvennyi fenomen V. P. Kataeva: dis. ... kand. filol. nauk* [Socio-Artistic Phenomenon of V. P. Kataeva: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 1999. 493 p.
5. Mikulashek M. *Puti razvitiya sovetskoi komedii 1925–1934 godov: dis. ... kand. filol. nauk* [Ways of Development of the Soviet Comedy in 1925–1934: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1960. 504 p.
6. Naiman E. [“There is no Way out of the Truth”: A. Platonov between two Utopias]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1994, no. 9, pp. 233–250.
7. Hansen-Kokorush R. [Comic Strategies in the plays of M. A. Bulgakov]. In: *Komicheskoe v russkoi literature XX veka* [Comic in Russian Literature of the Twentieth Century]. Moscow, IML RAS named after A. M. Gorky Publ., 2014, pp. 245–254.
8. Shilenok M. [Satirical Problems and Poetics of V. Kataev's Play “A Million Torments”]. In: *Izvestiya saratovskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov University], 2014, no. 3, pp. 100–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халилов Руслан Османович – аспирант кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького;
e-mail: lil987654321@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan O. Khalilov – Postgraduate Student, Department of Modern Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: lil987654321@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Халилов Р. О. Комедия В. П. Катаева «Миллион терзаний»: критико-иронический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 98–106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-98-106

FOR CITATION

Khalilov R. O. V. P. Kataev's Comedy "A Million Torments": Critical and Ironic Aspect. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 98–106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-98-106

УДК: 81'255.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-107-113

КИТАЙСКИЙ РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ «Я ЮЙ ХУАНЬШУЙ»: САМОИСКУПЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»

Цзюй Юньшэн¹, Лобанова Т. Н.²

¹Хэйлунцзянский университет

150080, г. Харбин, ул. Сюефу, д. 74, Китайская Народная Республика

²Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление особенностей функционирования концепта «маленький человек» в китайском кинодискурсе на материале телесериала «Я Юй Хуаньшуй». Основное содержание исследования составляет анализ телесериала современного Китая, в котором показана тяжёлая жизнь современной молодёжи в городе. В китайском кинодискурсе XXI в. актуализируется концепт «маленький человек», заданный русской классической литературой. Авторы синхронизируют образ китайского киногероя с образом-мифологемой «маленького человека» в русской литературе, описанным русским литератором В. Белинским.

Процедура и методы. Применяются методы лингвистического, переводческого, лингвокультурологического анализа кинотекста и гипотетико-дедуктивный метод.

Результаты. По заключению авторов, концепцию «маленький человек» современного Китая в кинодискурсе невозможно рассматривать в отрыве от культурно-исторического контекста. Предлагаемый в работе материал обладает безусловной новизной и может быть использован в некоторых сферах прикладной лингвистики (лингвокультурология, лингвопрагматика, семантика), а также в смежных науках (медиакоммуникации, межкультурная коммуникация, культурология, философия и др.).

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности применения результатов в дальнейших исследованиях нового языка кино, китайского кинодискурса, а также по китайско-русскому лингвокультурному сопоставлению и другим тематическим рубрикам китайско-русского перевода. Результаты исследования имеют практическое значение в контексте дальнейшего научного осмысления поднятой проблемы, могут найти применение в таких направлениях современной науки, как теория кинодискурса, медиадискурс и медиакоммуникации, гендерная лингвистика и др.

Ключевые слова: героизм, кинодискурс, Китай, маленький человек, самоискупление, современный китайский кинематограф

I AM YU HUANSUI: SELF-REDEMPTION OF A CONTEMPORARY “LITTLE MAN”

Ju Yunsheng¹, T. Lobanova²

¹Heilongjiang University

str. Xuefu 74, Harbin 150080, People's Republic of China

²Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. We identify peculiarities of the existence of the concept of “little man” in modern Chinese cultural space, and examine the TV series of modern China, which shows hard life of modern youth in the city.

The image of the Chinese movie hero is synchronized with that of a “little man” in the Russian literature, first described by the Russian writer V. Belinsky. A “little man” is a type of a literary hero who appeared in the realistic works of Russian writers at the beginning of the XIX century.

Methodology. The paper relies on the method of linguistic, translational, and linguoculturological analysis of the film text and on the hypothetical-deductive method.

Results. The concept of the “little man” in modern China in the film discourse cannot be isolated from the cultural and historical context. The obtained results are absolutely new and can be used in some areas of applied linguistics (linguoculturology, linguopragmatics, semantics), as well as related sciences (media communications, intercultural communication, cultural studies, philosophy, etc.).

Research implications. Theoretical and practical significance of the research lies in the possibility of using the obtained results to study the new language of cinema and Chinese film discourse, as well as to compare Chinese and Russian from linguistic and cultural points of view and to investigate Chinese-Russian translation. The results of the study are of practical importance in the context of further scientific understanding of the posed problem, and can be applied in such areas of modern science as the theory of film discourse, media discourse and media communication, gender linguistics, etc.

Keywords: heroism, film discourse, China, little man, self-redemption, modern Chinese cinema

Введение

6 апреля 2020 г. состоялась интернет-трансляция комедии о «маленьком человеке»¹ современного Китая китайской телевизионной компанией Daylight Entertainment. Комедия рассказывает о человеке из низших слоёв общества. Главные роли в ней исполнили Го Цзинфэй, Мяо Мяо и Гао Лу. Этот сериал отличается от других сериалов китайского производства: в нём всего 12 серий, однако он динамичный, с насыщенным сюжетом. Публика хорошо его приняла. На сегодняшний день он уже набрал 8,5 баллов на сайте Douban. «Я Юй Хуаньшуй» – это экранизация романа «Если не будет завтра» писателя Юй Гэна, в котором повествуется о жизненном пути Юй Хуаньшуя, «маленького человека» наших дней, после того, как ему ошибочно диагностировали рак. Юй Хуаньшуй – достаточно «средний» сотрудник в компании; его правило выживания – уступить, терпеть и жить самостоятельно. Юй Хуаньшуй – человек среднего возраста, труслив, финансово стеснён; его ежемесячная ипотека покрывается на алименты его родителей. Кризис и проблемы следуют один за другим, пока Юй Хуаньшуй не обретает своего истинного счастья.

Актуальность заключается в изучении способов репрезентации образа «маленького человека» в китайском кинодискурсе (на материале телесериала «Я Юй Хуаньшуй»). Кинообраз (медиаобраз) представляет важность для лингвистического исследования ввиду единства лингвистической и экстралингвистической составляющих. Благодаря развитию компьютерных технологий современная визуальная культура [2, с. 380] и медиапространство Китая открывают для себя широкий потенциал пространственных и содержательно-структурированных нарративов. Специфические приёмы кинематографа в цифровую эпоху новых медиа уже не могут просто сравниваться с традиционными языковыми художественными средствами выразительности, помогающими создавать образы в отдельном взятом кинопроизведении: они способствуют новому прочтению образа «маленького человека» в китайском кинодискурсе. Проблематика «маленького человека» экстраполируется на главного героя сериала и отражает размышления кинопрактиков о ценностных сдвигах, которые испытывает китайское общество с 1990-х гг. по сегодняшний день.

¹ «Маленький человек» – это тип литературного героя, который появился в реалистических произведениях русских писателей в начале XIX в.

Превратности судьбы – личная жизнь Юй Хуаньшуй

В настоящее время Китай переживает глубокую трансформацию общества. В условиях этой трансформации и вызванных ею изменений социального и культурного контекста важным проявлением изменений эпохи стала структурная мобильность членов общества, а важным аспектом социального участия и психологического самовосприятия – социальный статус, главным образом определяющийся материальным доходом [1, с. 12]. Подобное исследование «самой нижней прослойки населения» посредством взгляда «снизу вверх» демонстрирует независимость, подвижность, а также фрагментированность этой социально незащищённой прослойки населения в современном Китае [8, р. 87]. Сериал «Я Юй Хуаньшуй» откровенен, серьёзен и глубок: герой Юй Хуаньшуй находится на так называемом «дне» и олицетворяет большое количество современных людей – они молчаливо терпят зло, исходя из принципов отстранения и безысходности, но как и прежде проявляют милосердие, словно святые. К представителям «социального дна» в Китае относят всех «оставшихся за бортом» при распределении национальных благ: несправедливое распределение национальных богатств и социальное расслоение в Китае продолжают нарастать и сегодня [3, р. 162]. Взаимодействуя между собой, персонажи отражают двойственность человеческой жизни [4, р. 7]. С разных позиций формируется повествование об истории одного человека, раскрывая перед зрителем многогранную и противоречивую личность Юй Хуаньшуя.

Фактически Юй Хуаньшуй является наиболее «светлым» образом во всём сериале, в финале его готовность помогать людям и выручать других выступает проявлением его человечности. В данном сериале отражены жизненные перипетии «маленького человека», живущего реальной жизнью среднего класса в Китае.

Ассоциативно под «маленьким человеком» мы рассматриваем типичный образ русской литературы XIX в. «Маленький человек» – это, как правило, персонаж невысокого социального положения и незнатного происхождения, небогатый и не обладающий выдающимися способностями, талантами и амбициями изменить свою жизнь. В русской литературе А. С. Пушкин одним из первых раскрыл образ «маленького человека»; затем многие русские писатели создавали своих «маленьких людей» с разными характерами.

Можно утверждать, что Юй Хуаньшуй – это «маленький человек» среднего класса, который обращается в современном китайском обществе. Считается, что представитель среднего класса в Китае получает от 2000 юаней (295 долл. США) до 5000 юаней (740 долл. США); по текущим оценкам¹ размер среднего класса Китая составляет 400 млн человек или 140 млн домашних хозяйств. Это составляет менее одной трети от общей численности населения Китая.

Этот сериал отражает интерес к особенностям характера и моделям поведения части среднего класса и обычных людей. Социальная реальность наносит ощутимый удар по сознанию многих людей в Китае, что привлекает внимание писателей, а также киносценаристов и киноcritиков.

К образу Юй Хуаньшуя автор испытывает определённую симпатию и сочувствие, но также демонстрирует терпимость к его слабости и рефлексировать над его раболопием. Образ Юй Хуаньшуя не-

¹ 段乐谈生活. «我国中产阶级有1.09亿,居全球最多,有多少钱才是“中产家庭” [Дуань Ле. «В моей стране 109 миллионов представителей среднего класса, это самое большое количество в мире. Сколько денег у “семьи среднего класса”»] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.so.com/link?m=b8286EayZTWm1ZNvwiGq6Xf9kPdU%2BqVS1Xmpc7LLSb4q6riliUAGV1ya37BDb2UQCbfCk%2F5zS5NG%2BJVxLCsf%2F21RFZa%2BhEa3vfb6z0vXRxsE8XvoKoA6liwlFvrE7K0w%2Bu7Ve2vr99F6M8UdoRBslt9jIRJye%2B8UgRVQbj2tmzwxYHflxQKGC8K%2FFISGXKrAR9aBjBZY2wUcPw0tVrRdRA55yTtOdE4jAaTL17H%2FiHwP%2F2R> (дата обращения: 01.08.2022).

прерывно развивается и на протяжении повествования становится всё более драматичным. Сначала он проживает в маленьком доме, но впоследствии остаётся на прежнем месте, всё время работает в незначительной должности в компании; его зарплата мизерна. Живя в тяготах, он сталкивается с высокомерием и грубостью, безразличием и равнодушием безнравственных корпоративных менеджеров и государственных чиновников; он испытывает глубокое сочувствие к жалкому положению и несчастной судьбе маленьких людей.

Можно заметить, что на раннем этапе Юй Хуаньшуй вовсе не оказывал сопротивления, поэтому его жизнь превратилась в шутку. Однажды русский писатель Н. В. Гоголь представил сопротивление находящегося в угнетённом положении «маленького человека» в образе мстительного призрака (чиновник Акакий Акакиевич в повести Н. В. Гоголя «Шинель»), выражая глубокие надежды на будущее. Юй Хуаньшуй очень нерешителен, но не забывает о доброте. Главный герой данного сериала полон театральности, но эти ситуации, полные комизма, подобны «смеху сквозь слёзы» в произведениях Гоголя. Юй Хуаньшуй повествует о беспомощности человеческой жизни. Можно сказать, что «Я Юй Хуаньшуй» – очень продуманная работа режиссёра современного сериала; его сюжет сам по себе содержит элементы абсурда. Если бы сценарий был написан, срежиссирован и сыгран в соответствии с общепринятым ходом мыслей, сериал не имел бы такого успеха. Гиперболизированные образы героев сериала безостановочно меняются ролями, в особенности из-за некоторых нюансов актёрской игры; когда зрители заливаются смехом, ясно ощущается, что эта изначально трагическая история полна оттенками иронии и комизма.

Несмотря на то, что история Юй Хуаньшуя кажется абсурдной, она отражает процессы, имеющие место в реальном обществе, и драму бытия. Юй Хуаньшуй понял всё, когда гибель нависла над его

головой, и окутанная покрывалом комедии трагедийная суть сделалась ещё более мрачной. Узнав, что он не болен раком, Юй Хуаньшуй воскликнул: «У меня ещё есть время!» Драма человеческой жизни тронула сердца людей. Может быть, он захочет жениться повторно или захочет морально повлиять на Аньни, а может, решит защитить Луань Бинжань. Щедрость и доброта в душе Юй Хуаньшуя объясняют истинный смысл любви так называемой полной, а будучи «сдержанным», он терпит поражение в своих чувствах.

Он оказывается на дне общества и осознаёт это. Такое обозначение социального статуса, как «дно», связано с переходным периодом в истории Китая и с изменением социальной реальности. Этот социальный класс связан с основными противоречиями периода социальной трансформации в Китае: расслоение на богатых и бедных, неравномерное распределение ресурсов, растущее социальное неравенство, конфликт государственных и индивидуальных интересов и т. д. Данная группа включает в себя социально не защищённые слои населения, которые обладают сравнительно меньшими ресурсами социального, экономического и культурного капитала и противопоставлены основной части общества, его доминирующим группам, доминирующей культуре, доминирующим ценностям и нормам; это группа пренебрегаемых и отвергаемых маргинальных людей [6, р. 19].

Юй Хуаньшуй – «маленький человек», не преуспевший в карьере и не имеющий гармонии в семье. Хотя он находится в том возрасте, когда карьера должна быть в самом разгаре, жизнь его нелегка. У него слабый характер, и ему не хватает смелости. Взаимодействуя с начальником и коллегами, он молча сносит обиды и оскорбления, а проживая с женой и ребёнком, он снисходителен во всём. Во время движимой идеей естественного отбора эволюционной теории Дарвина и принципа «выживает сильнейший», Юй Хуаньшуй неизбежно утрачивает социальную идентичность.

Борьба за искупление – сопротивление Юй Хуаньшуй

Философия существования китайского общества, в котором большое значение придаётся деньгам, – это система ценностей, сформированная пролетариатом в условиях материальных лишений. Однако со времён «Движения за новую культуру» такая традиционная философия существования, при которой ценятся деньги, подвергалась критике и трансформации, постепенно сознание выживания широких общественных масс было включено в более широкое социальное видение, вследствие чего государственное сознание и взгляды на существование людей были усовершенствованы [5, р. 24]. Юй Хуаньшуй в некотором смысле похож на «маленького человека» в произведениях Ф. М. Достоевского. Будь то ложь, расточительство или намерение приударить за девушками, он борется со своей судьбой и совестью. То, что он не преуспел в этом, является мерилом его высоких моральных качеств. По сути, он и есть главный герой, у которого есть совесть. Юй Хуаньшуй влюбился, женился и завёл ребёнка, но любовь «сошла на нет» из-за бытовых и жизненных мелочей. Он захотел, чтобы Аньни заполнила эмоциональную пустоту в его душе. После того, как Юй Хуаньшуй понял, что Аньни использовала его, он влюбился в Луань Бинжань. Он всю жизнь гнался за красотой, любовью и мечтами. Он любил всех троих, но когда каждое из этих чувств подходило к концу, он «делал шаг назад». Он помогает своей жене, Аньни и Луань Бинжань. В конце истории характер Юй Хуаньшуя развивается и возвышается, но в любви он никогда не переступает своего внутреннего барьера.

Он идеалист, а общей отличительной чертой идеалистов является переход от рационального к миру мечты. Подобно тому, как справедливость всегда сопутствует революциям, просвещение неизбежно идёт рука об руку с поправлением и отказом от всех традиций. Идеалисты всегда воплощают противоречие между рациональным и ра-

дикальным. Однако Юй Хуаньшуй смог стать героем, подобно Дэвиду Гейлу (главный герой фильма «Жизнь Дэвида Гейла», реж. А. Паркер, 2003), который показал достойное уважения мужество, пожертвовав жизнью ради идеи. Юй Хуаньшуй обладает чувством общественного долга, справедливость становится сумасшествием, неразумная мужественность – благим делом.

Возрождение из пепла – героизм Юй Хуаньшуя

Героическое повествование в определённой степени отражает социальные изменения, а также взаимосвязано с историческим контекстом Китая, вовлечено в историко-культурный процесс. Понимание героя и повествование о нём отражают психологию и культурные ориентиры людей в каждый из периодов. Зрителей волнует не только сюжет повествования, но и то, каким образом он изложен. Именно эти два элемента являются ключевыми в повествовательных произведениях: рассказ и рассказчик [4, р. 7].

Порядочность Юя исходит из глубины его души и в любое время может проявиться под воздействием внешних факторов, поэтому трансформация и возвышение этого персонажа неизбежны. Делая выбор между правдой и ложью, Юй Хуаньшуй вспомнил ложь, изменившую его жизнь, и друга Дачжуана, из-за которого всю жизнь испытывал чувство вины. Узнав, что у него ещё есть будущее, Юй Хуаньшуй переосмыслил свою теперешнюю жизнь.

Когда началась трансляция сериала, многие считали, что это комедия абсурда с клишированным сюжетом, и при просмотре серии за серией люди легко могли почувствовать отвращение. А Го Цзинфэй, который сыграл Юй Хуаньшуя, с блеском исполнил то, что называют современным «маленьким человеком». Роль Юй Хуаньшуя в исполнении Го Цзинфэя отразила психологию и жизненные реалии широких масс: Юй Хуаньшуй всего лишь решил пойти на компромисс с жизнью,

но в то же время не терял способности сопротивляться. Можно сказать, что Юй Хуаньшуй – порядочный человек, такой же, как и миллионы людей в реальной жизни. Он щепетилен, не следует слепо за другими, но он стал «маленьким человеком» на дне общества, и его карьеру и семейные обстоятельства трудно изменить. Предстоящая гибель сильно потрясла этого онемевшего «маленького человека», и тогда наступил период его «самоискупления». Узнав, что он болен раком, Юй Хуаньшуй стал стремиться к «свободе». Его более не сдерживали всевозможные жизненные заботы, а перед смертью он пустился в безудержное веселье. Для него это стало своего рода способом обрести собственное «я», ведь в прошлом он был лишён самостоятельности.

Заключение

Описание представителей низших слоёв населения и подлинного значения социальной реальности, в которой они живут, – это важный способ привлечь внимание аудитории к фильму и выразить эмоции в условиях широко распространённого консьюмеризма, погони за коммерческой прибылью и недостатка культурных ценностей; объектив фокусируется на индивидах с целью заглянуть в социальную реальность и передать многообразие человеческого общества [7, р. 37]. Большая популярность сериала «Я Юй Хуаньшуй» показывает, что это высокохудожественное произведение: оно не о новом и старом, а о том, что Юй Хуаньшуй – это каждый из нас, его глазами показан опыт восприятия жизни, переживания особого процесса, с ироничной точки зрения изображены некоторые человеческие качества, которыми в жизни пренебрегают, а сутью является совершенствование личности и общества.

Когда Юй Хуаньшуй преодолевает трудности и начинает жизнь заново, начинается и его трансформация как человека. Вначале он живёт как ходячий мертвец, не представляя большого значения для других. В действительности некоторые люди

полагаются на свои фантазии о справедливости и провоцируют коллективное насилие, чтобы «распахнуть дверь» в лучшую жизнь. Потому что нам нужно прикладывать усилия, нужно бороться, высказывать своё мнение, нужно «разорвать цепи и освободиться от всех оков»; тогда будет возможно «поднять небольшую рябь в бескрайней стоячей воде» и лишь тогда сможет подняться огромная волна. Кинообраз (медиаобраз) Юй Хуаньшуя – это аккумуляция чувств, надежд, чаяний, любви, мечтаний сотен миллионов людей в Китае: коллективная медитация сошлась в нём, как в фокусе народа, чей коллективный субъект говорит его голосом. Результаты изучения кинообраза и репрезентации концепта «маленький человек» в китайском кинодискурсе могут быть включены в совокупную репрезентацию этого образа, его содержательно различных типов в кинодискурсе разных языков.

Визуальная культура сериалов в цифровую эпоху кинематографа, как и иные культурные формы, действительно становится кодом. Язык кино, в свою очередь, способствует развитию новых культурных форм и языка новых медиа в КНР.

Таким образом, анализ китайской медиакультуры, в том числе кинематографа сквозь призму конкретного исследовательского предмета, позволяет выявить стратегии, лежащие в основе современных новых медиа, как в аспекте содержания, так и в аспекте визуально-технологического сопровождения. Перспектива дальнейших исследований проблематики китайского кинодискурса нам видится в диверсификации исследуемого материала, в частности, в исследовании кинотекстов и сюжетов документального дискурса, политического дискурса и др.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавулина А. В. Концепт «маленький человек» в современном русском кинодискурсе // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 1 (5). С. 12–21.
2. Манович Л. Язык новых медиа. М.: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2018. 400 с.
3. 彭玉海, 王朔. 俄罗斯民族道德伦理文化概念分析 // 外语学刊. 2016. № 6. P. 161–165.
4. 徐玉梅. 新中国电影英雄体叙事的三次转向. 2020. № 5. P. 3–7.
5. 曹荣荣. 现代危机中的自我救赎与价值追求—评电影《我不是药神》// 艺术广角. 2018. № 9. P. 24.
6. 李倩. 底层凝视与欲望书写. 山东大学. 2017. P. 180.
7. 李春雷, 陈华. «无名之辈» 底层抒写的影像关怀 // 电影评介. 2018. № 18. P. 34–37.
8. 林仲轩. 底层弱者的 «武器»: 个体表演、例外话语和身体暴力 // 吉首大学学报 (社会科学版). 2018. № 6. P. 87–93.

REFERENCES

1. Vavulina A. V. [The Concept of “Little Man” in Modern Russian Film Discourse]. In: *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura* [Professor's Journal. Series: Russian Language and Literature], 2021, no. 1 (5), pp. 12–21.
2. Manovich L. *Yazyk novykh media* [The Language of New Media]. Moscow, AD MARGINEM PRESS, 2018. 400 p.
3. 彭玉海, 王朔. 俄罗斯民族道德伦理文化概念分析. 外语学刊, 2016, no. 6, pp. 161–165.
4. 徐玉梅. 新中国电影英雄体叙事的三次转向, 2020, no. 5, pp. 3–7.
5. 曹荣荣. 现代危机中的自我救赎与价值追求—评电影《我不是药神》. In: 艺术广角, 2018, no. 9, pp. 24.
6. 李倩. 底层凝视与欲望书写. 山东大学, 2017, pp. 180.
7. 李春雷, 陈华. «无名之辈» 底层抒写的影像关怀. 电影评介, 2018, no. 18, pp. 34–37.
8. 林仲轩. 底层弱者的 «武器»: 个体表演、例外话语和身体暴力. In: 吉首大学学报 (社会科学版), 2018, no. 6, pp. 87–93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цзюй Юньшэн – доктор филологических наук, доцент Центра исследования русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета;
e-mail: zhengzhengjuju@163.com.

Лобанова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, директор Регионального центра китайского языка и китаеведения Московского государственного областного университета;
e-mail: lobanovaty@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ju Yunsheng – Doctor of Philology, Associate Professor of the Center for the Study of the Russian Language, Literature and Culture at the Heilongjiang University; (Harbin, PRC);
e-mail: zhengzhengjuju@163.com

Tatyana N. Lobanova – Prof., Assoc. Prof., Department of Oriental Languages, Director of the Regional Center for the Chinese Language and Sinology, Moscow Region State University;
e-mail: lobanovaty@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цзюй Юньшэн, Лобанова Т. Н. Китайский реалистический телесериал «Я Юй Хуаньшуй»: самоискупление современного «маленького человека» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 107–113.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-107-113

FOR CITATION

Ju Yunsheng, Lobanova T. N. I Am Yu Huanshui: The Self-Redemption of the Contemporary “Little Man”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 107–113.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-107-113

РЕЦЕНЗИИ

**РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
КОЛЕСОВ В. В. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ. СПБ.: РГПУ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА, 2021. 612 С.**

Донина Л. Н.¹, Халикова Н. В.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, д. 7–9, Российская Федерация

²Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

**CONCEPT DEVELOPMENT IN TIME AND SPACE. BOOK REVIEW:
KOLESOV V. V. THE CONCEPTUAL FIELD OF RUSSIAN CONSCIOUSNESS.
ST. PETERSBURG, A. I. HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY PUBL.,
2021. 612 P.**

L. Donina, N. Khalikova

Saint Petersburg State University

nab. Universitetskaya 7–9, Saint Petersburg 199034, Russian Federation

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Вниманию читателей предлагается итоговый труд одного из наиболее известных специалистов по истории языка и когнитивистике профессора В. В. Колесова. В его научном творчестве историческая лексикология всегда была основой описания культурных символов эпохи, а последние стали опорой для изучения русской ментальности. В этом исследовании отразился широчайший кругозор автора, вобравшего методологию и цели психологии и теории познания, общего языкознания, истории философии, русистики, когнитивной лингвистики – для своей собственной оригинальной, сложной, но всеобъемлющей теории концептуального поля. Этот труд отличает особая глубина «вчувствования» (любимое слово В. В. Колесова) в проблему описания концепта и русской ментальности. В предисловии, трёх главах и заключении перед нами предстаёт практическое, наглядное выстраивание концептуального поля и механизмов создания концептуального значения. И это совсем не повторение прежних публикаций учёного, как может показаться на первый взгляд, а целостное учение, подводящее итог многолетним поискам методологии концептуального анализа. Подобных книг в настоящее время нет. В предыдущих работах автором разработан многоступенчатый алгоритм объективации концепта. «Настоящее исследование призвано показать эвристическую силу предложенной методики и представить образцы анализа, которые были собраны мною в большой по объёму подборке авторитетных (и не очень) текстов. В своей совокупности они весьма точно, в образных и символических контекстах, представляют реальную картину русской ментальности – с точки зрения, преимущественно, русского сознания, изнутри, в бессознательном использовании коренных русских концептуумов. Читатель увидит, как на этом фоне звучат замечания западных ав-

торов – в отличие от русских, все они носят чисто понятийный характер, обдуманно рациональны и прагматичны. В данной книге даётся опыт когнитивного анализа текста, своего рода «опрос свидетелей» – носителей русской ментальности. Предлагаемая книга – своеобразное практическое приложение к моим книгам «Язык и ментальность» (СПб., 2000), «Философия русского слова» (СПб., 2002), «Русская ментальность в языке и тексте» (СПб., 2007) и серии «Древняя Русь» (СПб., 2000–2011), собранной в книге «Древнерусская цивилизация» (М., 2014). Это своеобразная проверка тех результатов, которые я получил в указанных книгах – с максимально объективной позиции со стороны личных свидетельств многочисленных авторитетных авторов»¹.

Концептуальное поле – активно входящий в научный оборот 10–20-е гг. нашего века термин. В сравнении с полями языка – ЛСП и ФСП – В. В. Колесов подчёркивает его динамическую сущность: «Показано, как время изменяет прочтение традиционных концептов русского сознания, преобразуя картину ментального поля»². Концептуальное поле принципиально отличается от семантического: «... оно объёмно и практически безгранично. Поле там, где произрастают злаки, т. е. где вызревают новые «зёрна» первосмыслов, которые я называю их собственным именем – концептумы (*conceptum* ‘зерно, семя’). Это образование динамично и постоянно развивается, исторически оставаясь тем же самым. Это «то, в чем всё» – всеобщее основание коллективной мысли народа, его ментальность, характер и судьба»³. Новизна рецензируемой монографии в том, что представление о поле предполагает связанность концептов между собой и составляет «всеобщее основание нашей коллективной мысли»⁴.

Концептологическая теория В. В. Колесова включает, кроме базового *концепта*, следующие термины: *концептум*,

концепция, *поле*. В книге первые 100 страниц (глава «Конструктивные концепты») как раз посвящены базовой терминологии, необычной, но абсолютно обоснованной, позволяющей не упростить сложное явление, а максимально точно обозначить его сложную структуру. В итоговой монографии В. В. Колесов обобщает достижения в изучении концепта: найдены все его содержательные формы (*образ*, *понятие*, *символ*) и их основание (*концептум*), описаны место и роль каждого из четырёх составов в выявлении концепта как их единства, созданы и теоретическая база концептологии, и научный инструментарий для расшифровки концепта.

Подчёркивая необходимость синтеза лингвистического и логического подходов к изучению концепта, автор рассматривает *образ*, *символ* и *понятие* как триаду, представляющую содержательные формы и концепта (единицы ментального плана, сущности подсознательного), и слова (языковой единицы, вербального выражения). Чтобы не смешивать логическое и лингвистическое в природе слова и не разъединять мысль и слово, потребовались специальные (без отказа, однако, от опыта предшественников) способы анализа и описания таких единиц предельной степени абстрактности. В рассматриваемой монографии, как ни в одной из более ранних, автор в полноте описывает метод выявления концепта и многократно, на десятках концептов, показывает примеры осуществления этой работы. С предельной щедростью он не только делится результатом – представляет свою теорию и выявляет существующие в народном сознании концепты, но показывает все вехи поискового пути, все этапы «феноменологической редукции», которые приводят к построению семантической константы.

Основой семантической константы служат извлекаемые из метатекста предикатные признаки, редуцируемые до денотатов и распределяемые по группам. В каждую группу собираются ответы на один из четырёх вопросов: 1) что это? – *основания*; 2) как это проявляется? – *условия*; 3) почему действует? – *причины*; 4) зачем создаётся? – *цели*. Составы каузального ряда соотносятся с составами концепту-

¹ Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2021. С. 4.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 5.

ального квадрата (основания соответствуют концептуму, условия – образу, причины связаны с понятием, цели – с символом), а также и с десигнатными признаками: типичными определениями для символического значения цели, интенсивными для условия, глубинными для причины.

Метод основан на том, что содержательные формы концепта – образ, понятие, символ – проявлены реально, поэтому могут быть извлечены из текста и изучены с целью обнаружения их первоисточника – концептума, который сам по себе не проявлен, но существует и вместе с ними составляет концепт, выявляемый семантической константой.

Термин *концептум* введён в науку В. В. Колесовым как имя той сущности смысла, изучение которой является целью концептологического исследования. Но и через 20 лет напряжённого и непрерывного исследования учёный говорит лишь о приближении «к осознанию понятия “концептум”, не достигая, впрочем, его окончательных пределов», в таком, например, определении: «Концептум – это сущность первосмысла – скрытой категории на глубинном уровне сознания, то есть искомый Абсолют, раскрываемый понятийно в целях понимания реальной сущности сознания в подсознательном – основы обыденного сознания»¹.

Описанная в книге методология позволяет освоившим её исследователям повторить эксперимент и верифицировать результат, правда, для этого надо воссоздать некоторые условия: принять реализм как научную парадигму, а значит, исходить из слова, а не из помысленной исследователем идеи; основной содержательной формой признать символ; согласиться использовать интуитивные знания. Концептология Колесова исторична в первую очередь и могла быть создана только им – одним из лучших историков языка, уже на этой базе углубившимся в изучение сознания. Благодаря привычке к чёткой конкретности и доказательности исторических исследований только и можно было, видимо, полностью избежать «философствования», имеюще-

го с реальным языком мало точек соприкосновения. Концептологический метод, разработанный учёным, даёт возможность объективно проводить расшифровку фрагментов концептуального поля (бескрайнего русского поля, и не только русского, как показывают работы учеников В. В. Колесова), под которым понимается вся цельность, система реально связанных между собой концептов.

И название, и структура книги отражают новую цель учёного: не выявление отдельных единиц и их признаков, а представление системы смыслов, синергийных связей, иерархии концептов. В монографии – как нам кажется, впервые – представлена авторская классификация концептов. Первые сто страниц посвящены описанию *конструктивных концептов*, причём рассматриваются они по большей части в соотношении друг с другом: *Концепт* и *Концептум*², *Концептум* и *Символ*³, *Причина* и *Цель*⁴ и т. д. Завершается эта часть таблицами и описанием системы соответствий всех конструктивных концептов и последним параграфом о синергийных связях концептов, в котором когнитивная лингвистика предстаёт в сопоставлении с теоретической физикой. Кроме того, параграф содержит авторскую «инструкцию» для концептуального анализа текста под названием «Алгоритм описания»⁵, в которой объединены все методы и приёмы, которыми пользуется сам автор, причём, что важно отметить, этот текст настолько выверенный, отточенный, что его можно назвать если не простым, то доступным для понимания вдумчивого читателя.

Вторая часть книги посвящена ментальным концептам и выявлению отношений между важнейшими из них. Так, прослеживаются связи ментальных концептов *Методология* – *Метод* – *Методика*, а от них перекидывается мостик к конструктивным *Концепция* – *Концепт* – *Концептум*. Как производные одного корня, *концепция* (ме-

¹ Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2021. С. 66–67; 86–87.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 92–95.

тодологическая), *концепт* (методический) и *концептум* имеют смысловое сходство: характеризуют проявления ментального в языковом, что обостряет проблему их разграничения. Граница разделяет в первую очередь разные уровни высказанности смысла в языковом знаке – от нулевой у скрытого от сознания и от языка концептума до проявленной в слове у концепта и в тексте у концепции. К ментальным концептам относятся также *Суицидность* и *Явление*, *Подсознание* и *Совесть*, *Язык* и *Речь*, *Мысль* и *Смысл* и т. д.

Самую многочисленную группу составляют содержательные концепты: *Свет* и *Тьма*, *Добро* и *Зло*, *Пространство* и *Время*, *Чудо* и *Диво*, а также *Живот* – *Житие* – *Жизнь*, *Лик* – *Лицо* – *Личина* – *Личность*, *Правда* –

Истина, *Пути–Дороги* и др., каждый из которых даже в отдельном, изолированном виде в описании В. В. Колесова выразительно характеризует народную ментальность. Тем более сеть репрезентаций концептов даёт объёмное представление о «коллективном бессознательном», объективное, насколько это возможно, позволяющее понять те основания, на которых от века к веку сохраняется и растёт национальная культура.

После выхода итоговой книги лингвиста-мыслителя когнитивная лингвистика уже не будет прежней, и новые поколения исследователей вслед за нынешними будут внимательно вчитываться в текст и бесстрашно следовать за учёным в «глубину залегания первосмысла»¹.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Донина Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: ldonina@mail.ru

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;

e-mail: nv.khalikova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila N. Donina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching Russian as a Foreign Language, St. Petersburg State University; e-mail: ldonina@mail.ru

Natalya V. Khalikova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of the Modern Russian Language named after P. Lekant, Moscow Region State University;

e-mail: nv.khalikova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Донина Л. Н., Халикова Н. В. Развитие концепта во времени и пространстве. Рецензия на книгу: Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 114–117.

FOR CITATION

Donina L. N., Khalikova N. V. Concept Development in Time and Space. Book Review: Kolesov V. V. The Conceptual Field of Russian Consciousness. St. Petersburg, A. I. Herzen State Pedagogical University Publ., 2021. 612 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 114–117.

¹ ВБК. Собираем, изучаем и развиваем наследие профессора В. В. Колесова [Электронный ресурс]. URL: <http://vvkolesov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Гончарова Л. М.¹, Папуша И. С.²

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

²Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

X INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN THE MODERN WORLD”

L. Goncharova¹, I. Papusha²

¹Pushkin State Institute of the Russian Language
ul. Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation

²Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

19–22 мая 2022 г. в городе Светлогорске Калининградской области авторитетные вузы нашей страны – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Кавказский институт – филиал) в партнёрстве с Государственным институтом русского языка имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом, Союзом переводчиков России, – при организационной поддержке Регионального учебного центра и при информационной поддержке научного журнала «Современная коммуникативистика» провели X Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарные технологии в современном мире»¹.

Юбилейная конференция была посвящена памяти профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, доктора педагогических наук, члена-корреспондента РАЕН, заслуженного работника Высшей школы, автора учебников («Речевая коммуникация» (издаётся с 1997 г.), «Русский язык и культура речи»), учебных пособий (с грифом Минобрнауки), монографий, более 250 публикаций в отечественных и зарубежных изданиях, основателя и главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика» (издаётся с 2012 г., с 2015 г. включён в перечень ведущих научных журналов, в которых по рекомендации ВАК РФ должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук).

«Признанный учёный, талантливый педагог, настоящий лингвист, тонкий знаток слова, Человек с большой буквы», – так отзывались об О. Я. Гойхмане его коллеги. И именно он десять лет назад был инициатором проведения первой конференции, на которой учёные-

¹ См.: Гуманитарные технологии в современном мире: сборник статей X Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», доктора педагогических наук профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, Светлогорск, 19–22 мая 2022 г. / сост.: Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. Калининград: Полиграфычъ, 2022. 440 с.

гуманитарии нашей страны и приглашённые иностранные гости могли обсудить вопросы, связанные с совокупностью тех знаний, которые включают принципы и понятия, имеющие индивидуальную значимость, с духовными и культурными ценностями, а также с методами передачи информации, организующими людей и побуждающими их к определённой коллективной деятельности.

Работа конференции проходила по следующим направлениям:

- Современная коммуникативистика: язык, речь, коммуникация в социуме;
- Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативном поведении;
- Технологии digital-образования в профессиональной подготовке и информационных технологии в практике изучения и преподавания гуманитарных дисциплин;
- Философско-культурные и социально-психологические проблемы современного общества;
- Диалог культур: межкультурная коммуникация в современном мире;
- Перевод и переводоведение: теория, практика, методика преподавания;
- Художественные технологии в декоративно-прикладном искусстве и дизайне;
- Технологии в сфере сервиса и туризма: проблемы и инновационные решения;
- Рекламные, PR и имиджевые технологии: от теории к практике;
- Историческая наука в эпоху цифровизации;
- Социальное предпринимательство;
- Литературоведение: новые подходы и исследования;
- Языки мегаполиса: о чём и как с человеком говорит город.

На пленарном заседании обсуждались темы, связанные с вопросами, проблемами и тенденциями гуманитарной науки в современном мире.

Доклад профессора **Владимира Ильича Карасика**, доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина «Фрактальное моделирование языковых функций» был посвящён подходу к опреде-

лению и описанию языковых функций, состоящему в последовательном выделении компонентов и субкомпонентов системы. По мнению учёного, «фрактальное моделирование коммуникативной функции языка представляет собой выделение базовых и вторичных характеристик основных векторов этой функции. К числу базовых можно отнести субфункции первого порядка – воздействие, информирование и самовыражение. Воздействие фрактально конкретизируется в субфункциях второго порядка – принуждение, убеждение и манипуляция. Каждая из этих субфункций уточняется и специфически выражается в разных типах дискурса».

Профессор **Константин Валерьевич Киуру**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета, сделал доклад «Имидж в эпоху постглянца и “новой роскоши”: презентация в коммуникационных и медиапродуктах», в котором предположил, что имидж эпохи постгламура должен вписываться в новую парадигму маркетинга, которую можно определить как эмпирический маркетинг, а уникальный пользовательский опыт люксовые бренды создают с помощью проектов из сферы искусства.

Лидия Евгеньевна Малыгина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, профессор Высшей школы (факультета) телевидения МГУ имени М. В. Ломоносова, и **Екатерина Сергеевна Павлова**, руководитель блока внутренних коммуникаций АО «Русагротранс», представили доклад «Лингвобезопасность: радикальный феминный и маскульный медиадискурс». По результатам исследования обозначена норма современной мужественности и женственности, формирующаяся в новых медиа в иронических образах «цифрового мужика-тролля» и «новой амазонки».

Профессор **Татьяна Владимировна Романова**, доктор филологических наук, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков факультета

гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород), в докладе «Ценностно ориентированные термины в научной коммуникации» проинформировала участников конференции о ходе работы над исследовательским проектом учебного словаря-справочника терминов, используемых в когнитивной науке, в том числе в когнитивной лингвистике.

Доктор педагогических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета **Лидия Михайловна Семёнова** в докладе «Дизайн современного преподавателя высшей школы» дала оценку изменившимся в соответствии с государственным и социальным заказом требованиям к компетенциям и навыкам *hard skills*, *soft skills* и *future skills*. На основе анализа литературных источников, современных тенденций в трансформации высшей школы и педагогической коммуникации определены основные векторы деятельности и требования к современному преподавателю.

Работа секций конференции проводилась на высоком профессиональном уровне, каждый доклад вызывал неподдельный интерес и стимулировал активное обсуждение. Выступили известные учёные и молодые исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Казани, Калининграда, Орла, Волгограда, Оренбурга, Перми, Челябинска, Ярославля, Симферополя, Магнитогорска, а также зарубежные коллеги из Китая и Хорватии (более 150 участников).

Тематика выступлений была разнообразной и интересной. Так, полагаем, необходимо отметить выступления профессора **Эллы Анатольевны Китаниной**, доктора филологических наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, представившей (совместно с коллегой из Мали **Кумаре Тиефоло**) доклад «Предвыборные выступления Чогеля Кокаллы Майги: экспрессивно-выразительные средства

языка политика»; профессора **Татьяны Геннадьевны Бочиной**, доктора филологических наук, профессора кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, сделавшей доклад «Зоонимический код русской лингвокультуры», в котором учёный на материале русских пословиц и поговорок рассматривает наиболее частотные оппозиции зоонимов, формирующих тему и переносный смысл паремии: большой – маленький, хищник – жертва, мужской – женский, порождающее – порождаемое; доктора филологических наук **Юлии Викторовны Агеевой**, профессора кафедры русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации «Казанского (Приволжского) федерального университета», которая в докладе «Коммуникативные тактики косвенной самопрезентации» сообщила результаты анализа речевого поведения коммуникантов в профессиональном рекрутинговом дискурсе; профессора **Аллы Петровны Миньяр-Белоручевой**, доктора филологических наук, профессора кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, и её содокладчика – преподавателя кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова **Полины Игоревны Сергиенко**, затронувших проблему смены ценностных ориентиров современных компаний в рамках PR-представлений, вызванных идеологической переориентацией представителей западного мира; **Марии Станиславовны Миловановой**, доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, представившей результаты ассоциативного эксперимента, позволяющего выявлять коннотативно-оценочную сему, дифференцирующую семантическую структуру слов, которые имеют точки соприкосновения (интегральные семы).

Уникальность этой конференции, на наш взгляд, состоит в том, что широкий спектр языковых, речевых, коммуникативных,

лингвокультурных, переводческих аспектов позволяет учёным сканировать реальность на синергетических глубинных уровнях человеческих смыслов и переводить лингво-ментальные технологии в сложные мыследеятельностные. Например, те вопросы, которые были затронуты при работе секции «Языки мегаполиса: о чём и как с человеком говорит город», открывают подходы к изучению знаков вторичных моделирующих систем (см. **А. В. Егорова**, кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Московского архитектурного института: «Говорящая архитектура: об одном типе метафоры персонафикации в архитектурном дискурсе»; **И. В. Зыкова**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент Института языкознания РАН: «Урбанистические кинотропы: специфика создания и типология»; **М. А. Белов**, профессор кафедры архитектуры жилых зданий Московского архитектурного института: «Язык александровского зодчества

как пример для нынешней отечественной архитектуры» и др.)

При поддержке Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина был проведён круглый стол «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика», участники которого охарактеризовали сущностные границы аксиологического пространства, его структурную неоднородность, внутреннее разнообразие, образующее иерархию, компонентные составляющие которой находятся в синергетическом взаимоотношении и единстве.

Все участники юбилейной десятой международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире» отметили её высокий организационный уровень и большой вклад в развитие гуманитарной науки, учающей человека в сферах его языковой, речевой, мыслительной, коммуникативной, нравственной, культурной, духовной и общественной деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова Любовь Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; заведующий кафедрой сервиса и бизнес-коммуникаций Российского нового университета (РосНОУ); главный редактор научного журнала «Современная коммуникативистика»; e-mail: lmg2015@yandex.ru

Папуша Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: is.papusha@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyubov M. Goncharova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Institute of Russian Language; Head of the Department, Department of Service and Business Communications, Russian New University; Editor-in-chief of the scientific journal “Modern Communicativistics”;

Irina S. Papusha – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Slavic Philology and Culture of Communication, Moscow Region State University

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гончарова Л. М., Папуша И. С. X Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии в современном мире» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 118–121.

FOR CITATION

Goncharova L. M., Papusha I. S. X International Scientific and Practical Conference “Humanitarian Technologies in the Modern World”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 118–121.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2022. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philologymgou.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,75, уч.-изд. л. 9,75.

Подписано в печать: 18.11.2022 г. Дата выхода в свет: 09.12.2022 г. Заказ 2022/11-06.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А